

ИСТОКИ

ИСТОКИ

2022

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 14

МОСКВА

2021—2022

УДК 882—1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:
Ирина Антонова
(первый заместитель
главного редактора)

Евгения Славороссова
(заместитель главного
редактора)

Людмила Осокина
(заместитель главного
редактора)

Ирина Егорова-Нерли
(художник-
оформитель)

Рассматриваются и принимаются только рукописи, набранные на компьютере (представленные на диске и в распечатке на бумаге или присланные по электронной почте).

E- mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции.*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Ирэна Сергеева (Санкт-Петербург)

Леонид Володарский

Владимир Пустовитовский

Алексей Кебадзе

Николай Иодловский

Ольга Бондаренко

Лидия Баклашкина (Калуга)

Валерия Светланова

Татьяна Хачумова

Геннадий Дубров (Пятигорск)

ISBN 978—5—00204—522—8

2022

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Ирина Егорова-Нерли эссе о Некрасове и Волошине . . . 6-17
Ирина Егорова-Нерли эссе о скульпторах 108-119

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

- Ирина Егорова-Нерли стихи 18-22
Ирина Егорова-Нерли эссе о творчестве
А.С.Серафимова (Такмакова) 22-24
Наталья Божор о чеховской Москве 77-78

ПРОЗА

- Александр Серафимов избранная проза 25-40
Алексей Кебадзе из афганских рассказов 147-155
Валерия Шубина новелла 263-278

ПОЭЗИЯ

- Евгений Степанов 41-46
Людмила Свирская 71-76
Валерия Исмиева 79-83
Евгения Славороссова 100-107
Андрей Ивонин 120-124
Елена Семёнова 163-166

ПАМЯТЬ

- К 90-летию поэта Ю.Влодова
Юрий Влодов стихи 47-54
Борис Шапиро воспоминания 55-61
Людмила Осокина эссе 62.70

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

- Ирэна Сергеева стихи 84-89
Игорь Персианов эссе о родословной 90-94

Наталья Пунжина, стихи 95-97

СТИХОВЕДЕНИЕ

Наталья Божор эссе о русском сонете 98-99

МИНИАТЮРЫ

Людмила Осокина зарисовки 125-129

Евгения Славороссова рассказы 248-250

ТЁМНЫЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Леонид Володарский эссе об экстремистах 135-141

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Валерий Галечьян 142-146

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Владимир Пустовитовский 130-134

Дарья Солдатёнок 156-158

Леонид Володарский 175-180

Наталья Божор 185-189

Виктор Коллегорский 251-255

Татьяна Хачумова 282-2184

КНИЖНАЯ ГРАФИКА

Фёдор Славоросов 181-184

ГОЛОСА ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ

Ирина Сулимова стихи 190-192

Галина Ушакова стихи 193

Маргарита Бендрышева,

Ирина Сулимова статья об А.Хмелевском 194-196

НОВОЕ ИМЯ

Лариса Альтман стихи 197-198

Зайцева Элла стихи 199-200

Елена Бочина стихи 258-259

Галина Чеботкова стихи 260-262

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Ирина Антонова рассказы	159-162, 167-170, 256-257
Евгения Славороссова рассказ	171-174

ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДА

Борис Скуратов переводы	201-207
-----------------------------------	---------

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Татьяна Баклашкина историческое эссе	208-210
Аркадий Славоросов новелла	211-225
Эмма Божор стихи	226-229

ФАНТАСМАГОРИИ

Николай Магов книга стихов	230-246
Андрей Козлов философская фантазия	279-281

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Кшиштоф Мария Сенявский, Евгения Славороссова – письма	285-303
---	---------

ЗРИ В КОРЕНЬ

Евгений Лесин ироническая проза и поэзия	304-312
Екатерина Богданова стихи	313-315
Инна Варварица стихи	316-322
Юрий Тубольцев афористика	323-325
Нина Трегубова пародии	328-329

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

Валерия Шубина рассказы	330-331
Лидия Дэвис, рассказы в переводе М.Славороссовой	332-334

Алфавитный указатель авторов	335
--	-----

ВЛЮБЛЁННЫМ ТАЙНЫ ПРИОТКРЫТЫ или ВСЕМИРНАЯ ИСПОВЕДЬ ВОЛОШИНА и РУССКОЕ СЧАСТЬЕ НЕКРАСОВА

Эссе

*«О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!»*

Александр Блок

Ничто так не живо в России, как — необъяснимое, глубоко посаженное в сознании народов, пространное, как сама необъятная земля — РУССКОЕ СЛОВО. Действие его находит новых сподвижников и нежданно-негаданно прорастает откровением из плодovито закрученных корней... Что бы ни чувствовала душа человеческая, но каждая эпоха, как суд истории, продолжает вдохновенного мыслителя и поэта: требует ответа — непосильного для наблюдателя и горячего для участника.

Каждый состоявшийся поэт в затишье разыгравшейся личной драмы и в горниле народных бедствий льёт свой звук и живёт под его защитой.

В 2021 году любители поэзии отметили 200 лет со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова (1821–1877), а теперь в 2022 году мы вспоминаем Максимилиана Волошина (1877–1932), ведь 145-летие со дня рождения — долгожданный повод для тревожных раздумий и живых импровизаций.

Две памятных даты, два лирических явления! Если Некрасов «проповедует любовь враждебным словом отрицанья», то Волошин, будто отстраняясь от случайных вопросов, с пугающей прямоотой обращается к читателю:

*Как странно, свободно и просто
Мне выявлен смысл Бытия.*

Даже эти, выхваченные для сопоставления, знаменитые строчки наших поэтов сразу предопределяют значительность, протяжённость и точность оценки творческого пути в своём времени и в двух столетиях русской литературы.

Кем же был и остался для нас Николай Алексеевич Некрасов?.. Что и сейчас не оставляет нас равнодушными, определяя не только общественное значение, но и вневременную суть его дара?

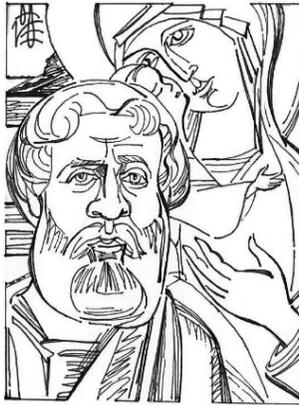
С малолетства, пребывая в центре волжских просторов (село Грешнево), Некрасов был приобщён к сельскому быту и помещицким нравам — к порядку веками сложившихся сословных взаимоотношений. Казалось бы, его дворянское происхождение гарантировало необходимый достаток и привилегии, но одержимость литературой, недопускающей иного выбора, через крайнюю нужду и унижения (петербургские годы молодости) настойчиво вела его к писательскому подвигу. Семинарист и сочинитель, гимназист и вольный слушатель Петербургского университета (1839–1841), критик и журналист, сатирик и автор водевилей, издатель «Современника» (1846–1866) и с 1868 года редактор журнала «Отечественные записки»... Таков длинный и неполный перечень учёбы и работы Некрасова. Но основным его поприщем, живущим в памяти с юных лет, конечно, была роль поэта-трибуна — осуждающего дикую жестокость крепостного права:

*Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мёртвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...*

«Карающая лира», «муза мести и печали», «кнутотом иссечённая муза»...

Но одновременно с грозowymi раскатами строчек расширился такой сказочный, всепобеждающий поток любви:

*Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!*

Так отдельной, сокровенной темой возвышаются женские образы Некрасова, в которых переливаются нежные страсти и его собственная певучая многострадальная интонация любви к своей матери, предположительно непокорной и печальной варшавянке:

*Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупниц
В величье дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц.*

Воспоминание? Потрясение или источник памяти священной? — Написано в последний год жизни поэта (1877 год!), когда женившись на милой его сердцу простолюдинке Фёкле Анисимовне Викторовой (его Зинаиде) и уже тяжело болея, в посеребрённом луной томительном безлюдии ночи, в чутких к случайному шороху липовых аллеях поэт «бродил» — воображая себя наедине с молодой матушкой, читающей тайные письма. Может, её плач и был заклинанием его музы? Родились строчки его души:

*... И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты
И носит песнь, слагаемые мною,
Живой любви глубокие черты,—
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!*

Любовь уходила и возвращалась! Рядом были и неприступная Авдотья Панаева, и расчётливая француженка Селина, и разноряженная вдовушка Прасковья Мейшен... Но — на грани очевидного безумства и даже почти самоубийства — в бойком огне влюблённости Некрасов не изменил своей поэтической сути! А когда появились «женщины в русских селеньях, с походкой, со взглядом цариц...», то среди обстановки убогой гордая романтика юности нарисовала статных крестьянок, настоящих красавиц, наливающих полнокровным теплом, как райские бутоны средней полосы — его Карабихи. Даже мимолётные сцены из жизни («Тройка») его поэтическая сила развернула в эпический песенный эпос — в пронизывающее каждого, свободного застольное многоголосье и предсказание судьбы. Так же — не изменяя таинству человеческих чувств — языческий дух поэмы, символ владычицы-природы «Мороз, Красный нос», облегчая страдания любящей вдовы, принимает её в свои объятия и забирает в иной мир, где Дарью ждёт её муж Прокл. Или — в реальной жизни не найти счастья обычной крестьянской семье и только смерть вправе подарить им свидание и сладостную отраду утешения? Замысел поэта стал неожиданно близок европейскому литературному источнику XIII века, ведь и на русской почве могли быть свои Тристан и Изольда.

Как трактовать жизнь? — Думал ли об этом Некрасов, споря и соглашаясь — замыкаясь в себе и требуя истины? Может, само собой родилось:

*В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков.*

«Кому на Руси жить хорошо?..» кажется, более меткого и мудрого названия трудно придумать! Завязалась поэма как путешествие и возвращение из фольклорного пролога да на свою Родину, где выстроилась чёткая вертикаль власти, где и до сих пор «высоко Бог, далёко царь...», где и бывшие крепостники тоже не считают себя благополучными господами («Теперь не та уж Русь!»).

Ирония поэта не щадит никого! Только заступничество и народная доля вызывают его сочувствие. Так и «просто мужик» Ермил Гирин посажен в острог за пособничество в крестьянских бунтах «Испуганной губернии, уезда Недыханьева, деревни Столбняки». Даже такие богатырские натуры, как крестьянин Савелий («клеимённый, да не раб!») тоже обречены на горькую участь:

*«Как вы не бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог и каторга».*

Будто, растворяясь в народном хоре своих героев, со страниц поэмы держит круговую оборону — от грешных невзгод и обид людских — поэт и барин Николай Алексеевич Некрасов. Отсюда и несокрушимая широта его волжского характера, презрение к «песням рабским и музыке холопской». Отсюда и ожидание — его поэтическое воззвание к родному краю и «силы необъятные» Гриши Добросклонова, главного ответчика его поэмы:

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!*

Глава «Пир на весь мир» — уверенный отсчёт поэта и путь общенародного действия. Именно ПЕСЕННОЕ СЛОВО и есть ЦЕЛЬ ПОЭМЫ, а «звуки лучезарного гимна» — СЧАСТЬЕ ТВОРЧЕСТВА и оружие в некрасовской «войне» с несправедливостью.

Как это не покажется случайным, но год смерти Некрасова стал и годом рождения Волошина. Парадоксально и промыслительно служение ищущего духа! А можно ли спустя век, не нарушая внутренней логики развития личности, страстно и убедительно написать о Максимилиане Волошине — несоизмерим в своей человечности и планетарности художественного видения?.. Он поэт и художник, переводчик и публицист, мыслитель — типичный представитель Серебряного века. По рождению — киевлянин, по привычкам и дружелюбию — крымчанин, облюбовавший прибрежный посёлок Коктебель для творческой радости и поэтического труда. Мастер пейзажа, воспевавший в своих акварелях изысканную гармонию Крыма, по сути вдумчивый археолог и неутомимый путешественник по Сред-

ней Азии и Средиземноморью — Волошин сам стал неотъемлемой частью Коктебеля, плотью плодоносящего Слова, мысом бухты, напоминающей его профиль: повторяющей, по его наблюдению, «некое подобье» могучих черт лица... Его мироощущение — первобытно по цельности, христианское по вере, историческое по идее, гармоничное по выбору. Преемственность к всечеловеческому Бытию он высказал в 1921 году в своём цикле «Усобица»:

*Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?*

Волошина, осмысливающего государственные пути России, характеризует связь со всей мировой культурой и укоренённость в традиции, благоволение к человеку — «ближнему своему» — независимо от его происхождения и статуса. Как и многие из его сверстников, он неоднократно был исключён из Московского университета за революционные взгляды. В ранних стихах поэта преобладает некрасовская нота необратимых предчувствий революции («Уж занавес дрожит перед началом драмы...») и его стихотворение «Предвестия» — отклик на 9 января 1905 года.

Душа поэта металась между желанием «ветхозаветной тишины» (прочувствованной Мариной Цветаевой) и «ужасом разъявшихся времён» войны, между отрицанием политики и общественным признанием, пророчеством («Ангел мщения») и воззванием («Доблесть поэта») — между монументальной по форме лирикой, теософией, мистикой и антропософскими учениями Рудольфа Штейнера, среди последователей которого была и его первая жена Маргарита Васильевна Сабашникова. В отличие от Некрасова Волошин был «над схваткой» и внутри трагедии — считал, что сам должен остаться между белыми и красными: «В дни революции быть Человеком, а не Гражданином».

Ссылаясь на послание Иоанна Богослова в статье «Россия распятая», Волошин понимает неизбежность Страшного Суда, завершающего Апокалипсис войны и революции, ибо, по его мнению, государство и народ — как и Богоматерь с неопалимой купиной — прошедшие через муки и смерть, воскресают, чтобы спасти мир. Не потому ли и вселенская тревога Волошина («Я и Германского дуба не предал, Кельтской омеле не изменил») всё же созвучна упованию в слове Некрасова, горячо уверовавшего в свою выстраданную правду, которая не только пригодится человечеству, но и поможет России стать счастливой страной.

Оттого ли, может быть, у поколения детей Серебряного века, как и на письменном профессорском столе моего дела Николая Ивановича Егорова (члена Русского географического общества), могли соседствовать, сохраняя непоколебимую надёжность, классический бюст Н. А. Некрасова и отшлифованные морской волной осколки камней из глубин Сердоликовой бухты Коктебеля... «Всеобщая связь явлений!» — наверное, с восторгом мог бы воскликнуть Максимилиан Волошин. В судьбоносные годы нет ничего прошлого и призрачного для безжалостного горя и милосердных чувств.

Как художник, сроднившийся в оттенках и мелочах со всей многовековой жизнью российских пространств — Волошин, подобно Александру Блоку, упивается красотой земли:

*Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Тёмная Киммерийская степь.*

Это его «Дикое поле» — его Россия, где время от времени, как неуправляемая стихия, летят «Скифы» и вдруг возрождается «Святая Русь». Отсюда мессианизм — предназначение России, испытавшей на себе адское пламя революции во имя спасения человечества. Так, убеждённый в своей правоте, в стихотворении «Русская революция» Волошин утверждает:

*Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратитъ
Её погибельные тропы.*

Да, в литературном процессе всегда существуют философско-религиозный анализ своего времени и незатихающая жажда обретения своей доли в постоянно обновляющемся мире.

Волошин сумел простить белых и красных, сопереживал уже признанным и начинающим авторам. Встречая его юбилей, мы ещё больше осознаём необходимость собирающей пристани, ведь поэту, как бескорыстному скитальцу, важен тот, кто мог бы любить творчество и, как Волошин, заботиться о людях искусства, чтобы блаженные и неуправляемые носители великого языка тоже могли почувствовать себя нужными для той страны — той России, которая впоследствии сможет ими гордиться.

Максимилиан Волошин был щедро одарён сам и отзывчив на истинную поэзию, соединял и творил судьбы — жил по своим законам. Юной Марине Цветаевой он преподнёс берег дружбы, своё сердце — бьющееся в ритме её первых стихов. Это «равенство известного с неизвестным» (цветаевское открытие!) бесценно во все времена. «Событийный человек», — спустя годы писала Марина Ивановна. Подтверждая это божественное право, мы по-иному воспринимаем Волошина (титана среди людей!) и обращаемся к его интригующему мифу — Черубине де Габриак: Елизавете Ивановне Дмитриевой... Разве эта его мистификация — не тонкий упрёк и насмешка над теми, кто славит прославленное, не имея художественного чутья и собственного мнения — кто, гоняясь за внешней красотой, забывает о головокружительном аромате таланта.

Проникновенные стихи Волошина, запечатлевшие полынные луга, выжженные солнцем предгорья Киммерии и напевные поэмы Некрасова, охватившие крестьянскую жизнь витиеватым лубком и бойким рисунком метафор, слились в одном узле нашей цивилизации. Некрасов и Волошин — по сути два живописца, заглянувшие палитрой поэтического письма в любимые ими уголки огромной страны и подарившие нам их вторую жизнь в литературе. Лиризм и красочность их стихов прошли огневой обжиг прозрения, ведь ни двойные стандарты крепостничества, ни братоубийственное злодейство Гражданской войны не могли обойти их сердечную открытость — дали трагическую энергию вольному течению мысли. Будто не в XIX веке, а здесь и сейчас за нами наблюдает Некрасов. Его ясный и вопрошающий взгляд подчёркивает белая рубашка и не застилаемая кровать вблизи круглого столика, книг и листов бумаги...

*«Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом...»*

Что это, как не признание «сына лежащего» Родине («Мать-отчизне!») и любящей его, преданной Зине.

А каким величественным и родным предстаёт Волошин, словно сошедший с античных ваз бог (по описанию Марины Цветаевой — Зевс). Кажется, он сам полон гомеровских дум... Однако — одеяние библейского покроя (его парусиновый балахон), меняя времена, моим воображением переносит поэта на грандиозное полотно Александра Иванова...

Конечно, и в XXI веке волошинские стихи излучает земля Киммерии, его обетованное убежище — место, притягивающее художников, писателей и музыкантов: площадка для джазовых фестивалей, пленэров и выставок. Его дом, завещанный союзу писателей,

многие годы оберегала его вторая жена — верная помощница, писатель и медсестра — Мария Степановна Заболоцкая (1887–1976). И поныне в «Доме Поэта» волошинская смелость пробуждает творческий отклик и зазывает его почитателей:

*«всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течёт, не иссякая».*

Да, Волошин сострадал любому в нужде и горе — всем предлагая кров и заботу: отдавал всего себя и свой «Дом Поэта», что «памятью насыщен, как земля», где и

*«Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».*

И в наше время, переживая противоречивые итоги очередного этапа перемен, мы склоняемся перед писательским мужеством классика Серебряного века Максимилиана Волошина и чувствуем беспредельную жертвенность в стихах Николая Алексеевича Некрасова:

*Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдаёт
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживёт...*

Пушкин дал слову жизнь, Некрасов ощутил песенную природу русской речи — писал за народ и от имени народа. В его поэтическом голосе проявилось загадочное единство с той, заповедной — не прорвавшейся в печать и существующей столетиями — народной жизнью. Кажется, и по-некрасовски точно говорит нам о России Волошин! И его «земля взыскующей любви» — «подводный Китеж» — живёт как «наш неосуществимый сон»; его Русь Святую и грешную волнуют русские вопросы Н. А. Некрасова середины XIX века! И по-новому звучат строчки Николая Алексеевича:

*Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая...*

Продолжая исторический вывод Некрасова, с кроткой самоотдачей верующего Волошин, будто обращаясь к потомкам, пишет в 1922 году:

*Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.*

Так преодолевает искушения и смуты Россия Волошина — его знак в истории человечества и судьба русского поэта в его эпоху. Так — не случайно и мои стихи тоже описывают его зримое присутствие на крымской земле и в нашей культуре:

*... Там в землю лечь, где с горизонта
Глядят миры античных драм
И крымской пристани дремоту
Поэт познал как Авраам.*

*И полон звуков жар палящий,
И голосит поющий горн —
И наказаний Глас разящий
Доходит эхом в затишье гор.*

*— Распятый век! Пути и бездны
На виражах кровавых дней.
С каких утрат возводят стены
В мир одиночества идей?*

*Речам во след волнами моря
Играют нити вещей струн...
Там свой оплот ковчегом Ноя
Волошин высмотрел в миру.*

*Поэта дух — так лепит Лира:
Пророк гласит из уст его,
И жизни дань — как тост для пира,
Где Слова звук — любви вино!*

Волошин и Некрасов! — Объединены братством, не подразумевающим прямого родства — связаны темпераментом протеста и надмирным ответом художника. Один — через отчаяние и неизбежные беды I-ой мировой войны, незаживающую рану революции;

другой — через тяжкую ношу сочувствия народу и непереносимые страдания болезни... Каждый в свой час — они пригубили чашу невзгод человеческих и в своём творчестве оставили нам поэтическую боль и бессмертие любви. Можно ли устоять, не написать свои стихи, посвящённые Н. А. Некрасову? — молчать в присутствии наших поэтов?..

*Когда на место Слово встанет —
Его не вынуть из строки:
Оно откроет мира грани
Резцом провидческой тоски.*

*Тоска по чуду сердце ранит,
Печаль мелодию дарит...
О, так Некрасов нам не странен,
Коль сердце поет и болит.*

*Легко в толпе спешащей —
Привычно жить в своём ряду,
Но рифмы путь рукой дрожащей
Продолжит знавший нищету.*

*Несправедливость так терзает
И муза голос подаёт:
«Кто рабской доле сострадает —
От барской воли устаёт.*

*Крестьянство так природой дышит
И тыщи лет хлеба растит,
И там, где боль, из гулкой тиши
Слезой, как Словом, говорит.*

*Ведь муза влюбчива по-своему,
Её платок запомнил Блок
И власть красы узнал по звону
Переходящих в песню строк.*

*Звучит мотив! Века шагают,
Режимы рушатся вдогон,
А строки время побеждают,
Как веры праведный поклон.*

*А вокруг, как и тогда — в их творческое время:
Плеск волн и черноморский ветер,
Тепло полей и щебет птиц...
Свежи как жизнь преданья эти! —
Им нет конца в пути страниц.*

Так неразрывно живут, развивая диалог, европейское и русское, университетская планида и народная воля, философские приключения и крестьянский задор, исповедальное чаепитие в Коктебеле и зелёный Шум в Карабихе...

Некрасов и Волошин — два поэтических мира, как две летящие планеты, встретились в одной тайне, соударились в грозном открытии «страшных лет России», столкнулись и разошлись: каждый — на своё законное место в русской литературе. Так в бесконечных просторах Руси велик путь ХУДОЖНИКА СЛОВА, ведь краски и музыка, заключённые в строки, нам и через столетия говорят о любви к Отечеству и вере в достойное будущее России, прошедшей свою Голгофу.

23 февраля 2022 года

Обращаясь к традициям нашей культуры, не могу не отметить, что и графическое содружество Н. А. Некрасова и М. Волошина в иллюстрациях и заставках возможно поможет полнее раскрыть их подвижническую суть и озвученное взаимодействие на страницах альманаха «Истоки».

С уважением Ирина Егорова-Нерли

НА ПРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Ирина Егорова-Нерли

ПОКА СТОИТ РОССИЯ...

* * *

Кто ждёт — непременно дождётся!
Кто любит — не сможет забыть...
Так в сердце навек остаётся
Та жизнь, что не дали прожить.

И в этом — война виновата:
Её отвести не смогли!
Но всё понимает, как надо,
Берёзовый плач от земли.

Невольно с печалью в обнимку,
В проталинах вешних дождей
Мы снова находим тропинку
От старых военных путей.

Там слёз целый век не отплакать,
Наш мир до конца не понять!
И снится под утро атака,
И маленькой девочкой Мать...

23 февраля 2022 года

* * *

Расчеловечить — цель фашизма,
Чтоб узаконить геноцид!
А после — чёрный морок дыма
ров, что жертвами покрыт.

А после — сумки детской кожи
И кровь для будущих лекарств.
Как то допущено! О, Боже!
Иль нет преград для адских прав?..

А город двигался до яра —
Толпа рекой, где млад и стар:
Когда наступит Божья кара
Всех сотворивших Бабий яр?

Название — скорбь, как память капищ,
Как холм, обугленный пальбой!
А после — трав густая затишь
И шёпот лет между собой.

Земля жива — по-женски дышит...
Любовь родит, вручая дар.
Но кто нацизм в словах опишет —
Прошёл живым свой Бабий яр.

29 сентября 2021 года

* * *

Снега сорок первого года,
Как намертво вставший отряд —
В ледовых окопах пехота
И танков последний парад.

В объятых жестокой метели
Безлюдие истринских сёл,
Винтовки у малой траншеи,
Замёрзшей картошки подол.

Шаги осторожной разведки
И немцев прицельный огонь:
То ночь в самолётной подсветке,
То взрывов слепящий разгон.

В поту керосиновой лампы
Иконка, что в храме жила...
С тяжёлыми вилами бабы,
Дом предков, сожжённый дотла!

Такое — морозом по коже...
Рассвет в придорожной пыли:
Хруст снега от женских сапожек
И гром эшелонов вдали.

19 декабря 2021 года

* * *

Нам войны бесконечные беды —
Отзвук боли, что просится в крик:
Белый гриб обжигающей бездны
И скорбящего Ангела лик.

Эти слёзы, летящие росы,
Прибывающий хлад облаков —
Отражений немые вопросы
И подлунный поток голосов.

Обнажённое поле в покосе,
Горизонт чёрно-белых полос...
Огневая в безумии осень
И готовые свечи берёз.

18 октября 2021 года

* * *

К. Г. Шахназарову

Пока стоит Россия,
Тысячелетний бой
Проходит с новой силой
Над жизнью и судьбой.

Давно, в иные лета
Захоронился враг:
Опять, поправ запреты
Ползёт фашистский танк.

Из мрака вылезает
Нацеленный снаряд,
Война конца не знает,
Пока стоит солдат.

По выжженной морщинке
Не катится слеза.
Как две бесцветных льдинки,
Бездонные глаза.

Туман тот взгляд не застит
И время не сотрёт —
В зрачках спасенья ради
«Бессметный полк» пройдёт.

Тогда — на самом деле
Душа озвучит вслух:
Остался в хрупком теле
Не человек — но дух!

4 апреля 2018 года

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Наш день Победы,
Бесценный рубеж,
Знает ответы
Горячих надежд.

Песни и слёзы,
Война и весна —
Судьбы, вопросы
И вдруг тишина.

Это молчанье —
Утихнувший день,
Праздник-отданье —
К ступени ступень.

Фото в окладах
С идущих рядов,
Тайна во взглядах
И горы цветов.

Павшие рядом,
За каждой спиной:
С каждым Парадом
И с каждой войной.

Лица из неба
Плывут в тишине,
Светится верба
В пасхальном огне.

Пламя утраты,
У сердца ладонь —
Каска солдата
И вечный огонь.

9 мая 2020 года

БУДЕМ ЖИТЬ ВОПРЕКИ или РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ПОПРИЩЕ А. С. ТАКМАКОВА (СЕРАФИМОВА)

Эссе

Говорить – дело привычное и порой не требующее от нас характеристики человека, не претендующее на серьёзные выводы. Однако Слово каждого писателя, как и его жизнь – это монолог, длящийся сквозь время и пространство.

Думая о творчестве Александра Серафимовича Такмакова – главного редактора альманаха «Истоки», подвижника и писателя (историка по образованию) – я ощущаю связь поколений в прочной обойме словесного послания, вздрагиваю от искренней интонации, раскручивающей мастерски связанный клубок впечатлений, покорных его собственному мнению и видению истории нашей Родины, отображённой в людях, лишённых привилегий, властных полномочий и достатка, защищающего от невзгод. Да, это простые сельчане-труженики, художники и музыканты, прихожане недавно открытого Храма, предприимчивые россияне и старожилы когда-то добротных деревень и подмосковных городов.

Будучи и сам сибиряком – уроженцем далёкого от Москвы Кемерово и знающим не понаслышке о жизни ссыльных и переселенцев всех смут российских, Александр Серафимович достоверно, жёстко, без полутонов – от слова к слову – ведёт своё повествование.

Сибиряки говорят мало – они знают цену слову, как и поступку: не забывают того, что было и не удалось миновать... Сибирь всегда удивляла своим самосознанием, недюжинным почином и образной прорисовкой в произведениях писателей-самородков. Да, вырубка здоровых стволов крестьянского рода не обошла ни одну семью! Россия А. С. Такмакова, как и его героиня Степанида, осталась без мужнего плеча... В его рассказах – будто Шестикрылые серафимы – пламенные души пророчествуют и предупреждают, действуют и спасают, тоскуют по намоленному Бытию народа, прошедшего сквозь XX век.

Это состояние словно продолжает течение исполинских рек и дух непроходимых до конца лесов, неисчерпаемых богатств, скрытых в недрах земли. Это подкатывает, наплывает, укачивает, лишая сна... Не потому ли суть изложения, как и внешний облик писателя, едины в природной устойчивости – непримиримы к провокациям легковверного лукавства (повесть «Провокаторы»), к преступной корысти современного общества, опутанного кознями греха, не до конца не побеждённого и готового к озарению по воле Случая и промыслу Создателя.

Есть в прозе Такмакова ожидание и надежда, проявляется и шукшинская цепкость народного языка, и тяга к притче Виктора Астафьева, и цельная лепка женских образов, перекликающихся с протестующими бабами-памятниками Валентина Распутина. Эта пронзительная нота одиночества звучит в некогда процветающих деревнях, где остались работающие старики, которым кроме верной собаки никто вовремя не поможет. Рассказ Такмакова «Старик и его собака» органичен и глубок по своему содержанию! Будто исподволь, невзначай, с художественной точностью повести и рассказы Александра Серафимовича показывают нам, что в народном представлении дремлет и закипает жажда иного миропорядка, достойного страны, перестрадавшей беды безбожия, раскулачивания, белого и красного террора, глумления над личностью и праведностью – страшные годы Отечественной войны, подкосившей наш генофонд. Без этого предназначения – завета предков – не сохранится Россия!

Это убеждение проступает и подаёт знак к творчеству, чтобы одержимые смельчаки, подобные Серафиме из одноимённого рассказа Такмакова, утвердили свой талант в мире, чтобы старики в обезлюдевших сёлах поставили долгожданные Храмы, и Степаниды негибаемо удержали свой Крест вдовьей доли и вырастили своих детей.

Или так у истинно пишущего всегда подтверждается, подмеченная Ф. М. Достоевским, закономерность испытания жизнью? .. Ведь и впрямь – природа (по мнению нашего классика) всех людей пускает для пробы на этот Свет... Кто выживет – ответит, кто сдюжит – победит, сможет – напишет и, как Полководец Слова, соберёт свою

рать. Тому яркий пример и альманах «Истоки», из года в год печатающийся без господдержки – на личной инициативе сотрудников: поэтов и писателей, почитателей русской литературы и, конечно, существующий благодаря горячей поддержке А. С. Такмакова.

*Жить вопреки – судьба и подвиг...
Терпенье! – трижды повторю.
Иль так реке нужны пороги,
Чтоб вновь проверить мощь свою?*

Так спорят в судьбе человека врождённый талант и сделанная биография, законы профессии и муки призвания, неожиданный случай и необъяснимая предопределённость. Даёт о себе знать и сибирская «закалка» кемеровских широт, и подмосковный огляд клинских рубежей.

Оттого и рассказ Александра Серафимовича «Превратности судьбы» воспринимается как хроника из жизни малых городов или сибирских мегаполисов.

Пока в поругании Святые места, соборы лишены былой славы и церковной жизни – мается душа... Так – при встрече и в соборной молитве – перед Великим постом мы говорим: «Прощения просим...» и в ответ повторяем: «Бог простит...» Так в повести Такмакова «Прости и прощай» растауются любящие люди. Так и, поминая А. С. Пушкина, мы чувствуем, что «сказка ложь, да в ней намёк» теперь – в наши дни – дозрела до сказки-были, напутствующей во спасение и дарующей влюблённым Благословение...

*Думка народного схода —
Промысел тайных надежд:
Будто искала природа,
Где её силы рубеж.
Притча крестьянского сердца
Мир от безбожья хранит —
Слово даётся в наследство
Тем, кто за веру стоит.*

22 августа 2022 года
Москва

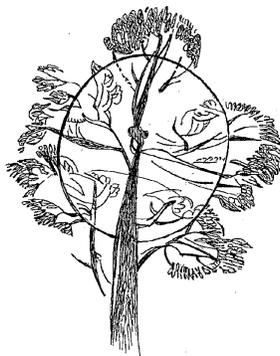
ИЗБРАННАЯ ПРОЗА
АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВ

НАТАЛЬЯ БОЖОР

ПОСВЯЩЕНИЕ
АЛЕКСАНДРУ СЕРАФИМОВУ

Ваша
Проза
Хрустальная
Светлоокая
Дальная
Предрассветная
Чистая
Ваша
Проза
Лучистая
Звездоокая
Тайная
Ваша
Проза
Кристалльная

Александр Серафимов
Высоковск

СТЕПАНИДА

Увидев в руках почтальонки серую бумажку, Степанида обмерла, сердце защемило от предчувствия беды, холодный пот проступил на лбу и щеках, ноги ослабли, и чтобы не упасть она ухватилась за калитку. Такие небольшие четвертушки серой бумаги означали одно — отец, сын или брат погиб в бою с фашистами. Осознание, что её муж погиб за правое дело не смягчало горечь утраты. Скомкав в руке роковую бумажку и постояв несколько минут у калитки, она вытерла фартуком слёзы и вернулась в дом. Этот дом они вместе с мужем построили сразу после скромной свадьбы на участке, который выделил им райсовет. По правде сказать, это был не дом, а засыпная халупа, сбитая из досок и покрытая от дождей рубероидом. Посреди халупы возвышалась русская печь, которая делила помещение на кухню и комнату, где стояла две железные кровати, на одной спали родители, на другой старшая дочь и её младший братик. У самой печи на топчане, над которым висела люлька малышки, спал престарелый отец мужа, Степан, который на время отсутствия невестки присматривал за детьми.

Теперь она одна должна была вырастить троих детей, двое из которых были совсем крохами — Стёпке шёл четвёртый год, Насте год, третья двенадцатилетняя дочь Дуся была её помощницей по дому и в огороде. Собственно, если бы не огород они уже давно бы померли от голода. Картошки, квашенной капусты морковки и свёклы им хватало до апреля. Весной, когда сходил с полей снег, Степанида с Дусей отправлялись на ближайшее картофельное колхозное поле в поисках остатков прошлогоднего урожая. В раскисшей от избытка воды холодной земле они отыскивали перемерзшие за зиму картофельные клубни, из которых пекли драники. В мае, когда очнувшаяся от зимней спячки земля расцветала, Степанида с Дусей шли за город и вдоль дороги рвали лебеду из которой варили суп, а осенью собирали калину, черёмуху и грибы — тем и питались всю зиму.

Протопив с утра печь и собираясь на работу Степанида укладывала малышей на теплые полаты, разжёвывала ржаной хлеб, обёртывала жвачку в марлю и засовывала в рот малышам.

— Мамочка я хлебушка хочу, — выплёвывая жвачку изо рта, заплакал Стёпка.

— Потерпи, мой хороший, вот схожу на работу и принесу тебе хлебушек.

— А ты скоро придёшь?

— Скоро, очень скоро, а пока ты поспи, поспи, милый, да присмотри за малышкой пока Дуся в школе будет и за дедушкой тоже присмотри, он совсем хворый, а ты у меня мужчина, старший в семье, — прижимая к себе и утирая слёзы, давала наказ Степанида.

— Мамочка, а у меня вон какой животик, — подняв подол рубахи, вдруг заявил Стёпка.

— Господи, неужели рахит? Так и есть рахит, — оглядывая водянистый живот сына, с ужасом подумала Степанида и, погладив сына по головке, спросила, — А он не болит?

— Не болит, мамочка.

— Хорошо, очень хорошо, а хлебушек я скоро принесу, — сказала Степанида, а про себя подумала, как будет поить Степку рыбьим жиром, которым только и можно было вылечить рахит.

Работала Степанида путевым обходчиком на ближайшей от дома железнодорожной станции, куда устроилась за три года перед Великой Отечественной войной. В любую погоду, несмотря на дождь и снег, она ежедневно обходила свой участок железной дороги, осматривала шпалы и рельсы и, если обнаруживала ослабленные гайки, тут же подтягивала их. Особенно тяжело было зимой, когда снег заносил соединения рельсов, которые она должна была откопать и проверить стыки. Однажды она обнаружила, что несколько крепёжных гаек, совсем по Чехову, были отвинчены, а в это время должен был пройти состав, гружённый углём. Недолго думая, Степанида выхватила из футляра красный флажок и размахивая им, бросилась бежать навстречу поезду. Помня, что тормозной путь гружённого состава почти километр она, преодолевая слабость от хронического недоедания, с большим трудом, но пробежала большую часть пути и остановила поезд. За этот самоотверженный поступок руководство наградило её отрезом шёлковой материи, которую она тут же променяла на кусок мяса.

Однажды на станции она познакомилась с помощником машиниста, будущим мужем Дмитрием, который более года ухаживал за ней и только благодаря своей настойчивости взял её в жёны.

Степанида долго не соглашалась выходить замуж потому, что последние восемь лет после всего случившегося с ней и её семьёй,

она жила воспоминаниями о прошлой счастливой жизни, где у неё был любимый муж, большая дружная и работающая семья, которую в одночасье уничтожила советская власть.

Очаровательную девушку из бедной семьи сосватали за Колмогорова Ивана из зажиточной семьи, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Жених был хорош собой — статный, черноволосый с выразительными ласковыми карими глазами, о которых многие девушки села Пospелиха втайне мечтали. На свадьбе счастливой пары целую неделю гуляло всё село, мать жениха и несколько её помощниц буквально сбились с ног, готовя угощения и подавая на столы всё новые блюда.

Семья Колмогоровых, куда переехала после свадьбы Степанида, была дружной и работающей. Кроме родителей мужа в большом доме с многочисленными хозяйственными постройками проживали сестра, брат Ивана Андрей с женой и тремя детьми, бабушка с бабушкой по отцовской линии.

Дед Ивана, Колмогоров Григорий Спиридонович, потомственный донской казак, в девяностые годы 19 века во время пьяной ссоры покалечил своего атамана, в результате чего вынужден был покинуть станицу и переселиться на Алтай. Здесь в предгорьях в селе Пospелиха он получил несколько десятин плодородной земли, построил дом, обзавёлся хозяйством и женился на местной девице. Со временем его сын, Прохор продолжил дело своего отца, прикупив к уже имеющимся, три десятка десятин земли, заливной луг для пастбища, отару овец, двух коров, рабочую лошадь и рысака для выездов. Хозяйство разрасталось, требовались работники, и Прохор женил ещё совсем молодого старшего сына на соседской, крепкого телосложения девице. На все возражения сына он отвечал: «Красота приглядится, а крепкая рука пригодится». Все обязанности в доме были расписаны, каждый знал, чем ему заниматься, какую работу в данный момент выполнять — мужчины пахали, сеяли и убирали урожай, косили сено, стригли овец и заготавливали дрова на зиму, женщины работали на кухне — готовили еду на семью, варили поило для животных, убирали навоз, а по вечерам пряли домотканые холсты, из которых шили нательное бельё и рубахи для мужиков. Жена старшего сына Марфа была обязана сбывать излишки продукции на городском рынке, до которого было верст пятьдесят, и куда по пятницам отвозил её муж.

Когда Степанида вошла в дом своего мужа, ей сразу определили работу по дому — в её обязанности входила уборка в доме, хозяйственных постройках и обширном дворе. По вечерам, как и все, садилась за пряжу, ловко вращая веретено, сучила шерстяную нить для будущих носков, рукавиц и шарфов. С раннего детства приу-

ченная в доме своих родителей к тяжёлому крестьянскому труду она воспринимала работу по дому совсем не тяжёлой и помогала на кухне своей свекрови чистить картошку и овощи.

Через полгода Степанида забеременела и к концу 1929 года разрешилась девочкой, которую назвали в честь бабушки Евдокией.

Всё шло хорошо, деревня после гражданской войны в годы нэпа начала процветать, наиболее старательные и трудолюбивые крестьяне обзаводились скотом, разводили бахчу, на которую был большой спрос в городе. Раз в неделю в селе появились перекупщики, которые за умеренную цену скупали зерно, арбузы, дыни, яблоки и облепиху, которой была особенно богата алтайская земля.

Но однажды, в конце апреля в село вернулся местный забияка и пламенный борец за справедливость Аркашка Мешков. После освобождения Сибири от Колчака, Аркадий, бросив большого отца и мать, добровольно записался в Красную Армию, дошёл с ней до Владивостока, потом оказался в Туркестане, где гонялся за басмачами, был тяжело ранен и в связи с этим комиссован из армии. Пока он воевал с международным империализмом умер отец, большая, рано постаревшая мать вынуждена была просить у сердобольных односельчан кусок хлеба, тем и жила в ожидании своего неугомонного сына. Вернулся он в ту пору, когда в стране началась знаменитая коллективизация, в результате которой были раскулачены сотни тысяч крестьянских хозяйств, беднота объединялась в колхозы, а крепкие хозяева ссылались в Сибирь. Там, в глухих, необжитых местах большинство из них погибло от голода и неустроенности.

Приехал Аркадий в село с особыми полномочиями — уничтожить, как класс, местных кулаков, а за одно и всех середняков, особенно тех, кто во время уборки урожая нанимал сезонных рабочих. Одетый в кожаную куртку и красные революционные галифе с кольцом на поясе и именной саблей на боку он, размахивая постановлением губкома о коллективизации, навёл ужас на своих селян. Затем созвал сельский сход и объявил о начале коллективизации в селе, которая будет осуществляться неким комитетом, образованным из числа наиболее сознательных граждан. К сознательным гражданам, как правило, относились беднейшие крестьяне, у которых всё хозяйство ограничивалось огородом, одной коровой да парой поросят. Летом большинство из них нанимались в работники к крепким хозяевам, получая за свой труд пшеницу, гречиху и бахчевые.

Раскол на богатых и бедных в селе начался давно, те, кто не мог или не хотел обрабатывать землю, продавали свои наделы более трудолюбивым и хозяйственным мужикам, сами же превращались в сезонных батраков. Вот они-то и стали объединяться в колхозы.

Впервые Аркадий увидел Степаниду на сходе, она стояла вместе с мужем в первом ряду и явно выделялась своей красотой из общей массы односельчан.

— Кто это? — обратился он к одному из своих помощников.

— Кто?

— Вот та, что стоит рядом с Колмогором.

— Как кто,? Его жена.

— Значит, жена, красивая жена досталась кровопивцу, нехорошо.

— Брось, Аркаша, у них дочь растёт, и потом Колмогор крепкий мужик, своего просто так не отдаст.

— Поживём увидим, а муж объелся груш, не китайская стена, обойти можно.

С тех пор Аркадий стал выслеживать Степаниду и всячески старался привлечь её внимание. Дошло до того, что она пожаловалась мужу на приставания Аркадия. Однажды поздним вечером, когда Аркадий возвращался домой после очередного заседания комитета, Иван подстерёг его и, схватив за грудки, сказал:

— Не отстанешь от моей жены, убью.

— Ты на кого руку поднял? Ты на власть руку поднял, упеку туда, где Макар телят не пас.

— Я не на власть руку поднял, а на подонка, который на чужом горбу хочет в рай въехать, и запомни, я тебя из-под земли достану, если не перестанешь домогаться моей жены, — схватив Аркадия за ухо, сказал Иван и пошёл домой.

— Скажи спасибо, что я сегодня безоружен, пристрелил бы тебя как собаку, — крикнул Аркадий.

На следующий день Аркадий отправился в Барнаул и через два дня вернулся с небольшим отрядом Губчека, в его задачу входили аресты и высылка из села всех недовольных советской властью, конфискация в пользу государства их имущества, а также принудительное вовлечение колеблющихся в колхозы.

Первыми, с кого начали раскулачивание, оказались Колмогоровы. Рано утром к их усадьбе подкатила тачанка и несколько подвод, с них спрыгнули вооружённые солдаты и направились во двор. На истошный лай Барса на крыльцо дома вышел глава семьи Прохор.

— Зачем вломились в чужой двор, люди добрые?

— Ты, Прохор, и твоя семья подлежат раскулачиванию, — крикнул Аркадий.

— Вы, что же белены объелись? Мы же не кулаки, мы всё, что у нас есть, своим горбом наживали. Что же получается, те, которые кормят народ, и есть враги советской власти?

— Ты, Прохор, демагогию тут не разводи, сказано подлежишь раскулачиванию, значит отдай своё добро и дело с концом, а не отдашь возмём силой, — заявил Аркадий.

В это время на крыльцо вышел Иван с двустволкой в руках.

— Убирайтесь туда, откуда пришли, — прицеливаясь в командира отряда, крикнул Иван.

В то же мгновение один из солдат вскинул винтовку и выстрелил, пуля попала прямо в сердце Ивана.

Так закончилось недолгое счастье Степаниды, начались годы скитаний, тяжкого труда и спасения детей от голода и болезней.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Сказка

Когда-то, давным-давно, ещё во времена Василия Блаженного, Клин был рядовой крепостью московского царства. Он был обнесён частоколом, земляным валом и рвом, но это мало помогало от врагов. Обложат крепость со всех сторон, и давай обстреливать её огненными стрелами. Вскоре в крепости начинались пожары, и не было людям спасения в этом огненном кольце.

Тогда придумали они, как спасти жён и детей своих от гибели неминучей. На окраине крепости выкопали они большое подземелье. Укрепили его брёвнами, да толстым слоем земли, так что ни одна огненная стрела стала ему не страшна. Нападёт враг, начнёт стрелять огнём, защитники тут же прячут своих близких и ценности в подземелье.

Через какое-то время люди поняли, что в случае захвата крепости, их жёны и дети окажутся пленниками врага. Нужен был подземный ход к реке. Прорыли ход, замаскировали выход на берегу и успокоились. Вскоре на другом берегу реки в землянке поселилась старуха-вещунья. Стали бабы похаживать к ней, кто за советом, кто поворожить, а кто за приворотным зельем. Вместе со всеми пришла однажды узнать свою вдовью долю молодлица с сыном. Увидела

мальчика вещунья и давай гнать их прочь от своего жилища. За ворожбу и приворот рассердились мужики на бабу-ворожею, развалили землянку, а ей велели убираться прочь из их краёв.

Исчезла старуха, и сколько не искали её женщины, она точно съезь землю провалилась. Но вот вскорости из крепости стали пропадать люди. Уйдёт молодец на охоту, да и не вернётся, ищут, ищут, всё без толку. Стали грешить на тверских, но те клялись-божились, что не видели никого, что они и помыслить такое не могут. Время шло, а люди по-прежнему пропадали в лесу, и тонули в реке.

Однажды на рассвете, ночной дозор заметил, как один из стражников, спустился к реке. Стали смотреть за ним. Молодец стоит смотрит на реку, ждёт кого-то. Тут из подземелья вышла старуха в чёрном и пошла к воде. Вот она вошла в воду, окунулась и через мгновение превратилась в дивную красавицу со звездой во лбу. Дозорные обмерли слова вымолвить не могут, стоят, смотрят. Девица поманила парня за собой, и он, как был в одежде и доспехах, так и пошёл за ней в реку. Тут всё покрылось густым туманом, скрылась краса девица, а с ней молодой стражник. Больше никто не видел ни добра молодца, ни тела его.

Так продолжалось долго, люди стали бояться появляться у реки, а в лес ходили только по нужде, за дровами. Весной вдовой молодежи приснился сон, будто идет её шестилетний сыночек по водам реки, как Бог наш, Иисус Христос, и вокруг русой головы его великое сияние. Вот он выходит на берег и прямоком в подземный ход. Осветился ход и оттуда повалил чёрный дым. Слышит молодница, как с небес кто-то говорит ей: «Твой сын спасёт крепость от нечистой силы, изгонит злую колдунью из краёв ваших».

Проснулась молодница и поняла, сон то вещей. Склонилась она над сыном и зашептала: «Ангелочек ты мой ненаглядный, на тебя пало Божие благословение, но больно ты мал, хватит ли сил для нашего спасения?»

Поутру рассказала молодница свой сон соседке. Та быстро, точно сорока, тут же разнесла услышанное ею жителям крепости, и вскоре у дома вдовы собралась толпа мужиков и женщин. Стали они просить её отправить своего сына в подземелье. Долго не соглашалась вдова, но люди уговорили её. И она, взяв сына за руку, отправилась с ним на реку, ко входу в подземелье. Толпа в полной тишине шла за ними. Вот они с сыном подошли к проёму в песчаном обрыве, опустились на колени и долго молились. Затем вдова подвела сына к проходу и ласково сказала: «Алёша, сынок мой, на тебя одна наша надежда, только ты сможешь спасти всех нас от нечистой силы, только ты сможешь победить злую колдунью. Иди, да поможет тебе Бог наш, Иисус Христос».

Мальчик подошёл к входу в пещеру, троекратно перекрестился и тут над его головой возник сияющий нимб. Он оглянулся на мать и вошёл в тёмное подземелье. Прошло несколько минут и тут из подземелья повалил густой чёрный дым.

«Братцы, смотрите, никак старуха вылетела вместе с дымом», — указывая на клубы дыма, вскричал седой старик. Услышав это, толпа бросилась на колени и в едином порыве заголосила: «Это нечистая сила покидает нашу землю! Боже сохрани нас и помилуй, не дай нечисти снова поселиться среди нас, грешных!»

Затем земля содрогнулась, берег реки пришёл в движение, густой дым рассеялся, и у выхода из подземелья появился Алёша и с ним девочка неземной красоты. Мать, увидев сына, едва не теряя сознание, рыдая, подошла к нему, расцеловала и, посмотрев на девочку, спросила:

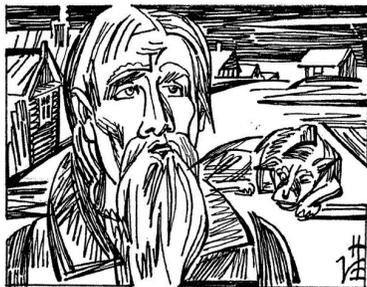
— А ты чья будешь?

— Я бабушкина внучка, Варя, — ответила девочка.

Толпа, увидев их, в благоговейном трепете молчала. Затем все бросились на колени и стали благодарить Бога Иисуса Христа за чудесное спасение Алёши и избавлении их от нечистой силы.

С тех пор на Клинской земле стали рождаться крепкие, сильные духом мальчики и красивые домовитые девочки.

СТАРИК И ЕГО СОБАКА

Деревня Глухово, что раскинулась на опушке безбрежного смешанного леса, вымирала. Из сотни, некогда процветавших дворов, осталось не более двух десятков, да и в тех проживали старики, которых никто и нигде не ждал. А ведь были времена, когда деревня жила в достатке, о чём напоминали старые, но всё ещё крепкие пятистенные дома, рубленные из сосны и покрытые позеленевшим тёсом. Двести пятьдесят лет кряду, деревенские мужики тачали хомуты и прочую лошадиную утварь, делали летом сани, а зимой телеги. Так продолжалось вплоть до повсеместного искоренения конной

тяги. Наступали новые времена, деревенские мужики, как могли, приспособливались и жили дальше, иногда вспоминая о давно минувших днях, о навыках, которые переходили к ним от дедов и прадедов. Близкий лес таил в себе не только богатства, но и опасности, особенно зимой, когда голодные волки в поисках добычи, бродили по ближайшей околице и дальним огородам. Потому в каждом деревенском дворе было по две и даже три собаки, своим лаем предупреждавшие селян о приближении волчьей стаи.

В пятидесятые годы прошлого столетия скорняжное дело, веками кормившее селян, окончательно заглохло, а деревня превратилась в животноводческое отделение крупного совхоза. Бывшие скорняки стали пастухами, свинаярями, а бабы доярками. Старик Гаврила Хомутов, сколько себя помнил, был свинаярём. В десять лет его приставили смотреть за молодняком, а когда подрос, доверили племенное стадо, которое славилось на всю округу.

Так было вплоть до начала девяностых, которые в корне изменили всю вяло текущую деревенскую жизнь. Некогда богатый госхоз в одночасье превратился в частное хозяйство, владельцы которого, тут же стали распродавать коров, свиней и прочую живность. Старика Гаврилу, как и большинство старейших работников, отправили на пенсию, а молодёжи предложили перебираться в соседний городок и там устраивать свою жизнь.

С этого времени деревня стал быстро хиреть, и вскоре превратилась в призрак былого благополучия. От былого величия остались только фамилии — Хомутовы, Телегины да Саньковы. Сын старика долго сопротивлялся, потом продал двух стельных коров, трёх полугодовалых поросят и вместе с невесткой и внуком, покинул обезлюдившую деревню. Старик, которому в ту пору шёл восьмой десяток, остался со своей больной старухой Марфой в большом деревянном доме с множеством пустых надворных построек. После многих лет работы, тревог и забот в жизни старика наступила полоса безвременья, когда никуда и незачем было спешить, всё ограничивалось кухней да стареньким телевизором.

Но, однажды, ранней весной, из города приехал его старинный друг Иван Телегин и привёз крохотный палевый комочек.

— Вот, Гаврила, на твоё семидесятилетие привёз тебе подарок, породистую с отличной родословной, московскую сторожевую овчарку. Расти и знай, это твой самый верный, самый бескорыстный друг, который, не раздумывая, отдаст за тебя свою жизнь. Вырастет и будет такой же большой и сильный, как его отец, и протянул старику фотографию гордого красавца, грудь которого была сплошь увешана многочисленными медалями. Их было так много, что хозяину пришлось соорудить нечто вроде фартучка и разместить на

нём награды породистой собаки. Ежели захочешь, — продолжал Иван, — через год-полтора твой новый друг, также, как его отец, начнёт побеждать на самых престижных выставках и будет гордостью подмосковного собаководства.

Старик взял на руки щенка, и тот доверчиво уткнулся ему в тёплую подмышку. Затем нашёл небольшую коробочку, устелил её мягкими тряпками и, уложив щенка, сказал: «Тут твоё место, спи». Но не тут-то было, щенок тыкался по углам коробки, жалобно скулил и даже несколько раз всплакнул.

— Получил подарок, вот и наньчися с ним, — заворчала старуха, — вишь, материнскую титьку ищет.

Старик пошарил в старинном комоде и нашёл там чудом сохранившуюся от внука маленькую бутылочку с детской соской. Затем, налив в неё молока и подхватив на руки щенка, стал ходить с ним по избе.

— Совсем из ума выжил, собаку нянчит, точно малое дитя, — ворчала старуха, — ты ещё спать уложи его с собой.

— И уложу, не вишь што ли по материнскому теплу больно скулит, — огрызнулся старик.

Щенок рос не по дням, а по часам, и, чуточку повзрослев, стал проявлять свой характер в том, что от всех дичился и признавал только старика. Потому и назвал старик его Диком, что значит дикий. Через два месяца Дик стал вполне самостоятельным, он с увлечением гонялся во дворе за курами, подкрадывался к гусям, но те в обиду себя не давали и больно щипали его. Поздно вечером, дождавшись, когда старик засыпал, он тихонько взбирался на его кровать и укладывался в ногах. Иногда он внезапно просыпался, вскакивал и, оглядев комнату, звонко тьякнув, снова ложился на тёплую постель. Через год, некогда крохотный палевый клубочек, превратился в огромного, умного и преданного друга с полуслова понимающего своего хозяина.

К этому времени в деревне стали происходить странные вещи — вдруг ни с того ни с сего на окраине деревни стали загораться старые, заколоченные, покинутые хозяевами, дома. Старухи, из тех, что остались в деревне, всполошились, и, сообразив, что никто кроме старика с его громадной овчаркой не защитит их от злодеев, уговорили его по ночам охранять деревню. Так бывший свинарь стал сторожем. По ночам он с Диком несколько раз обходил деревню и, не обнаружив никого, перед рассветом шёл домой. С этих пор пожары прекратились, а по весне к ним зачастили незваные гости из Москвы. Сначала они предлагали скупить все пустующие дома, и, не получив согласия, стали размечать и нарезать земельные участки на пойменном лугу, что некогда служил пастбищем для деревен-

ской скотины. В начале лета началось бурное строительство огромных коттеджей, в два и более этажа, с пристройками и теплицами. К зиме, на огороженном бетонным забором лугу, точно из-под земли, выросли двадцать семь современных элитных дома. Теперь уже новые хозяева стали нанимать старика для охраны их дорогой собственности.

— Вот ведь, как получается, одни из деревни, другие, наоборот, к земле потянулись. Получилось два людских потока — один поток из голодной деревни с пустой котомкой, в сытый город, другой поток с большой мошной, из зачумлённого города на свежий воздух потянулся, — обходя, вместе с Диком, новый дачный посёлок, рассуждал старик. — Только странно получается, не пересекаются они, каждый течёт сам по себе, не смешиваются они, а значит, в реку не сольются. Вот и выходит нищая деревня никому, кроме нас, стариков, не нужна.

Время шло, к осени старухе стало совсем худо, старик несколько раз возил её в город, но врачи только разводили руками и советовали строго соблюдать диету и регулярно вводить инсулин. Однажды старик заметил — старуха тайно ест конфеты, ложками засыпает себе в рот сахар и понял, что она сознательно сокращает себе жизнь. В декабре она тихо скончалась, и была захоронена на местном кладбище. Все деревенские старухи были на её похоронах и дружно сетовали на то, что ушла Марфа без покаяния и церковного отпевания, а всё потому, что никто из сельчан так и не смог восстановить, разрушенную в начале прошлого века, местную церковь.

Вот тогда то, на могиле своей старухи, старик поклялся если не восстановить церковь, то хотя бы построить часовенку. С этого дня все заработанные деньги он стал откладывать на строительство, а ещё через полгода сходил в дальнюю деревню, где уже более ста лет стояла каменная часовня святого великомученика Пантелеймона, осмотрел её, как смог нарисовал, и решил строить такую же, но только из дерева. Вернувшись в деревню, старик присмотрел место и начал рыть яму под фундамент, а к сентябрю над часовней уже возвышался крест и началась её внутренняя отделка.

Каково было удивление старика, когда местные старухи стали приносить ему чудом сохранившуюся церковную утварь и старинные иконы, особенно его поразила икона святителя Николая. Со слов дарительницы бабки Пелагеи икона была написана неизвестным художником в конце 18 века и чудесным образом избежала уничтожения в сатанинскую годину. С этих пор часовенка стала называться в честь Николы Угодника, первого после Божией Матери небесного заступника. Вскоре часовню освятили и жители деревни, дачного посёлка и окрестных сёл стали молиться святителю Николаю.

За хлопотами о часовне незаметно для старика пришла зима, потом наступили Рождественские праздники. В эти дни старик вдруг встревожился, стал по ночам чаще приходить к часовне, осматривать её и, ничего не обнаружив, уходил домой. Накануне крещенского сочельника он лёг пораньше, задремал, и тут какая — то сила выбросила его из постели. Он быстро оделся и вместе с Диком, пошёл к часовне. Не успели они отойти от дома ста метров, как Дик заволновался и стремительно бросился к часовне. Старик тоже заторопился, но глубокий снег мешал ему, и он пошёл прежним размеренным шагом, но неожиданно глубокую ночную тишину разорвали два выстрела. Сердце у старика на мгновение остановилось и тут же тревожно забилося вновь — «Беда, ой беда», — бормотал он.

Старик сидел на снегу и горько плакал. Плакал навзрыд, как малое дитя, потерявшее мамку. Его верный, неразлучный друг лежал на обледеневшей обочине дороги с окровавленной грудью. Кровь тёмными сгустками сочилась из открытой раны и медленно стекала на белый снег. Старик подтянул ноги и встал на колени, потом взял голову Дика бережно приподнял её и попытался заглянуть ему в глаза. Тяжёлая, безысходная тоска железным обручем сдавила его сердце, он застонал от бессильной ярости на несправедливую судьбу и людскую злобу.

Тем временем на звуки выстрелов подошло несколько старух и два полупьяных мужика из дачного посёлка.

— Ишь, как по собаке рыдает, по своей Марфе так не убивался, — прошипела одна из старух и смачно плюнула на снег.

Вдруг ночную мглу прорезал истошный крик:

— Икону украли, Николу заступника унесли, вороги.

Все, кто был рядом, бросились к часовне, посмотрели и вернулись к старику.

— Дика, Дикуличка, — ласково шептал старик и нежно поглаживал большую голову собаки. — Господи, сколько мы с тобой пережили радости и невзгод, и вот теперь ты оставляешь меня одного в этом мире несправедливости и злобы.

Старик ещё ниже склонился над головой своего друга и тут правый глаз приоткрылся, и Дик нежно лизнул руку хозяина.

— Дикуля, ты жив, — оторопев от радости, завопил старик, — господи, чичас я тебя перевяжу, и мы пойдём домой.

Старик суетливо общарил свои карманы и, не найдя ничего, скинул с себя телогрейку, снял рубаху и разорвав её на части, перевязал широкую грудь овчарки. К счастью, пуля пробила правую сторону груди, прошила насквозь часть тела и вышла на спине в области лопатки.

— Чего рты раззявили, пьянь подзаборная, — закричала соседка Анна, — не видите, што ль, сани нужны. Пёс-то, што хороший боров, весу в нём не мене центра будет.

Мужички тут же исчезли и через несколько минут приволокли небольшие санки, какими пользуются селяне для перевозки сена с ближайших укосов.

Привезя Дика домой и уложив его в свою постель, старик нашёл несколько ампул пенициллина, набрал два кубика и ввёл его в холку собаки. Затем вышел в сени, отыскал пучок подорожника, и разжевав его, приложил жидкую массу к ране.

— Всё, Дика, спи, а я тут посижу, присмотрю за тобой, спи, мой хороший, рана твоя затянется, и мы будем снова бегать и ловить зайцев.

На слова хозяина Дик приподнял голову и облизал низко склонённое лицо старика.

— Ну, будя, лежи не шевелись, вредно энто тебе, вот выздоровеешь, тогда и нацелуемся, — с этими словами старик поднялся и ушёл на кухню. Он подбросил дрова в печку, достал мясо и, бросив его в кастрюлю, поставил вариться. Затем он снова сел у изголовья своего друга. Помолчал, почесал его за ухом и улыбнулся своим воспоминаниям:

— Дидуля, ты помнишь мальчонку, который тонул в проруби? — заговорил он. — Помнишь, как ты бросился в прорубь? Если бы не ты, он наверняка утонул бы. Тебе тогда был всего год, но ты уже понимал своё предназначение.

Дик поднял голову и в знак того, что он всё помнит, лизнул старику руку. Помнил он и то, как однажды старик серьёзно занемог, всё его тело горело, руки и ноги настолько ослабли, что он не смог даже встать с постели. Поняв, что хозяину очень плохо Дик выскочил на улицу и помчался к бабке Нюре. Он перемахнул соседский забор и, подлетев к окну, басовито залаял. Бабка Нюра вышла во двор и, посмотрев на собаку, поняла — что-то случилось. Больше недели она настоями из трав отпаивала старика пока, наконец, он не смог встать и заняться хозяйством.

— А помнишь, Дика, — продолжая улыбаться, спросил старик, — тот случай, когда я производил опыты на предмет понимания тобой человеческой речи?

Тебе тогда исполнилось два годика, а уж умён ты был не по годам. Вот я и решил подшутить над молодью. Помнишь, мы тогда охраняли дом московского богача?

Собрались у них тогда друзья евоного сынка, всё молодь неоперившаяся, а с гонором, с самомнением. Помнишь, речь у них зашла о том, что животные не могут понимать человеческую речь так, как понимаем её мы.

Мы с тобой стояли неподалёку и всё слышали. Ну, тут я, старый дурак, не вытерпел, да и встрял:

— Неправда, мол, животные хоть и бессловесны, но всё понимают. Вот взять хотя бы мою собаку, — и показывая им на тебя, предлагаю им провести опыт. Тут все заспорили, затарахтели, мол, ежели действительно собака понимает человеческую речь, то они платят мне сто зелёных. Двести, говорю я им, все тут же соглашаются.

— Для чистоты эксперимента, — говорит один из них, — ты, Вася, отвернувшись от собаки, произносишь условную фразу, а мы наблюдаем за реакцией пса.

Они отвернулись, пошептались и говорят: «Мы готовы».

— А мы тоже завсегда готовы, — отвечаю я им. — Но только не обессудьте ежели, што не так.

Этот Вася отворачивается от нас с тобой, и, смеясь, говорит, мол, чтобы им не надоедал со своими рассказами Гаврила, он сейчас возьмёт нож и зарежет этого надоедливого старикана.

— Помнишь, что тут было? — Ты одним прыжком перемахнул стол, свалил шутника, встал ему на грудь, оскалился и посмотрел на меня. Помнишь, как энти молокососы затряслись и спали с лица? Наука им была отменная.

Старик ещё долго вспоминал, как его друг суровыми зимами отгонял волков и лисиц, не позволяя им нарушать покой деревни.

Прошёл год, в новогодние праздники дачники потянулись в деревню.

Однажды вечером старик со своим другом оказался неподалёку от дачи того московского богатея, которую он охранял прошлой зимой. Вдруг Дик напрягся, заворчал и бросился к дому, откуда раздавались приглушённые голоса и весёлый смех молодых людей. Перелетев через забор, он вскочил на веранду, и, прыгнув на одного из них. Стоя на груди парня, Дик своей огромной челюстью, вцепился в его горло и ждал команды, чтобы разорвать её. Старик поднялся на веранду, внимательно посмотрел на перепуганные лица сидевших за столом парней, потом перевёл взгляд на своего друга и его жертву. Под Диком лежало с искажённым от ужаса лицом, нечто, похожее на куклу, от которой исходил тошнотворный запах человеческих испражнений.

— Ишь ты до того перепугался ирод, что напустил в штаны, а когда стрелял в моего друга поди чувствовал себя эдаким суперменом, способным остановить не только собаку, но и любое чудовище, вставшее на его пути. Ирод, он и есть ирод, такой смел, когда чувствует своё превосходство над беззащитными существами, будь то человек или собака. Страшно и мне, простому мужику, когда вижу, что подобная человеческая падаль бродит по нашей земле и в лю-

бой миг может оборвать чью то жизнь, — глядя на распластанное тело, размышлял старик.

Затем, погладив Дика по голове, старик шепнул ему на ухо:

— Теперь этот ворог вернёт нашу чудотворную икону Николы угодника, скоро она будет дома, а это главное. Дик поднял голову и, как показалось старику, укоризненно посмотрев на него, нехотя отпустил свою жертву.

Евгений Степанов

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в журналах «Сура», «Знамя», «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Наш современник», «Сельская молодёжь», «Литературная учёба», «Урал», «Арион», «Юность», «Интерпоэзия», «Новый берег», «День и Ночь», «Дон», «Подъём», «Волга», «Литературный Азербайджан», «Крещатик», «Слово», в альманахах «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», в газетах «Экслибрис НГ», «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Труд» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал».

Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живёт в Москве.

ВСЁ РАВНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ

ТУТ-И-ТАМ

*«Услышать будущего зов»
Борис Пастернак*

Спешишь, спешишь... Бежишь, как мышь
От страшного котищи злого.
Какая разница — Париж,
Нью-Йорк, Бат-Ям или Быково,
Когда сто лет в айфон глядишь,
Не слыша вземного зова?

Всё — т а м, а тут — аэродром,
Дурдом, погром и море водки,
И годы странствий за бугром,
И цели не ясны, не чётки,
И будь готов, скрипя пером,
К п о с л е д н е й эмигрантской ходке.

А т а м — три тысячи имён
Родных и дорогих особо:
Эмиль, Татьяна, Слава Лён,
И Тимофеевские (оба),
И та, в которую влюблён
Я буду, как пацан, до гроба

(И после), это факт, а т а м
Иная у людей программа,
Не дремлет внеземной ашрам,
И алкоголя нет ни грамма,
И ходит по цветным местам
Моя задумчивая мама.

2022

ПОТОМУ ЧТО

всё равно продолжается жизнь
всё равно я смотрю ввысь
потому что Бог это любовь
а любовь это ты

как тевтонец гремит бронёй
этот мир — на меня ползёт
всё равно продолжается жизнь
всё равно я смотрю ввысь

всё равно ты со мной во мне
даже если сейчас далеко
потому что Бог это любовь
а любовь это ты

а в Быково идёт снег
а весною пойдёт дождь
и никто не ушёл навек
потому что нельзя уйти

и глаза вновь глядят в глаза
и слезу я смахну рукой
потому что Бог это любовь
а любовь это ты

2016, 2022

И ТАКОЙ

Достоинств хилая дружина
Была разбита в пух и прах.
Сама себя впотьмах душила
Душа, уставшая в боях.

Я погибал — так гибнет юнкер,
Узнав, что знамя сожжено.
Я умирал — но я не умер,
Как дачу, обживая дно.

И грешный, точно нувориши,
Забывший про слова любви,
Я вдруг услышал голос Свыше:
— Ты нужен и такой. Живи!

2017

СКАЗКА

Идут-бредут по лесу человеки.
Встревожен лес, не слышен птичий гам.
Текут большие огненные реки
По сладеньким кисельным берегам.

Кощей Бессмертный, бывший бравый подпол,
Собрал вещички и поехал в Крым.
И как-то там устроился он, вот, мол,
Мой выбор сделан и неотменим.

А Соловей-разбойник стал потише,
Слегка переусердствовав, обмяк.
Иван-дурак подался в нувориши.
И оказался не такой дурак.

Емеля стал народным депутатом,
Супружницу спровадил за порог.
А царь Горох частенько был поддатым
И все дела по службе запорол.

Идут-бредут по лесу человеки.
Ни компаса, ни карты нет у них.
А лешие на пьяной дискотеке
Танцуют в щедрых зарослях лесных.

2019, 2022

МЁРТВЫЙ-И-ЖИВОЙ

это поэт который умер

его все хвалят
печатают в антологиях
изучают особенности его идиостиля

и т. д.

это поэт который ещё живёт

денег нет
любимая упорхнула
книжку можно издать только за свой счёт

не буду продолжать

хорошо быть обычным человеком
живым и весёлым

2021

МОНОЛОГ МОЕГО ДРУГА

Переосмыслив то, что было,
Я понимаю: был неправ.
Я вёл не раз себя, как быдло,
Отвратный проявляя нрав.

И вот теперь, когда полвека,
И даже больше, позади,
Медаль плохого человека
Дымится на моей груди.

Как быть? Как жить? Кто мне поможет
Снять ненавистную медаль?
... Тревожно жизнь свою итожит
Мой друг. И смотрит — честный! — в даль.

2019

НА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

На третьей мировой войне,
А я застал её в Европе,
Стрелять не доводилось мне,
Но приходилось жить в окопе.

На третьей мировой войне,
Бессмысленной и невеликой,
Я оказался в западне,
Воюя с шапкой-невидимкой.

И мировой сгущался мрак,
Враг был невидимым, неглупым.
И шёл по трупам этот враг,
Точь-в-точь фашист, шагал по трупам.

2020

ПРАВНУК

Меня манить калачиком
Не стоит аж никак.
Я — правнук раскулаченных,
А, значит, сам кулак.

Привык пахать, не барствуя,
Привык идти сквозь мгу.
Но верить государству я,
Простите, не могу.

2020

А НАДО БЫ

Безжалостны года,
Прёт время напролом.
Мы все идем туда,
Откуда не придём.

А всё хотим страшать
Друг друга и губить.
А надо бы прощать,
А надо бы любить.

2020

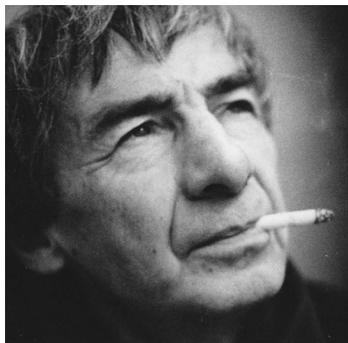
ДВА ЧЕЛОВЕКА

— Мне перестали быть отрадою
Земные грешные пути.
За монастырскою оградою
Мечтал бы я себя найти.

— Живи, люби и пыл умеривай,
Не возносись так шибко ввысь,
Вериги старца не примеривай,
Трудись в миру, твори, молись!

2012, 2022

К 90-летию поэта Юрия Влодова**ЮРИЙ ВЛОДОВ**

(1932–2009)

6 декабря 2022 года исполняется 90 лет со дня рождения легендарного поэта-диссидента Юрия Влодова, автора всем известной политической шутки «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это!».

Кроме этой шутки массовому читателю мало что известно об этом замечательном поэте и о его, не менее замечательном творчестве. А творчество это обширно и многообразно.

Предлагаем вам подборку его стихов из разных книг.

ИЗ КНИГИ «ПОРТРЕТЫ»**ДОН КИХОТ**

У Дон-Кихота — жуткая работа.
Такая человеку не с руки.
До помраченья, до восьмого пота
Идальго атакует ветряки.

И латы дребезжат аляповатые...
И старое ломается копьё...
А мельницы всё крутятся — проклятые...
Всё крутится земное Бытиё.

РОБИНЗОН

Робинзон осознал,
Что вдали не корабль, а касатка...
Заметался, заныл, заскулил на песчаной косе!..
Успокоился враз,
И вздохнул по-младенчески сладко,
И когтистой рукой рубанул:
«А-а! — идите вы все!..»

ДОН ЖУАН

А Дон-Жуан-то, может статься,
Рыдал на чьей-нибудь груди:
«Я так хочу с тобой остаться!
На веки вечные остаться!..
Но смеху будет — пруд пруди!»

СЮЖЕТ О ЦЕЗАРЕ И БРУТЕ

Он удивился: «Ты, мой Брут?!»
Но был удар кинжала крут...
Проснулся Цезарь утром рано —
Остывшая зияла рана,
Хотелось душу отогреть!..
И он подумал: «Правый Боже!
На что же всё это похоже, —
Теперь уже — не умереть!»
А Брут задумался глубоко
И стало Бруту одиноко,
И он подумал: «Все помрём!»
Сверкали дали голубые
И только стражники немые
Ходили мерно под окном.

СЮЖЕТЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

I.

И взыграл куполами неслыханный Васька Блаженный!..
И тогда ослепили творцов, обезглазили напрочь!
Упоили сивухой, велели пожрать напоследок,
И по-царски спросили: «Чего вам желательно, хамы?..»
Захрипели умельцы: «За работу, Гроза, благодарствуй!..»
Шапки шмякнули оземь: «Царь-Гроза! Самодержец! Заступа!..»
И пошли по Руси, улыбаясь хмельно и блаженно...
Опираясь на посохи, щупали воздух ноздрями...

II.

Ах, по головушке тугой —
Неслыханным жезлом!..
И целый миг трясет ногой
И пучится козлом...

Ах, по головушке — жезлом!..
С отяжкой!... Да сплеча!...
И оплывает под углом
Истории свеча...

Иван сморкается в полу,
Дрожит, как Вечный Жид...
А русский Гамлет на полу
Расплющенный лежит.

СЮЖЕТ О ПУШКИНЕ

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Чёрным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что — стихи?!..

СЮЖЕТ О ЕСЕНИНЕ

«Зарежусь!» — объявил Есенин девке.
«Да что ты? — против Бога и природы?!»
«Зарежусь, говорю! Молчи, дуреха!
Бог добрый, а природа в нас самих!»
Умолкли, выпили, накрылись простынёй...
В углу под краном капли отбивали
 последний месяц...
«У, какая грудь!» — пропел поэт
 и глухо всхлипнул: «Ма-ма!»
«С.А. Есенин, — подытожил врач.
— Гостиница, дежурную карету, двух санитаров».
Капли отбивали
 последний месяц...
Колченогий дворник
 сметал метлой прошедшее число...

СЮЖЕТ О МАЯКОВСКОМ

Бензиновый конь копытами — прыг!
Стоп! — задрожал. Железно заржал.
Пять шажиц к телефону: «Квартира Брик? —
Уехала? Жаль».
Машинально — за верным «Казбеком» в карман.
На коробку налип грязный листок:
«Маяковский! Мы знаем, что вы — графоман!
Не прячьтесь под лестницей строк!»
Какой-то тени в ручищу — рубль:
«Работал бы, друг, — просить не пришлось!»
Брошен влево вспотевший руль,
Так, что глухо охнула ось!
Рывок! — На дыбы вздымается конь...
Бросок! — мимо ярких афишных портретов.
А прямо в глаза — трехстрочный огонь:
«Маяковский
 сегодня
 в Клубе Поэтов!»
Мёртвой хваткой баранку сжал.
Ощутил в ладонях тупую боль.
Ветер в лицо, пыль, жар!
Мчится авто — в клуб! — в бой!

СЮЖЕТ О МАНДЕЛЬШТАМЕ

Тайги сухая осыпь.
Ухмылка пахана:
«Не бзди, товарищ Осип!
Всему хана!»

Мертвее смерти в сто раз
Слепой слезы слюда...
Луна — твой вечный сторож —
Туда — сюда...

Снежинки сеет осень.
Аминь. Какую.
Что хнычешь, бедный Осип,
Слабо — на юг?!..

СЮЖЕТ ОБ АХМАТОВОЙ

Я вижу Ахматову Анну:
Безумные чётки в руках,
И розы открытую рану
На чёрных житейских шелках.

А в медленном взгляде — бравада,
И страсти тягучая мгла...
А в царственном жесте — блокада,
В которой до гроба жила.

АВТОПОРТРЕТ

Художник подмигнул: «Поздравь! Гастрит и астма!
И с бабами дошёл, считай, что до маразма!
Неделю в рот не брал, вчера гульнул и вот,
Ни охнуть, ни дыхнуть и спазмы рвут живот.
Как видно я бельмо у черта на глазу!...
Ба! — хочешь на листе узреть мои страданья?
С похмелья набросал какую-то бузу...»
И показал планету... нет, слезу...
Чуть сплюсненную космосом слезу,

Набухшую в глазнице мироздания.
И едко хохотнул: «От нашенских грехов,
От всех всемирных войн и камерных стихов
Когда-нибудь сей плод немислимо разбухнет
И в солнечный котел — увы и ах, но рухнет!»
Художник жрал вермут и лопал колбасу,
И пальцем ковырял в приплюснутом носу.

ИЗ КНИГИ «ЛЮДИ И БОГИ»

* * *

Бурый ворон! Пропащая птица!
Сердце сковано высью.
За веками размыта граница
Между смертью и мыслью...

Жизнь — долга. Да и степь — не короче.
Страшен крест милосердя!..
Смертной плёнкой подернуты очи...
Пропадёшь от бессмертья!

* * *

Обшарпан и нелеп, как силосная башня,
Незрячий спросил: «А что там, за холмом?»
Чур, знаю — не скажу. Но, ежели с умом,
Не всё ли нам равно, а что там — за холмом? —
Не ведает никто... Наверно, просто — пашня...

* * *

Когда всосала водяная яма
Весь белый свет, все тяготы его,
Последний ангел захлебнулся: «Ма-ма!..»
Последний демон задохнулся: «Ма-ма!..»
И — на земле не стало никого...
И только лучик нынешней звезды
Коснулся той, ниспосланной воды...

* * *

Гром взревел: «Постигни, но умри!!..»
И Ной увидел в треснувшей волне,
Как в искаженном зеркале времён,
Иной потоп!.. Совсем иного Ноя!..
Хотел подумать: «Боже! Это — круг!!..»
И — захлебнулся...

* * *

Ной поджался... уподобился лисе...
Повозился и забылся... И увидел
Человечка на летучем колесе
И заплакал, словно Бог его обидел...
И поплыл он по планете водяной...
И отдался он и холоду и зною...
«Слышал, видел и — молчу!!!» — взмолился Ной.
«Слышал, видел и — молчи!» — сказали Ную.

* * *

И душу, и тело недугом свело! —
Лицо уподобилось роже!..
И стало в глазах от страданий светло!
И крикнул несчастный: «О Боже!..»
Но грохот сорвался в немеряной мгле,
И эхо взревело сиреной!..
«Хо-хо!..» — пронеслось по родимой земле...
«Ха-ха!..» — понеслось по Вселенной...

* * *

Дождичка Божья манна
Благостна и туманна...
Падает на лесок
Жизни чистейший сок.
В дымке речных излук
Мёдом курится луг.
Кто там белеет, кто там
Льнёт к серебристым сотам?
По полю прямиком
Бог идет босиком.

* * *

Живуч и оголтел —
В тисках своих помет —
Растлитель душ и тел —
Божественный поэт...
Растленную строкой
Уже ушёл в гранит —
И каменной рукой
Нетленное гранит.

3 марта 1998 г

* * *

Поэта и могила не исправит...

3 марта 1998 г

* * *

Дышу, как живой...

4 марта 1998 г

К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ЮРИЯ ВЛОДОВА

Борис Шапиро

Борис Израилевич Шапиро — советско-немецкий физик, двуязычный поэт (на русском и немецком языках), доктор естественных наук, изобретатель. В 1968 году окончил физфак МГУ. В 1975 году выехал в ФРГ.

С 1995 года живёт в Берлине. Автор 29 книг стихов и прозы, из них 14 на русском и 15 на немецком языке.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ ВЛОДОВЕ

Когда-то, во годы оны, примерно в 60-е — 70-е годы прошлого века, Юрий Влодов и Борис Шапиро общались, дружили. В 1975 году Борис Шапиро выехал в Германию. У него остались о Влодове, об общении с ним, самые приятные воспоминания. Не так давно у Бориса Шапиро вышла книга «Когда было тогда», в которую вошли 2 романа-мозаики о еврейском взгляде на жизнь. В главе «Неуловимо» Борис Израилевич описал свое общение с Юрием Влодовым, привёл много его стихов. Но это не только воспоминания, это художественный текст, в котором правда и вымысел перемешаны, что дает интересный результат.

Людмила Осокина, Москва

НЕУЛОВИМО

Фрагмент главы из романа «Когда было тогда».

(Книгу можно приобрести через
https://ridero.ru/books/kogda_bylo_togda/)

Читатель¹ настаивал, Виталик настаивал, а Марк Наумович, то есть Мойша, советовал. А мама Сарра Израилевна качала головой и говорила: «Всё равно из этого ничего не получится. Не в той стране проживаем, не тот режим поддерживаем, не на том языке говорим». Сарочка говорила, слегка картавя и не очень правильно. Её родными языками были идиш и румынский, а русский она начала учить, когда родители бежали в 1941 году из Румынии² в Советский Союз.

¹ Прозвище Петеньки, друга Зямы

² Премьер-министр Румынии Ион Антонеску хотел видеть Румынию без нацио-

Она была на десять лет старше Мойши. Речь шла о том, что Поэту¹ настала пора не только писать стихи, но и публиковаться.

Целых две недели Поэт отбирал стихи, пробовал их на зуб и на звук, пытался составить композицию поудачнее, и составил. И тогда выяснилось, что отобранные стихотворения выстроились в хронологическом порядке. Всего отобрал шестьдесят четыре стихотворения и переписал их аккуратным квадратным почерком в школьную тетрадь. Переписал и понёс в редакцию журнала Юность, что на Маяковке, упросив Мойшу написать ему увольнительную справку от школы, чтобы успеть в часы приёма. А сам потел от страха и стеснения, и сердце билось. Но тетрадку понёс.

Вот она вывеска, замурзанный подъезд, деревянные перила, на лестнице полутемно. На площадке перед входом направо в редакцию, на последней ступеньке сидел невысокий шуплый человек и курил. Поэт хотел протиснуться мимо него, но тот спросил: «Курить?» Поэт ответил: «Нет. Пробовал. Противно. Нет, не курю». «Ага», сделал вывод незнакомец, «значит, стихи принёс!» «Принёс», сознался Поэт, почти заикаясь. «Тогда садись вот сюда рядом и читай», приказал тот, но как-то очень душевно. Поэт сел и вдруг осмелел и говорит тому: «Нет, ты первый читай!» Сказал и сам себе удивился. Он ведь ему в отцы годился бы или в деды, видно было не очень. Но собеседник воспринял это как-то очень нормально, пригасил сигарету о ладонь и произнёс почти нараспев:

*Алкаш в этот вечер не принял ни грамма.
Развратник постился под сводами храма.
Безрукий до хруста постельницу стиснул.
Безногий притопнул и дико присвистнул.
Немтырь проорал мировую хулу.
Слепец в поднебесье заметил юлу,
Манящую смутным небесным приветом,
Воспетую неким бездомным поэтом...
А мудрый прохожий решил, что она,
Всего лишь — луна...*

нальных меньшинств, в первую очередь, без цыган и евреев. Он говорил: «Я ничего не достигну, если не очищу румынскую нацию. Не границы, а однородность и чистота расы дают силу нации: такова моя высшая цель». В 1940 году началось ограничение прав румынских евреев. Были запрещены браки между румынами и евреями, а в 1941 году в Бухаресте и других городах страны прошли первые организованные властями крупномасштабные еврейские погромы.

¹Прозвище Зямы

«А теперь ты». Осмелевший Поэт промычал что-то одобрительно-невнятное и сказал: «Немтырь — это точно про меня», и прочёл:

*Вяхирь, лесный глуботарь,
прокуравый лесозим,
волчно гулькает из трав
мошнику на задир:
– Гули мошник рдянобров?
Гули мошник лубопёр?
По ягоду, по ягоду зло болтлив
вихорево гнездо утопил дождём,
оборотень-великрыл.*

А мошнику хула за обычай.

«Так», сказал собеседник прокуреным голосом и провёл рукой по волосам, «говоришь, хула за обычай», и прочёл:

*Бурый ворон! Пропащая птица!
Сердце сковано высью.
За веками размыта граница
Между смертью и мыслью...*

*Жизнь — долга. Да и степь — не короче.
Страшен крест милосердя!..
Смертной плёнкой подернуты очи...
Пропадёшь от бессмертья!*

«Да, и вот ещё», и добавил:

*Был послушным послужником
Шёл по жизни за посохом.
Стал мятежным ослушником
Восхитительным ослухом!..*

*Ждёт смутьяна-художника
Путь неожиданный, нечаянный...
И зовёт его Боженька
Сам такой же отчаянный!..*

и светло посмотрел на Поэта, да, как-то очень светло. Поэт сначала замялся, пожевал губу и прочёл медленно-медленно, даже с риском, что пафосно:

*Всё нынче кувырком.
Торжественная свита...
И лысина сокрыта
под острым колпаком.*

*Темно, прохладой ночь залита,
невеста плачет под платком,
друг побежал за огоньком,
толпа колышется сердито.*

*Что тянут? Что ещё забыто?
Привстал аббат с лицом бандита,
кивнул. Монахи деловиты.*

*И пробирает ветерком
малиновое санбенито.
Легко быть дураком.*

Незнакомец протянул руку: «Я Юра, Юрий Александрович Влодов¹. Но ты зови меня Юра. А ты?» «Я Зяма, Зиновий Маркович Рабинович по прозвищу Поэт», сказал Поэт и смутился, снова упав в геенну социально значимых признаков и именований. А Влодов рассмеялся и прочёл:

ПЕРЕДЕЛКИНО

*Лесная чаща без приметы.
Вот этой ломаной тропой,
Как сохачи на водопой,*

*На полустанок шли поэты.
Хрустел звериный шаг скупой,
И были в сумерках заметны
На лбах морщины, как заметы,*

*Лосиных глаз распах слепой...
Пичуги били из кювета...
Плыла медлительная Лета*

¹ Все приведённые здесь стихотворения Юрия Влодова опубликованы, в том числе в Интернете: https://45parallel.net/yuriy_vlodov/stihi/.

*Река, невидная собой...
И клокотали до рассвета
Колокола лесного лета —
Зелёной Родины приборой...*

и добавил: «Сонет сонету друг и брат. Они оттуда в нас глядят не так, как мы — в Стикс или Лету — они рождают в нас Поэта, они нас лепят, как хотят». И продолжил, не дожидаясь ответа:

*В зеркало степного колодца
Проникну, как в детские сны...
Я — пасынок русого солнца
И пасынок рыжей луны...*

*Я — Боженька, гость, полукровка,
Не ведаю сам, кто таков...
Как некая Божья коровка
Всползаю по стеблю веков...*

Зяма снова осмелел и стал самим собой, и прочёл:

*Литании напевной серебро
Юродствующий танец.
Бесхитростно бело
Лукавое летанье,
Югорского шамана болеро.*

и тоже продолжил почти без перерыва:

*Как слышу, так и напишу
из слов, танцующих в балете
при солнечном и лунном свете
доступное карандашу,*

*и вечностью не дорожу,
пока любовь не тонет в Лете.
В бокалы музыку налейте
я к флейте губы подношу*

*и, просветляя дух, как встарь,
веселья песенной беспечностью,
я строю крылья, как кустарь.*

*Ещё пронизан человечностью
измен возможных календарь
там, где любовь граничит с вечностью.*

и дальше, будто его понесло. А Влодов слушал, да действительно слушал:

*Сна нет.
И снов не будет впредь.
Не жди, что кто-нибудь приснится.
Ни умереть, ни улететь,
ни заново родиться.
Всё наяву, и жизнь, и смерть,
и исчезают лица,
и сутки прекращают длиться,
когда внимательно смотреть умеешь.
Больше нет богов.
А идолам молиться
легко.*

«Давай, ещё по одной», сказал Влодов. «Давай!» Влодов начал:

*Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне... в абстракции... вдали...
Вселенство во плоти, настырно, как паук,
Сосёт из года в год живую кровь Земли...
Спаси людей, любовь, от непотребных мук! —
От жизни исцели! — от смерти исцели!..*

А Зяма ответил:

*Не унижить ненавистью душу —
это работа.
Делай её всю неделю
и по субботам!*

*На помощь себе
никого не зови,
ни друга, ни Бога,
— и место
создашь для любви.*

Юрий Влодов встал, и Зяма тоже встал. Влодов приобнял его и сказал: «Иди, Зяма, иди, стучись в нашу поэзию. Ничего у тебя только не выйдет». Зяма выпучил удивлённые глаза: «Почему не

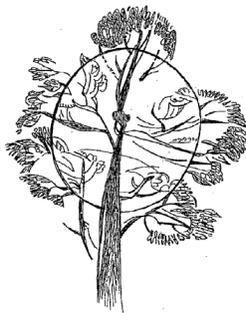
выйдет?» Влодов ответил: «Не выйдет, потому что ты Поэт», и подтолкнул его к двери редакции. Дверь была закрыта, но не заперта, и Зяма вошёл.

*

Зяма открыл тяжёлую, тёмно-коричневую наборную дверь и вошёл в хорошо освещённый длинный коридор. Его другой конец терялся в неразличимой дали. У самого входа слева за небольшим письменным столом сидела пожилая женщина и помечала что-то в большой разлинованной книге, похожей на классный журнал. «Что Вам нужно, молодой человек?» спросила она вполне дружелюбно, не отрываясь от дела.

«Я вот., тут, это., ну... стихи принёс», замямлил Зяма, снова став школьником, не знающим, выучил ли он урок. «Тетрадь или папку?» «Тетрадь». «Имя, фамилию, адрес, телефон написали?» «Да, написал», подтвердил Зяма, «я живу у родителей». «Вот и хорошо. Оставьте всё у меня. Мы свяжемся с Вами, когда время придёт.» «?» «Ничего, ничего, мы сами свяжемся с Вами, когда нужно будет. А сейчас идите, до свиданья!». «До свиданья», сказал Зяма и закрыл за собой тяжёлую дверь.

Влодова за дверью на лестнице уже не оказалось. Но оказалась по нему какая-то очень правильная тоска, настоящая родственная. Юрий Александрович сам позвонил через несколько дней, и они встретились. Наверное, телефон в редакции узнал. Они ещё многожды встречались. Но об этом совсем другая история. Совсем другая.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОЭТА ЮРИЯ ВЛОДОВА (1932–2009)

Творческое поколение Влодова

Юрий Влодов родился в 1932 году.

Поэтому по возрасту, он скорее мог бы принадлежать к тем прославленным поэтам-шестидесятникам: Евтушенко, Рождественскому, Вознесенскому, Ахмадулиной, чем к поколению так называемых дикороссов, к которому его в последнее время приладились причислять. Чисто теоретически, конечно, мог бы.

Но в поэтическую «обойму» шестидесятников он не попал, как не попал во многие другие официозные обоймы, а также и в неофициальные группы. Даже в «официальном» андеграунде места ему не нашлось. Поэтому ни с какими группами, течениями, направлениями он связан не был, он был сам по себе.

Но если его куда и причислять, то в любом случае, только к андеграунду неофициальному, к самым глубоким, катакомбным его слоям. Даже в андеграунде Влодова можно было найти только в самых глубоких духовных пещерах. Или вовсе не найти. Он жил своей собственной творческой литературной жизнью, не имея над собой никаких учителей, наставников, а рядом с собой — достойных его коллег по перу. Коллеги, конечно, были, но он никак их товарищами не считал. Он всех их творчески превосходил многократно, поэтому считать их коллегами он никак не мог. Но никто к нему в творческие

товарищи и не набивался, потому что на такую высоту подняться никто не мог, а просто так пушить перья он бы не позволил и пустую спесь легко сбивал. Так что коллег и товарищей у него не было. Были только либо ученики, либо подражатели. Или поклонники. Всех этих было в избытке.

Кто был его наставником

Я не знаю, кто учил его писать, кто наставлял его на первых порах на путь истинный, кто водил его, так сказать, несмелой ученической рукой. Вряд ли когда-либо отыщется такой человек. Во всяком случае, мне ничего о нем неизвестно. И сам Влодов никогда мне такого человека не называл. Наверное, его и вовсе не существовало. Он как-то сразу, сам по себе, вот так взял и состоялся. Научился писать.

Но всё-таки, это, пожалуй, смешно звучит, то, что Влодов научился писать стихи. Он никогда этому не учился. Он всегда это умел, поскольку родился гением. Единственное, чему ему надо было научиться, появившись на земле, так это тому, чтобы приспособиться в текущему на земле времени. Не более того. А наставники, я думаю, у него были, но только не земные, а небесные, ангелы или боги какие-нибудь. Либо кто-нибудь ещё из высших сфер. Потому что на землю он пришел не просто писать стихи, как пишут многие, а быть поэтом. А это совершенно разные вещи. Потому что пишущих стихи, даже хорошие, талантливые, гениальные, очень много, а вот поэтов — единицы. Поэт — это духовная миссия, это — судьба, это некий духовный заказ Времени и Высших сил. Юрий Влодов и был именно Поэтом. Его задачей на земле было просто жить и записывать посланное оттуда. Его учили напрямую, с небес. Поэтому всё было замечательно. А если бы он поддался какому-либо обучению людскому, то, наверное, ничего путного из него бы не вышло.

Общение с мэтрами

Влодов был очень дерзким в молодости, о себе и своем творчестве он был очень высокого мнения и даже маститым не разрешал делать себе замечания. Когда он в первый раз пришел в гости к тогдашним классикам, к поэтическим мэтрам, живущим в Переделкино, а именно, к Сельвинскому, Чуковскому, Пастернаку, то он, представляя им свои стихи, читая их вслух, перед этим непременно говорил: «Я вам прочту своё, но вы мне ничего не говорите, так как меня ваше мнение не интересует!». Маститые, изумлённые такой дерзостью, покорно слушали, не решаясь что-либо потом сказать. А Влодов отслеживал их реакцию на свои стихи по их лицам. Реакция была,

конечно же, положительной и он это удовлетворённо отмечал. Но он был человеком умным, прекрасно знал человеческую природу, и, поскольку маститые тоже были хитрые бестии, и даже при очень положительном впечатлении могли высказаться не в его пользу, пытаясь поставить молодого поэта на место, сбить с него спесь. Но он не давал им этого сделать, упреждая таким образом подобные действия.

Мэтры всем своим нутром чуяли, что это не просто молодой поэт, а человек, в свои молодые годы познавший всю сложность жизни, поэтому через какое-то время оставляли свой менторский тон и величавую спесь, припасённые для молодых, и общались с Влодовым уже на равных. Поэтому никаких поэтических учителей из живых у него не было, да и быть не могло. Он бы никому не позволил себя поучать.

Впоследствии, уже в довольно солидном возрасте, он говорил, отвечая на вопрос, у кого он учится. «Я учусь у себя, по своим лучшим вещам!». Ответ, достойный гения.

Литературные пристрастия Влодова

Ну, а в плане поэтических пристрастий или интереса к творчеству каких-либо поэтов прошлого, можно сказать только лишь то, что в детские годы, в семи-восемилетнем возрасте, он любил Пушкина, Лермонтова, в годы юности Блока, Есенина. Но не Маяковского. Его он приводил как пример такой яркой антипоэзии. Из современных ему поэтов старшего возраста уважал Арсения Тарковского, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого. Ценил Чуковского как большого детского поэта, считал его гением, между прочим. Из своих сверстников он не отказывал в поэтическом даре лишь Рубцову, Вознесенскому и Ахмадулиной. А так, в целом, никого больше. Если только, как он говорил, «отдельные вещи отдельных людей». Порой ему могло понравиться чье-либо стихотворение, либо строфа, строчка даже, он мог это запомнить и цитировать потом.

Влодовцы: ученики и подражатели

Учеников и подражателей у него было множество, тут была совсем иная картина. Число поклонников его творчества стремилось к бесконечности. Его признавали и ценили практически все пишущие, которые вокруг него тогда крутились. И непишущие, но читающие, тем более. Особенно привлекали в те годы его стихи о Боге, стихи на библейско-евангельскую тематику. Они были настолько новы, необычны, мощны, что у него появилось очень много подражателей на

этой почве. Этих эпигонов так и называли тогда «влодовцами». Но, конечно, ничего нового они сказать после Влодова не могли. Им не по зубам была такая тематика, такая проблематика, такая философия. И их голос глох на фоне мощных Влодовских стихов, превращаясь в слабый писк. Но всё равно избавиться от желания подражать Влодову они не могли, так и прозябали в его творческой тени.

Совет Чуковского

Как-то, общаясь с Корнеем Чуковским, Влодов всё-таки спросил у него, какого тот мнения о его стихах, на каком они уровне для него. Чуковский раздражённо ответил: «Ну, Вы же сами знаете, на каком: на уровне Ахматовой, Цветаевой, Пастернака. Но вам всем очень много ещё чего не хватает!». «Чего же?» — заинтересовался Влодов. «Темы, — ответил Чуковский. — Своей темы». И пояснил: «Все вы пишете ни о чём, точнее, о чём попало, что в голову взбрёт, а у большого поэта должна быть, помимо всего прочего, своя, главная тема, которую он должен вести всю жизнь и на которую, как на стержень должен нанизывать какие-то сюжеты, прорабатывать с её помощью какую-либо важную, животрепещущую мировую идею».

Главная тема и книга Влодова

После разговора с Чуковским Влодов задумался. И решил последовать его совету: найти себе ту главную тему, над которой он будет работать всю оставшуюся жизнь. И он её нашел. Это оказалась библейско-евангельская тема, которой никто тогда ещё, в те годы почти не занимался.

Таким образом, главным отличием Влодова, как поэта, от всей этой многообразной пишущей братии стало именно то, что у него появилась своя собственная, никем ещё особо не проработанная тема: тема божественная, на библейско-евангельские сюжеты. Ни у кого тогда такой темы не было, может, и существовали какие-то отдельные стишки, но вот чтобы целая книга под названием «Люди и боги», такого не было ни у кого.

И это выдвинуло Юрия Влодова как поэта на совершенно недоступный тогда уровень, на совершенно недосягаемую высоту.

Основные темы и книги Влодова

Но кроме этой главной, божественной темы, в творчестве Влодова были темы и другие. Конечно, они не идут ни в какое сравнение

с его главной темой, но, тем не менее, занимают важное место в его творчестве. Это стихи военной тематики, о Великой Отечественной войне, собранные в «Книгу Судьбы» и стихи на историческую тематику, собранные в книгу «Портреты», другое её название «Летопись». Вот эти 3 темы и соответственно, 3 книги, играли немаловажную роль в жизни и творчестве Влодова.

Почему Влодов стал писать о войне

Но возникает вполне резонный вопрос: зачем Юрий Влодов, будучи поэтом-диссидентом, далёким от официозных тем, начал писать стихи о войне? Ведь эта тема была уделом поэтов-фронтовиков. Зачем Влодов залез на чужое поле, в чуждый для него творческий огород?

Что тут можно сказать? Во-первых, это дело рук самого Влодова: захотел и залез. И никто ему этого запретить не мог, потому что он имел право, как независимая творческая личность, сделать это. Сам он обычно мотивировал это тем, что его подвигло на написание стихов о войне его военное детство, он был в годы войны ребёнком, пережил с матерью оккупацию в Харькове, эвакуацию в Сибирь, всего такого насмотрелся и натерпелся. Поэтому не только знал, что там происходило, на этой войне, но имел моральное право об этом писать. Именно война «распяла его детство», и пагубным образом сказалась на его дальнейшей судьбе.

Но, конечно, совсем необязательно, даже пройдя в детско-юношеском периоде сквозь войну, делать её темой своих писаний. Но вот он сделал. И вторую причину работы над этой темой я вижу в том, что ему, как слишком затравленной, заподполненной фигуре, хотелось, наверное, уже чего-то противоположного, советского, официозного, чтобы можно было отдохнуть душой от противостояния властям. Оно ведь тоже утомляет.

И третью причину я вижу в том, что Влодов, как поэт монументального, классического склада, тянулся к теме ВОВ, чтобы в полной мере проявить свою монументальность и классичность. Ведь в то время, когда он писал свою военную книгу: с середины 60-х до конца 70-х, книги «Люди и боги», в которой он проявил себя именно по этим позициям, ещё практически не существовало. Так, были отельные стихи, но не более. Так что военная тема в те годы как нельзя лучше подходила для такой реализации. Ещё один немаловажный аспект работы над этой темой, это то, что такие стихи можно было время от времени всё-таки публиковать, если предоставлялась хоть какая-то возможность, а не только складывать в стол, точнее, в карман (да, не в стол, а именно в карман, поскольку

и стола-то у Влодова не было, чтобы было куда класть написанное). Но, несмотря на то, что Влодов залез на чужую территорию, в военной книге ему удалось не только догнать, но и перегнать, так сказать, классиков жанра, поэтов-фронтовиков, кроме того, вознести сам жанр военной поэзии на недосыгаемую высоту. Я, честно говоря, не знаю никого, кто бы лучше Влодова описал в стихах Великую Отечественную войну. И очень жаль, что эти его стихи в силу их малоизвестности так и не попали ни в какие антологии, сборники, так и не вышли к массовому читателю, не заняли подходящего им места.

О чем написана книга «Портреты»

Другая тема, книга, над которой также активно работал поэт, это книга «Портреты», в которой собраны стихи на историческую тематику. В ней он запечатлел портреты царей, королей, полководцев, писателей, поэтов, просто литературных персонажей, дал своё понимание важным историческим событиям, вехам истории. Эти поэтические портреты, вышедшие из-под пера Влодова, получились воистину замечательными. И, как сказал о них поэт-эмигрант, живущий сейчас в Нью-Йорке, Борис Кочерга, «его «Портреты» такого же художественного уровня и значимости, как и те великие, которые там изображены».

Кто же они, действующие лица его портретно-исторической живописи? В первую очередь, конечно же, собратья по перу — большие поэты и писатели прошлого: Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Достоевский, Блок, Есенин, Маяковский, Мандельштам, Пастернак, Ахматова. Но больше всего внимания Влодов уделил в этом плане Пушкину и Мандельштаму. Пушкин для него олицетворял поэта в принципе, а Мандельштам — поэта-скитальца, в котором Влодов видел себя.

Помимо собственно литературных фигур, Влодова, как поэта, интересовали также и фигуры правителей и воителей: Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Сталина, Наполеона, Чингиз-хана. Пиша их портреты, он осмысливал их судьбоносную роль в истории целых стран, целых народов.

В книге «Портреты» не так много стихотворений, около 30, возможно, если пособирать ещё по рукописям, их наберётся чуть больше, но, тем не менее, они производят впечатление очень весомой, значительной книги. Стихи для этой книги Влодов писал, в основном, в 60-е — 70-е годы, поэтому в них явно чувствуется дух эпохи, то время, время 60-х, некоторые из этих стихотворений написаны в модернистском ключе, с ассонансами.

Вот эти три основные темы, три книги: военная, историческая и библейская, которые преобладают в творчестве Юрия Влодова.

Другие темы творчества Влодова

Но это только основные. Но есть и другие, менее заметные, но всё-таки достаточно важные темы. Это и пейзажная лирика, и стихи о России, стихи о творчестве, о судьбе и миссии поэта, философская лирика, стихи о любви, иронические, юмористические стихи и всякого рода полшутки. Почему они менее видны? Потому что Влодов не складывал их в отдельные книги, как уже вышеупомянутые, они либо отчасти распределены по другим книгам, либо вообще никак не классифицировались и лежали просто в одной большой общей куче рукописей. И он не знал, видно, как их собрать, обработать и определить, поскольку издать какую-либо книгу у него не было возможности, а просто так их раскладывать для него видно не имело смысла. Да и не любил он такие дела, по разбору и классификации своего творчества: написал, да и дело с концом. А дальше он считал, что и без него как-нибудь разберется.

Творческая манера Влодова

Если говорить о творческой манере Влодова, то, я, конечно, не специалист, здесь в своё время должны будут сказать своё веское слово профессиональные критики, литературоведы, филологи, но в общих чертах могу сказать следующее.

Основное творчество Юрия Влодова написано в классической манере, традиционным стихом, с рифмой, размером и прочее. В годы молодости он увлекался модернизмом, в частности, использовал ассонансы, но потом решил от всякого модерна в своих стихах отказаться. Как он всем объяснял, что со временем он понял, что будущее за вечной, классической формой с небольшими поправками на время. Все эти модернистские эксперименты, авангардная поэзия не более чем эксперименты и таковыми, по большей части, и останутся. Они устареют гораздо быстрее, чем даже то, что написано в прошлом веке. Поэтому если поэт хочет всерьёз работать в литературе и внести в итоге в неё какой-то вклад, он должен не заниматься словесным ребячеством, которое вполне позволительно в юности, а со временем перевести свои поэтические эксперименты в область более высокую, в область идей, образов, мысли. Вот в тех категориях и нужно творить что-то новое, необычное.

В принципе, он оказался прав. И все эти сверхмодные в своё время поэты-шестидесятники, а также следующие после них поэты-авангар-

дисты различного толка уже по прошествии всего лишь нескольких десятилетий смотрятся устарело и нелепо, а Влодов со своими классическими стихами из книги «Люди и боги» выглядит также современно, как и во годы оны. Устарели как раз его модернистские стихи.

Изданные книги Влодова

Основная, ещё при жизни Влодова, изданная книга — это «На семи холмах». Данная книга — это единственное на сегодняшний день приличное издание стихов Влодова. Это книга объемом 224 страницы, в твёрдой обложке, в большом формате, тиражом 3 тыс. экз.

Мне удалось в этой книге опубликовать практически все его военные стихи, они идут в разделе «Танки шли по Руси, придыхая...». Также удалось опубликовать почти всю историческую книгу, она идёт в разделе «Портреты». Также я собрала по рукописям в тематические разделы часть пейзажной лирики, цикл стихов о творчестве, цикл стихов о России, философскую лирику. И, таким образом, при издании книги «На семи холмах» удалось спасти и упорядочить стихи по важнейшим темам, над которыми работал поэт. Не удалось только оставить раздел из его главной книги «Люди и боги». Поскольку книга проходила сквозь цензуру, то этот раздел запретили. Мне, правда удалось часть стихов, не особо острых, из этого раздела раскидать по другим разделам. Но не более того.

Вторая книга — «Крест», изданная в 1996 г журналом «Юность» тиражом 500 экз. и объемом в 20 страниц тоже вряд ли является полноценной книгой с юридической точки зрения, но с точки зрения творческой значимости её роль очень значительна, так как именно в ней собраны 33 стихотворения плюс еще 33 эпиграфа из книги «Люди и боги».

Эта книга «Крест» была каким-то чудесным образом переиздана в Смоленске, в каком-то малоизвестном издательстве «Посох» тиражом в 5 тыс. экз. Я эту книжку долгое время вообще не видела и думала, что это какие-то выдумки Влодова или тех издателей. Поскольку тиража не было и непонятно, куда он делся в таком количестве, я думала, что этой книги и вовсе не существует, наверное, собирались издать, подготовили даже оригинал-макет, но так по каким-то причинам и не издали. Но потом с большим изумлением нашла 1 экз. этой книги в рукописях Влодова. так что 1 экз. есть, но есть ли заявленные 5 тыс. — неизвестно.

Можно ещё назвать маленькую книжку «Люди и боги», которую я сделала в серии Библиотечка поэзии Московского союза литераторов, когда её сама и выпускала. В ней 20 страниц и тиражом она сделана совсем мизерным 50 экз. И от неё тоже остался только 1 экз.

Ещё я делала одну попытку «издать», так сказать, «Люди и боги» в Профиздате на ризографе, когда работала там. Сделала 100 экз. 20 страничной книжицы, в тонкой синей обложке. Но она выглядела настолько самодельно, что даже раздавать её было как-то неприлично. Так и остался лежать у нас почти весь тираж этой книжки.

Ещё я делала маленькую книжку Влодова — 32 стр. и тиражом 100 экз. в серии Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы, которую я тоже сама издавала для членов Союза писателей Москвы. Книжка эта получилась без названия, просто по имени: «Юрий Влодов», стихов там также немного, и также она была роздана и больше 1–2 экз. у меня не осталось.

Вот и все, так называемые, книги.

Правда тут ещё на книгу претендует некое издание, это приложение к Библиотечке журнала «Клуб». Раньше, во годы оны, когда журнал «Клуб» выходил тиражом ещё в 100 тыс. экз., это было в 1990 году, там была такая поэтическая рубрика «Ренессанс», которую вела поэтесса Антонина Ростова (Глушай). Под неё был отдан целый лист, разворот, но стихи располагались таким образом, что их можно было при желании вырезать и собрать в малюсенькую книжечку. Вот в этом «Клубе» и вышла подборка Влодова под названием «Российская речь». Мы закупили много журналов нарезали из этих страничек некоторое количество книжек и какое-то время считали это издание вполне книжкой. Но на самом деле это была просто журнальная публикация, оформленная таким вот интересным образом.

30 апр. 2012 г

(Было написано к 80-летию со Дня рождения)

P.S. К 90-летию список изданных книг Юрия Влодова расширился. Вышла книга «Люди и боги» в издательстве «Время» в 2012 году. Затем, там же, книга «Летопись», уже в 2015-м. В 2019 м в издательстве «Вест-Консалтинг» вышла книга «Портреты». И там же вышли ещё 2 небольших книжечки «Люди и боги», там напечатаны стихи, вынутые из рукописных рукописей Влодова и нигде дотоле не публиковавшиеся.

Дюдмила Свирская

Прага, Чехия

Родилась в Алматы (Казахстан), после окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край, Россия), где окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета.

С 1999 живёт в Праге (Чехия). Автор 7 стихотворных сборников. Публикации в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «День поэзии», «Литературная газета», «Алтай», «Берега», «Волга XXI век», «Европейская словесность», «Чайка», «Золотое руно» и др.

Член Союза Российских писателей и Московского союза литераторов.

Стихи переводились на украинский, чешский, английский и испанский языки.

Финалист и призёр литературных конкурсов: «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Фонарь», «Русский Гофман». Победитель поэтического конкурса «Пушкин в Британии» — 2018.

Главный редактор поэтического альманаха «Ассоль» (Прага) .

ПОТРЕСКИВАЕТ СЕРДЦЕ, КАК СВЕЧА...

* * *

Расходятся, скрипя, дощечки у моста.
У мостика — мне скажется ранее.
Над Летой, как всегда, такая пуста,
Что задержаться хочется над нею.
На берег «тот» легко попасть со всех сторон,
Без ветки золотой — когда бы если...

На пенсию ушел измученный Харон:
Возил туда-сюда. Баркас и треснул.
Застыли облака. Осенний ветер стих.
Под небом лишь свобода от печали.
Я здесь касаюсь всех: любимых и чужих,
И мёртвых от живых не отличаю.

БЕТХОВЕН

Пыль с мёртвого рояля деловито
Сметает фрау Мюллер день за днём.
Как он звучал, рояль мой! *Dolce vita!*
Моё ль остановилось сердце в нём?
Не морщась от щелчков и зуботычин,
Я накрепко, до хруста, сжал кулак:
Угрюм и одинок. Косноязычен.
И по губам читаю кое-как.
Клубок судьбы давно уже размотан,
Уплачен долг ещё одной весне.
Проросшими фасолинами ноты
Разбухли в абсолютной тишине —
Заношенной, затянутой, затёртой...
И если с губ срывается упрёк,
Теснятся пирамидами аккорды
На чёрном небе вдоль и поперёк.
А впереди — бемоль, как белый парус.
Квартет «*d-moll*». Душа идет ко дну...
Я вытяну всю музыку из пауз
И до последней ноты вам верну.

* * *

Ни денег, ни славы. Лишь двое детей — непосед.
На ужин — картошка с французской комедией в восемь.
Напрасно ругает жару возмущённый сосед:
Уже на подходе мадам пунктуальная — Осень.
Империя Лета! Как скоро ты рухнешь к ногам,
Шурша обречёнными листьями ночью и днём...
Но мне безразлично: назло и векам, и врагам
Своё лаконичное платье я гордо надену —
Пройду через парк, как сквозь толщу роскошных витрин,
Любуясь блестящей, чуть смуглой, родной черепицей...
А осень близка: непогода, тоска, аспирина...
Мне б сотней последней навек от неё откупиться.

ПОРОСЁНОК НИФ-НИФ

Нас на этом свете только трое.
Старший брат цеплялся, как репей,
Дом кирпичный предлагал построить...
Я Ниф-Ниф, который всех глупей,
Говорю: быстрее — из соломы,
Потому что рвётся прочь душа...
Не могу сказать, что я бездомный,
Просто мне хватает шалаша.
У меня есть стол, кровать и кружка,
И прохлада в летнюю жару...
«Здесь с тобою рай», — моя подружка
Мне шепнула как-то поутру,
Помня волшебство грибного супа,
Котелок, забытый на траве...

Я Ниф-Ниф, который самый глупый,
С золотой соломой в голове.

* * *

Ни единым облаком не хмурясь,
Замаячил мартовский денёк.
Я с тобою, кажется, рифмуюсь,
Хоть и многим это невдомёк.
Друг от друга нас не отпуская
И на половинки не деля,
Бьётся рифма — женская — мужская,
На которой держится земля.

* * *

Вчера панихида была по зиме.
Мы все её в путь провожали последний.
А следом шёл снег по уставшей земле —
Бездомный, в права не вступивший наследник.
Летели снежинки в весеннюю грязь,
Срывались со скользких натянутых веток...
Снег шёл торопливо, как будто боясь
Куда-то ещё опоздать напоследок.

МАЛИНОВЫЙ СВИТЕР

О.В.Д. — с благодарностью
Теперь мне по ночам так горько спится:
Потрескивает сердце, как свеча...
Молитвы шепчут тоненькие спицы,
Серебряными клювами стуча.
Нет бабушки давно. Но кто-то вяжет
Мне свитер, повторяя: «раз» и «два»...
И тянется малиновая пряжа
Со дна души, которая — права...
К чему e-mail и номер телефона,
Коль здесь любовь, в моих руках уже?..
И музыка малинового звона
Не затихает в дремлющей душе.

КОФЕ ПО-ВЕНСКИ

Н.Я.

Кофе по-венски — знакомый сюжет:
Стройный бокал, белоснежный манжет,
Вальсы, балы, парики, треуголки...
Я — в легкомысленной пёстрой футболке,
Ты — с рюкзаком, полным книг и идей...
Встретились двое хороших людей,
Чтоб поболтать о стихах и кино,
Кофе по-венски испив заодно.
Вена была до конца откровенна...
Встретились буднично. Обыкновенно:
«Здравствуй». — «Привет». — И, примкнув к ротозеям,
Мы понеслись по садам и музеям,
Безотлагательно, самозабвенно
Вену вливая в себя внутривенно...
И закужились с восторгом вселенским
Небо по-венски.
И солнце по-венски.
Что же касается кофе... Увы...
С ним решено потерпеть до Москвы.

Мы в карантине: ты и я.
Я на балконе, ты на фото.
Не изменилась жизнь моя
С момента твоего ухода.
И ощущение, как в кино:
Сажу, смотрю и жду финала.
А ты ушёл давным-давно,
По руслам высохших каналов,
Свободен, дерзок — и один,
Ты вырвался из группы риска,
Туда, где вечный карантин,
Откуда только к солнцу близко.

КАРАНТИННОЕ

Июнь пронёсся, радостно стуча
Копытами по клавишам надежды.
С утра до ночи слышу: «Где ж ты, где ж ты?»
И пустота свободного плеча,
Коль нечего уже держать Атланту,
Хранит прикосновение одно...
Весь мир — как в школьной физике «дано»,
Но вдребезги разбиты Гегель с Кантом.
Здесь кто-то перепутал верх и низ...
Июль пришёл — а я оттуда родом.
Что ж я могу, не вылезая из
Норы своей трусливо год за годом?
Ты говорил, что мир накроет тьма,
Когда был жив и он, и ты... в реале...
Давай поставим пушкинское: «vale!»
В конце никем не вскрытого письма...
Чтоб только Бог не дал сойти с ума.

* * *

Билеты продаются в том окне—
Куда-то. А вернее, для чего-то.
И запертые наглухо ворота
Становятся податливее мне.
Там чей-то голос (только голоса
У нас ещё не заперты покуда) ...
Он спрашивает, что я делать буду
В ближайшие два с четвертью часа.
Дышать. Бежать за солнцем, вдоль реки,
Постукивая термосом глинтвейна,
И трогать по пути благоговейно
Массивные висячие замки...
Приснится же такая чепуха!
Год двадцать первый. Третий день суровый.
Наощупь я бреду. И держит снова
Соломинка последнего стиха.

Рисунок Светланы Ринго

ЧЕХОВСКАЯ МОСКВА

В плане постоянной экспозиции в Государственном Литературном музее проходит выставка «Чеховская Москва».

Москва Гиляровского, Чеховская Москва... Часовни Замоскворецья взлетают к Небу.

*Москва, Москва! Люблю тебя, как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно...*

Младший брат писателя Михаил вспоминал, что Москва поразила и покорила Антона. Антон Павлович Чехов приехал в Москву на пасхальные каникулы в 1877 году встретиться с семьёй. «... Всё было мило для него в Москве, — писал современник Антона Павловича Елпатьевский, — и люди, и улицы, и звон Николая на Щепках, и классический московский извозчик, и вся московская бестолочь».

Ушедшая Москва... Москва Антона Павловича Чехова в Листах Альбома, фототравюрах Н. А. Найдёнова. Это — «Церковь Николая Чудотворца в Драчах» М., (1881), «Кремль. Вид с Замоскворецкой набережной» М., (1884), «Церковь Вознесения Господня за Никитскими воротами» М., (1881), «Вид Храма Христа Спасителя» М., (1896–1897) .

Последние чеховские адреса: Малая Дмитровка 11, Петровка 19... В музыкальную семью Чеховых входил Пётр Ильич Чайковский. Романсы и песни Чайковского, прелюдии и ноктюрны Шопена, серенады Шуберта звучали в гостиной.

Старший брат писателя Николай, художник, приглашал И. И. Левитана, К. А. Коровина. Работы Николая Чехова «Женская головка» (1885), «Портрет крестьянского мальчика» (1881), «Гуляние в Сокольниках» (1879) украшали гостиную.

Большой раздел экспозиции посвящён театру Чехова. Пожелтевшие афиши Московского Художественного театра передают аромат того времени. Константин Станиславский в роли Тригорина в «Чайке»... Игра артиста подобна звучанию флейты.

*Я Вам спою ещё на бис
Не песнь мою, а жизнь мою.
Нельзя вернуть любовь и жизнь,
Но я артист — я повторяю...*

*Сыграть спектакль по силе, свежести чувства словно впервые.
Володя всегда будет петь впервые.*

*Я коней напою,
Я куплет допою,
Хоть мгновение ещё
Постою — на краю...*

2021

Валерия Исмиева

Валерия Исмиева — поэт, автор поэтических переводов с немецкого и английского языков, член Союза литераторов России, Союза литераторов Москвы, Союза писателей 21 века. Стихи, литературная критика и культурологические заметки публиковались в журналах «Плавучий мост», «Урал», «Дети Ра», «Литературные знакомства» и др., на различных литературных порталах. Кандидат философских наук, искусствовед, доцент Института мировых цивилизаций.

«ТАК ВАМ НА ДУДОЧКЕ ИСПОЛНИТЬ МЕНУЭТ?»

ОКТАВИАНУ АВГУСТУ

Брат мой Октавиан, твои пчёлы сошли с ума.
Они приносят мне мёд, хотя повсюду зима,
и хрупкие крылья продрогли от галльских ветров гульбы,
метущих на каждую каплю свинцовых белил горбы,
будто болид, не тело, горящее янтарём,
в полёте заледенел и не опалает дом.

Брат мой, все трассы белы: асфальт, облака, провода —
бинтами на ранах... мелу стала подобна вода,
вот свойство — из цвета убыль не может зеркалить Земли,
лишь только Солнечный улей лишится мёда любви.
А ниже стихшего гула — крики, ропоты, вой —
слышишь? Такими в безлюбье стихи роятся зимой.

Чья кисть обеляет око? — только белый в расход:
из пеплоса — бледный мой локоть, из пепла — тусклый восход...
Но как из медового теста вымесить огненный хлеб?
Такому не ведают места ни Лимб, ни Небо — Эреб!
где красного тока люстры на языках свечей
несут миллионоустно отсветы наших ночей,

стеклянные пчёлы ветра сосут из неспёкшихся ран
подвижные завязи метра, янтарных звуков икра
взрывается строчками в замети, растром растраченных лет,
вбирая жабрами памяти трепет неба в траве.
Там наши корни впиваются в просинь его огня,
и губи лиц поднимаются из мелководий дня.

Август, созерцатель и пасечник красных моих телец!
Когда обожжёнными пальцами о куполов голубец
расправлен голос и выщежен до окоёма скул,
снаружи — серебряным Китежем, с изнанки — дулом к виску,
нам остаётся немеряно, там — пламя, здесь — гулкий звук
из мякоти звёздного черепа — в кипящую пустоту

УЛИТКА

Ты лежишь на моей ладони, почти зеро.
Капля скользкой материи, немой язык,
лодка, танцующая очертания берегов,
дрожь, заменяющая и жест, и крик.

Где твоё море, ленточка гребешка,
прянувшая вдогонку слепому азарту в шельф,
ушко, упрятанное внутри рожка
валторны, всасывающей созвучий шлейф?

Аргонавт хлорофилла! Выскользнувший из недр
доисторического
отрицаньем любых вершин,
равно и бездн,—
как твой творец нещедр —
моноколий! Босой сгусток морщин!

Но — почти *perpetuum mobile*!
Каждым глотком
растящий свой дом (на колене? На животе?),
жующий окраину —
о, сладость *dasein*!
И в том
ты — клей присутствия, липнущий к пустоте

Ненасытней, чем Тетис — к берегу
(путь твой — сквозной пунктир —
с брешью двадцатого синхронизировал Арп),
скромный поэт забвения, архитектор дыр,
отрицанье дионисовых лоз и арф

Аполлона,
с такой же тубой, гермафродит,
бесконечность рисуешь удвоеньем тел —
о как в этом соитье волют сквозит
кисточка Кроноса!
Малого беспредел!

Трансформатор трепета в заученный поворот
левой руки! Мнемозина врёт на твоём арго,
сдавая Плинию карты и убажывая рот
всеми оттенками нежности эскарго...

* * *

Нам, штопорам сквозь время и пространства,
здесь ни опор, ни снов, ни постоянства,
летучим колдеровым контурам бескостным,
вращающим в свободном и безостном
межустное, надвздошное не-брашно.
нам иссякать не больно и не страшно,
пока не пережжёшь вольтметр с радаром
о наш вольфрам, взрывающийся даром
зиянья дыр, безвесно и безвестно
пронзающий планет сырое тесто
артезианскими — чтоб разрывала жажда
хотя б одним — евклидово... не важно.
Мы в вас умрём. Вы в нас родитесь дважды

ВЕТОШНОЕ СОЛО

Так вам на дудочке исполнить менуэт?
... по истечении морей из Геликона
вновь грызунами стали музы. Мусaget
пошёл коров пасти, по вечерам
он доит звёзды на полях поддоны.

По млечным хлябям странствует Луна,
скелеты елей опыляя хором
забытых душ... а вон, пьянея в хлам
круженьем сфер ночных, стоит прохожий
посередине мироздания бора,
и бредит взлётом, сотворив харам.

Средь закоулков шелестов глухих
он видит лес — но всюду только строчки
ткнут корабельный скрип... и негде точке
пристроиться, чтоб этот стон затих,
и мыши утащили по кусочкам
все летописи странствий в утлый стих.

Туши фонарь — на скверные обноски
что проку!.. не глаза, теперь лишь слух
ещё уловит след огня на воске
померкших туч, всех восходов повитух,
и в стилос превратит оскал заточки,
и вылуцит из хлама старый храм,
что музыкален в каждой новой почке,
в сучке и в сучке, ласковой к волкам...

Я вам на дудочке сыграю пастораль:
для менуэтов надо б кринолины
и шелк; а так, чтобы душой резвясь —
семь нот, одиннадцать отверстий, даль,
дыханье, пальцы — всё на именины
для сердца и на свет-о-тени вязь

АРОМАТ

воск тишины замедленность паденья
войди как в бред как в головокруженье
в предсмертье гиацинтов в рукава
и локоны дождя в их тусклый лепет
где в каждом завитке лиловый взрыв
начавшись цепенеет вождельнем
и угасанием предгрозовым
так запах тела впитывает платье
так над обрывом ласточки угрозой
и вспышки голоса смеркаются слияньем
губ разомкнувшихся глубокой розой

ГДЕ МУЗЫКА, ОРФЕЙ...

Где музыка, Орфей, сошедший в ад?
Все зеркала зачехлены до срока
молчанием. Она стоит босая,
простоволосая, и церберы следят,
чтоб ни слезы, ни голоса, ни вздоха —
за дрогнувшим плечом губу кусая...
Но тень её сливается с твоей
по направлению к просвету
сквозь лабиринты тысячи травей,
туда, где в средокрестье лета
полощет горло солнце-соловей,
и всё — она: и смех, и плач, и Лета,
жасмин, крапива, живокость, шалфей

Санкт-Петербург

«СЛЫШУ ДЫХАНИЕ
НЕВСКИХ ВЕТРОВ ...»

ЧУДО

Лети, чудо-ласточка смелая,
в прадедовы края!
Не чёрная ты, не белая —
серебряная моя.
Ну, вот и проехали Чудово,
отечества чую власть.
Лыкошино, станция чудная,
Валдайкой давно звалась.
В отечестве всё меняется.
И ласточек быстр полёт.
Я счастлива: здесь меня ещё
чудесная встреча ждёт.

* * *

Окуловка. Угловка...
Ты ждёшь меня, мой брат?
А вот и остановка
у дедовых пенат —
всего одна минута...
Я тростью подсоблю...
В Лыкошине всё круто,
я так его люблю.

* * *

Для родного человечка
затопилась в доме печка.
А на улице жара.
Но печные ароматы

пронизают каждый атом —
славно, будто бы вчера,
славно, словно в веке прошлом,
в доме рубленом, хорошем
на застолье у родных —
у купцов, дворян, военных —
предков необыкновенных...
Помянём сегодня их.

* * *

Власти нынче стали строги —
потравили борщевик,
что к гуманности привык,
возвышаясь вдоль дороги.
Прибегая к высшим мерам,
закрепить бы сей успех!
Надо паразитов всех
поразить таким манером.

* * *

Русские немцы в Германии пляшут
и по-немецки «Катюшу» поют.
Русские немцы по-прежнему наши,
любят, как видно, «Катюшу» мою...
Брат мой, по немцам стрелявший прицельно,
ими был ранен и в танке горел
Внучку Катюшу ценю беспредельно,
смелая тоже в решенье всех дел.

* * *

*Поэтам С. Тухтунскому,
И. Титаренко, Т. Титовой*

Мы все геологи, мы ищем слово-золото.
Когда находим, не поздравят нас.
Давно, во времена серпа и молота,
поэты были — «золотой запас».
Не все «творцы» отмечены медалями,
кого зовут «святою простотой»...
А небеса затем таланты дали нам,
чтоб жил в России прииск золотой.

* * *

Тане

Чиркнули спичкой — зажёгся огонь...
Солнце взошло над Палюстровским парком.
В сердце родная запела гармонь —
мысль оперилась звучанием ярким.
Слышу дыхание невских ветров,
но холодов не боюсь от рожденья.
Дух мой ещё, слава Богу, здоров.
Город подарен мне для вдохновенья.

* * *

Подарок-город, а внутри — Нева.
Развёртывай петропольскую карту!
На лёд не выходи. Ищи слова
апрелю в благодарность, но не марту.
Работа трудно шла по самый март
над книгой под названием «Ностальгия».
Не выхожу на лёд, но лишь на старт
стихам о городе... За мной пойдут другие.

В АПРЕЛЕ

Напиши, пожалуйста, о городе.
Питером его не называй.
И ни о блокаде, ни о голоде
не пиши... Не за горами — май.
Но Победу всенародно празднуя,
позабыть не сможем о войне.
Вновь Бандеры банда безобразная,
возрождаясь, угрожает мне.
Мы потом опять пройдем по Невскому —
мы с тобой и весь «Бессмертный полк»,
восторжествовав над бандой зверскою
всей страной, в битвах зная толк.

* * *

Пишите грамотно по-русски!
Не ошибайтесь в «ни» и «не»!
И, несмотря на перегрузки,
дарите жизнь своей стране.
Ни в чём ей отказать не смея,—
в защите, знаниях и труде,
вы, русские, останьтесь с нею!
Но ошибётесь — быть беде.

ОПОЛЧЕНЦЫ. МАРИУПОЛЬ

Надо для наших людей постараться...
Пусть не узнают о наших трудах,
но для России всё сделаем, братцы,
подвиг за совесть свершим, не за страх.
Страх не имам... Дивитесь, как чуду,—
русскому воину в смертном бою!
Мы покараем безумца-иуду,
жизнь отдадим за Россию свою.

* * *

Александру Сладкову

Война — тяжелая работа...
Корреспондент, тебе спасибо!
Работу до седьмого пота,
кровавого порою пота,
ты показал, и в этом сила...
Жизнь началась моя войною.
Речь Сталина мы все слышали...
(Даст Бог, не кончится войною!..)
Победа — крылья за спиною,
у братьев — ордена, медали...

* * *

Так много пишущих. Читающих так мало.
Образования уровень убог.
Я помню: с книгой и отец, и мама...
И многое читалось между строк.
Библиотека дедова в блокаду
пропала... Снова — книги... Негде жить...
В противовес компьютерному стаду
что я могу свершить?

* * *

Уничтожат планету «бессмертные» эти
и отправятся сами на Марс.
Мы в случайность событий поверим, как дети.
А они разыграют свой фарс.
Как всегда... Катаклизмы, ковиды, цунами...
Много лет эта длится война —
не объявлена, вовсе не понята нами...
Где Ты, Боже? Воздай им сполна!

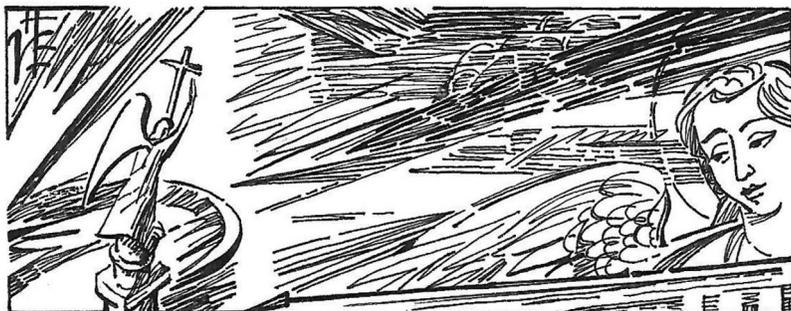
* * *

Русские богатыри —
это званье не пропало.
Нынче встретишь их немало.
Повнимательней смотри!
Не высокий — средний рост,
а душа — косая сажень.
Но герой и в мыслях даже,
и в своих поступках прост...
Все, кто чисты изнутри,—
русские богатыри.

РОДНОЕ

Олегу Румянцеву

Один играет что-то из Россини,
другой играет что-то из Шопена.
А где послушать русское в России —
не представляю нынче совершенно...
Олег Румянцев встарь, искусник вещей, —
размах души под стать игре баяна —
дарил нам с мамой искренние вещи,
по телефону сыпал постоянно...
И завещала мне моя голубка:
люби родное, впитывай, как губка.

Санкт-Петербург

Персианов Игорь Александрович родился 7 октября 1973 г. в Ленинграде. Учился в 157-й экспериментальной школе АПН СССР с углублённым изучением английского языка, окончил художественную школу № 6. В 1995 г. с отличием окончил факультет социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена. Совмещал работу учителя истории в школе № 157 с учёбой в институте, а потом — в аспирантуре Института образования взрослых РАО, занимал должность доцента на кафедре андрагогики в Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

В настоящее время работает заместителем директора гимназии № 157 им. принцессы Е. М. Ольденбургской по воспитательной работе и учителем истории.

Лауреат городского конкурса педагогических достижений, имеет звание «Почётный работник общего образования Российской Федерации», награжден знаком «За гуманизацию образования». Кандидат педагогических наук.

Автор публикаций по истории, педагогике и методике преподавания социальных дисциплин.

С 2009 г. пишет прозу, а также работает в жанре акварели.

«ТАК НАЧНЁШЬ ИЗУЧАТЬ ФАМИЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ...»

Из родословной

С годами у многих возникает желание узнать историю своих предков. Зрелый человек начинает лучше понимать себя, зная свои возможности и недостатки. Вместе с этим он пытается понять, откуда в нём та или иная способность, склонность к какой-то определённой профессии, жизненные установки.

На фоне инженерных родственников я всегда чувствовал себя отщепенцем. Дедушка участвовал в проектировании аэропортов в Риге и Ульяновске, мама окончила «Бонч», папа — ЛИАП. Мама и сейчас может решать при необходимости школьные задания по физике. Из глубины времён взирал на непутёвого правнука вы-

пускник Технологического института, инженер путей сообщения Александр Александрович Персианов. Однажды, разбирая бумаги, я нашёл письмо Александра Александровича к сыну, где он выражал радость, что Юрочка поступил в Институт инженеров путей сообщения, «а не на какой-нибудь истфак». С письмом я ознакомился в то время, когда как раз учился в Герцена на историческом факультете. Затрещина получилась изрядная, хотя и опосредованная. Словом, хотелось приобрести какой-нибудь гуманитарный ориентир среди предков для компенсации собственной несостоятельности.

К счастью, в семье инженеров нашёлся гуманитарий — литературовед Владимир Тренин. Но начну по порядку. У моей прабабушки, Надежды Александровны, урожденной Трениной, был брат, Владимир Александрович. Он, согласно семейной традиции, служил инженером путей сообщения. В годы Первой мировой его мобилизовали в армию. Сохранилась фотография, где Владимир Александрович Тренин запечатлён с погонами инженер-полковника. Рядом с ним на этом фото — сын Владимир (Владимирович), мальчик лет двенадцати. На фотографии надпись: «Владимир и Володенька Тренины. 1916 г. Действующая армия».

В будущем этот мальчик стал известным литературоведом и литературным критиком, хотя и окончил архитектурный факультет ВХУТЕМАСа (Высшие художественно-технические мастерские). Литературную деятельность он начал в 1928 г. в журнале «Новый Леф». Работал также в редакции журнала «Москва». Был близко знаком с Д. Бурлюком, К. Малевичем, В. Маяковским, Б. Пастернаком, К. Чуковским. Сохранилась фотография, на которой В. Тренин находится в компании с К. Малевичем и В. Харджиевым. В Москве он с большим успехом читал лекции на литературных курсах по истории русской и зарубежной литературы. Знание пяти иностранных языков позволяло ему читать произведения в подлиннике. Иногда лекции проходили в форме беседы — Тренин отвечал на вопросы, интересовавшие слушателей.

В соавторстве с В. Харджиевым в начале 1930-х годов занимался исследованием истории русского футуризма, творчества В. Хлебникова, принимал участие в редактировании произведений В. Маяковского. Владимир Тренин написал несколько книг: «Словесность и коммерция», «Поэтика раннего Маяковского», «В мастерский стиха Маяковского», «Поэтическая культура Маяковского» (в соавторстве с Н. Харджиевым). Его работа «В мастерской стиха Маяковского» переиздавалась трижды. Тексты В. Тренина до сих пор изучают студенты «большого» университета в Петербурге.

По воспоминаниям дочери Владимира Тренина, её отец обладал яркой внешностью, артистическими способностями, прекрасно чи-

тал стихи. Именно выразительным чтением стихов Маяковского он обратил на себя внимание своей будущей жены. В гостеприимном доме Трениных вечерами собирались их друзья — писатели и кинематографисты. В разное время бывали В. Шкловский, Ю. Олеша, М. Светлов, Д. Хармс, Ю. Тынянов, Т. Гриц, режиссер А. Золотницкий, оператор Р. Кармен.

В 1941 г. Владимир Тренин ушёл добровольцем в ряды Народного ополчения и погиб в бою под Вязьмой в возрасте тридцати шести лет. В Центральном Доме литераторов в Москве есть мемориальная доска, на которой выбиты имена писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В их числе — Владимир Владимирович Тренин.

Такова короткая, но яркая жизнь революционного романтика, моего родственника, отдавшего жизнь за Родину.

Довольно удивительно, но моя родная прабабушка, окончившая свои дни в Малой Вишере, несколько лет жизни провела в Соединенных Штатах Америки, а потомки её братьев наверняка живут там до сих пор.

Юлия Осиповна родилась в Литве, в крестьянской семье. В поисках лучшей доли она приехала вместе с двумя братьями в столицу Российской империи. Русского языка Юлия не знала, на работу смогла устроиться лишь в качестве прислуги. Ей приходилось очень трудно, почти безысходно, настолько, что думала о том, чтобы свести счёты с жизнью.

Согласно семейному преданию, на молодую девушку, стоявшую на мосту и олицетворявшую собой отчаяние, обратил внимание проезжавший мимо состоятельный господин. Им оказался всемирно известный производитель водки Смирнов. Он спас Юлию от рокового поступка и, поняв, что она литовка, отвёз её к своему знакомому, заведующему глазной клиникой на Моховой улице. Тот, то ли сам был литовцем, то ли знал этот язык. Он согласился взять девушку к себе на работу. Получив новое приличное место, Юлия Осиповна быстро освоилась в столице. Вскоре она вышла замуж за ветеринара Дениса Михайловича Мекишко. Сам он был родом из Белоруссии.

Все складывалось довольно благополучно, но беспокойные братья Юлии Осиповны решили податься на заработки в Америку и стали уговаривать её поехать с ними. Юлия Осиповна и Денис Михайлович, в конце концов, поддались на уговоры и стали готовиться к отъезду. В Америке её братья довольно быстро освоились, а у Дениса Михайловича дела не пошли, на работу он устроиться не мог. Сохранились воспоминания, что они бедствовали настолько, что стояли в очереди у магазинов, чтобы получить предназначенные

на выброс продукты на пределе сроков годности. Спустя некоторое время Юлия Осиповна с мужем вернулись из-за океана в Петербург.

С оставшимися в Америке родственниками дочь Юлии Осиповны, моя бабушка Женя, довольно долго переписывалась. Они радостно сообщали о покупке автомобиля и, в целом, было впечатление, что дяди там не пропадут. Обмен письмами прекратился, когда бабушку вызвали «куда надо» и настоятельно порекомендовали переписку завершить. Связь была прервана.

Но вернемся в Петербург. В столице Юлия Осиповна сумела открыть шляпную мастерскую, и дела у неё пошли успешно. Денис Михайлович, как-то не сумел найти себя после американской авантюры и умер существенно раньше жены, поскольку известно, что после революции она уже была одна. В их семье успели появиться на свет две дочери, Юлия, 1907 года рождения и Евгения, моя бабушка, которая родилась в 1912 году.

Буржуазное предприятие прабабушки потерпело крах из-за большевиков, мастерскую закрыли, а её саму выселили вместе с детьми из Петрограда в Малую Вишеру. В какой-то момент Гражданской войны прабабушка с дочерьми заболела тифом и едва не погибла. Уже в Малой Вишере на Юлию Осиповну обратил внимание местный красавец-мужчина Иван Иванович Васильев. Он был на 10 лет моложе прабабушки и работал телеграфистом, что по местным меркам делало его человеком очень заметным. Несмотря на сопротивление своей семьи такому мезальянсу, он женился на Юлии Осиповне. Она, в свою очередь, вспомнила свои крестьянские корни и завела крепкое хозяйство. У них был большой дом, который, возможно, стоит до сих пор.

Своих детей в семье Васильевых не было, но Иван Иванович относился к падчерицам очень тепло, они называли его «папой». Их внук, сын Евгении, мой отец, родился недоношенным, был слаб здоровьем и какое-то время взращивался в Малой Вишере на натуральных продуктах заботами Юлии Осиповны и Ивана Ивановича. Также он жил у них в эвакуации, когда был вывезен из Ленинграда после первой, самой страшной, блокадной зимы.

Жену Иван Иванович безумно любил и, когда она умерла, буквально потерял рассудок от горя и, не веря в её смерть, долго не давал похоронить тело. Покоятся они оба в Малой Вишере, мы с папой несколько раз навещали их могилу. Увы, это было очень давно.

Евгения Денисовна (бабушка Женя) стремилась вырваться из Малой Вишеры в большую жизнь. Она вспоминала, как собирала огарки свечей и читала с ними под кроватью, так как жечь целые свечи ей не разрешали из экономии. Бабушка поступила учиться в Новгородский строительный техникум и потом работала на

разных строительных объектах, руководила бригадами. Учитывая твёрдый бабушкин характер, это должно было у неё прекрасно получаться. Встретив дедушку, Юрия Александровича, она обрела надежного спутника на всю жизнь.

Евгения Денисовна хотела производить впечатление коренной ленинградки, следила за произношением, чистотой языка, ревностно относилась к ударениям в словах. Она много читала, интересовалась новинками культуры, хорошо знала архитектуру Петербурга — Ленинграда. Несмотря на то, что бабушка хотела отдалиться от своего провинциального прошлого, в её сильной и властной натуре читался образ матери Юлии Осиповны, претерпевшей столько невзгод за свою удивительную жизнь.

«Вот так начнёшь изучать фамильные портреты» и, хотя, в отличие от героев фильма о Холмсе и Ватсоне не «уверуешь в переселение душ», но точно почувствуешь свою связь с прошлым.

Гатчина, Ленинградская область

Родилась 9 октября 1976 года в Новгороде. Училась на искусствоведческом отделении гимназии и в художественной школе. Окончила с отличием филологический факультет Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях. Первая публикация в 1988 году.

Автор поэтических сборников «Глаза-незабудки» (Великий Новгород, 2004), «Орешник за воинской частью» (Санкт-Петербург, 2020), «Золотые контуры судьбы» (Санкт-Петербург, 2020), «Гнёзда на иве» (сборник трёх авторов — Натальи Пунжиной, Александра Ивушкина, Ольги Шмаковой; Москва, 2020) .

Участник 27-й Конференции молодых писателей Северо-Запада (Санкт-Петербург, 2007) .

Финалист Международного конкурса лирико-патриотического поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева (2016) и лауреат этого конкурса (2017, 2020). Победитель (3 место) VII конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева «Поверю в весеннюю Русь» (2021) .

Лауреат Конкурса «Выборгская чайка» в номинации «Лирическая поэзия» (2017); дипломант поэтического Конкурса Союза писателей России «В труде и в бою храни беззаветно Отчизну свою» (2017); победитель (первое место в номинации «Литературное творчество») Всероссийского духовного конкурса «Небесная рать на дорогах войны», посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (2020); победитель (первое место в номинации «Литературное творчество. Поэзия») IX Международного творческого конкурса «Патриот Отечества» (2020) .

Член Союза Писателей России с 2007 года. Живёт в Гатчине Ленинградской области.

НИЩИЕ

*Золото, золото
Сердце народное!*

Н. А. Некрасов

1.

Лучами солнышко закатное
Здесь речку переходит вброд.
Зовётся голью перекатною
Не имярек, а целый род.
Ужель на пашне на заброшенной,
Не думая радеть о ней,
Лежат все пахари, подкошены,
Своих не чувствуя корней?
Ужели пращуры былинные
В тот час, когда лютует враг,
Сухой катилися былинкою
Из буерака да в овраг?
И в поисках житья богатого
Через репё да ковыли
Из Гольева и Перекатова
С протянутой рукою шли?..
Знать, нам слоняться неприкаянно,
В кармане — лень, на сердце — боль.
Ведь наша суть непререкаема.
За веком — век, за голью — голь...
Нет, не такие мы покорные.
Не голь — богатыри еси!
Россия, чудо рукотворное,
Ты в нас надежду воскреси.

2.

Нищие — с удачею не водятся.
Родом не ведутся — веком рождаются.
Мы от них недалеко стоим.
Ты услыши, Дева Богородица,
И помилуй, Дева Богородица,—
Омофором нас покрой своим.
Наши дети нам дороже золота.
Да и быт наш скромный разве плох?
Но избавь от голода и холода,
Что застать пытаются врасплох.

Ты утиши бурю окаянную,
Нас на мирный труд благослови,
Чтобы, светом веры осиянные,
Жили мы в согласье и в любви.
Духом нищий разве кто-то родится?
Тот, кто слёзно кается и молится —
Благодать стяжает.

Потому
Ты благослови нас Богородица,
Пресвятая Дева Богородица,
Соработать Сыну Твоему.

3.

Вопрос неизбывный кружится:
«Кому хорошо на Руси?»
Да ты не ходи по столицам,
Меня вот хотя бы спроси.
Мой дом — в светлоокой глубинке,
Средь елей, ручьёв и болот.
Здесь время по топкой тропинке
С клюкою на ощупь идёт.
А я, как былой обыватель, —
В заморских краях небыватель,
Кулик не зимует со мной...
Я давних обид забыватель —
К чему лишний груз за спиной?
Живу далеко не по-барски,
И всё же неплохо весьма.
... Снег первый ложится, январский,
А скоро уже и весна
Овеет надеждой прохладной,
Благих перемен предречёт...
Не сбьётся всему, да и ладно!
Живём! Остальное — не в счёт.

2015–2016

ЗВЁЗДНАЯ КОРОНА.

РУССКИЙ СОNET

*На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и доньше
Снега хранят мой одинокий след...*

Форма сонета вошла в «Книгу песен» Франческо Петрарки благодаря тосканской лирике «Нового сладостного стиля». Данте, Лопе де Вега, Ронсар, Шекспир, Гёте писали сонетом.

Первый диалог между Ромео и Джульеттой на балу у Капулетти написан сонетом. В ранней комедии Шекспира «Тщетные усилия любви» диалог приближается к форме сонета.

Сонет, терцина, октава, триолет, рондо — формы классической поэзии. Вариации сонета самые разнообразные.

В начале XVIII века сонет входит в русскую поэзию. В творчестве Г. Р. Державина сонет оставляет мимолётный след.

А. С. Пушкин и поэты пушкинской плеяды писали вольным сонетом, в отличие от А. Дельвига, который придерживался традиционной формы сонета.

Гравюра Обри Бердслея

Фет, Лермонтов, а также поэты Серебряного века Ахматова, Бальмонт, Бунин, Волошин, Мандельштам писали лирические, философские сонеты, создавали в них чудесные поэтические акварели. Волошин сложил *Венок сонетов*. Привожу «Звёздную корону» (ключ) Максимилиана Волошина:

В мирах любви — неверные кометы —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит —
Полночных солнц к себе нас манят светы.

Ах, не крещён в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид,—
Изгнанники, скитальцы и поэты!

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в тёмный склеп,
Кому земля — священный край изгнанья,

Кто видит сны и помнит имена,—
Тому в любви не радость встреч дана,
А тёмные восторги расставанья!

Цикл из пятнадцати сонетов Макс Волошин сплёл в вечнозелёное дерево. *Тема призвания и судьбы Поэта*. О *Звёздной короне* писал Б. Леман Волошину: «Она в стиле средневековой энциклопедии..., где есть и мифы, и естественные науки, и искусство, и всё пронизано мистической нотой».

А тёмные восторги расставанья,
А пепел грёз и боль свиданий — нам...

2020

Евгения Славороссова

Из книги «Стрела Времени»

НА ЗАРЕ

Тёмный воздух ещё не согрет,
Первый луч в облаках не сверкнул.
Мирно спит на заре Назарет.
Отчего же Ты глаз не сомкнул?

Двор притих, погружённый во тьму,
И молчит молоток старика...
Но к какому призванью, к кому
Эта смуглая рвётся рука?

В доме плотника голос Твой глух,
Здесь привыкли рубить и колоть.
Как возник этот страждущий дух,
Этот дух, побеждающий плоть?

Как он бегал к воде босоног,
Как он рос среди свежих тесин...
И в тиши не родное «сынок»,
Прозвучало: «Возлюбленный Сын».

Кто же в мире Ты — сын или гость?
Но недаром погибель сулят
Эта слишком уж тонкая кость,
Этот слишком прощающий взгляд.

Здесь народ бесприютней сирот.
Только голос взыскующий лют:
«Возлюби больше жизни сей сброд,
Этот бедный неправедный люд».

Это казнь или славу трубят?
Всё рассудит последний Твой суд.
Пусть сегодня, скорбя, оскорбят,
Значит, завтра, убив, вознесут...

Дрожь смоковниц в пустынном дворе.
Первый луч — как он нежен и ал...
Мирно спит Назарет на заре.
Слишком рано. Но Ты уже встал.

* * *

Никто не знает, как жизнь долга —
Лишь дети да старики.
Где ж дальнее устье и где берега
Великой Небесной Реки?

Никто не знает, когда пробьёт
Его сокровенный час.
Приходит Время — и Смерть придёт
Бесшумная, не стучась.

Никто не знает — когда и где
(Бессильны мои слова) ...
Вот так же тают в большой воде
Плавучие острова.

Медлительной медью небесный свод
Стекает на пыль земли,
Чтоб мы от наших земных забот
На миг отступить смогли.

Младенцем утлым пускаясь в путь
(А путь отразит река),
Плывём, чтоб в закатных лучах тонуть
У Берега Старика.

Черта, где в Запад впадёт Восток
(Бьют медные родники) ...
Кто знает, где устье и где исток
Великой Небесной реки?

* * *

Адъютант не покинет в бою генерала,
Даже в самом жестоком бою.
Так душа, что столь многое в жизни теряла,
Обретает свободу свою.

В битве этой, где нет ни конца, ни начала,
Не спасёт полководца талант.
Но закроет собой своего генерала
В страшный миг молодой адъютант.

Лягут рядом навеки сражённые двое,
Если преданность их не спасла.
Не покроет и знамя побед боевое
Неподвижные эти тела.

И травой зарастёт поле битвы кровавой,
И начнётся другая война.
И останутся здесь обойдённые славой,
И забудутся их имена.

Будь же пухом, земля, и великим, и малым:
Маршал то иль простой лейтенант.
И уйдёт в небеса за своим генералом
Неразлучный его адъютант.

ПЛАЧ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Не купишь индульгенцию —
Суровая страна!
Как жгла интеллигенцию
Тревога и вина.

Ведь нет печальней доблести
И нет надрывней мук,
Чем тайной язвы совести
Хронический недуг.

Прослойка ненадёжная
С неведомой виной,
Судьбою безнадёжною
И совестью больной.

Пылал огонь раскольников,
Крамолил Аввакум,
Бродил в бреду Раскольников,
Туманя кровью ум...

А нынче люд толкается
В тисках очередей.
На площади б покаяться
За тяжкий крест идей.

Искать ли Царство Божие,
Уверовать в прогресс?
Но чувствовать всей кожей
Дыхание небес.

Те книжные подвижники,
Остались не у дел.
Душой делиться с ближними —
Лишь избранных удел.

* * *

Империя, как Атлантида,
Ушла безвозвратно на дно,
И нам грандиозного вида
Уже созерцать не дано.

Повержены ниц монументы,
Ветшают громады дворцов.
Напомнят нам лишь киноленты
Суровую нежность творцов.

Ушедшей эпохи таланты,
Теперь навсегда мы должны
Жить в мире чужом, как атланты
Из странной забытой страны.

Из книги «Серебряный ключ»

РОССИЙСКИЕ ПОЭТЫ

Эта вспышка жёлтой кофты
Бесит свору дураков...
Он допросит мир: «Каков ты?»,
Он покажет, сам каков.

Эта чернь атласной чёлки
Стольким снилась по ночам,
Но и в рубище, и в шёлке
Зябко крыльям и плечам.

Эта белая рубаха
Да цилиндра мрачный блеск,
Женский шарф, петля и плаха,
Стаи птиц прощальный всплеск.

Вот шинели, вот мундиры,
Буйный плащ да узкий фрак —
Здесь от пуль смертельных дыры,
Там следы идейных драк.

О, российские поэты,
Постигая свет и мглу,
Странно были вы одеты,
Словно «маски» на балу.

Но в житейском маскараде
Средь невидимых оков
Души кутали в тетради
От жестоких сквозняков...

И лишь только у преддверья
Нам неведомых границ
Вы свои роняли перья,
Словно перья диких птиц.

ИСКУССТВО ПОЛЁТА

Крылатые веса почти не имеют,
Витать в облаках им судьбой суждено,
Как детские сны, как воздушные змеи,
Науку полётов постигли давно.

Кружа над землёй невесомо, как звуки
Мелодии чистой, плывут к небесам...
Андрей, проходя ученичества муки,
Искусству летать каждый учится сам.

Мечты, как ветра предвесенние, реют,
И нет для них стен и закрытых дверей,
А образы снов в подсознании зреют,
Чтоб вырваться к свету. Я верю, Андрей!

Андрей, наши души крылаты, как птицы.
И пусть за спиной усмехается смерть,
Пусть чёрною завистью небо копитися,
Сквозь слёзы искрится хрустальная твердь.

Кто взвесит, Андрей, чашу счастья и горя?
Но, как тяжела б эта жизнь ни была,
Душа воспарит в беспредельном просторе,
По-ангельски вольно расправив крыла.

БЕДНЫЙ ЙОРИК

Небольшой дворцовый дворик
Веселей, чем тронный зал.
Здесь когда-то бедный Йорик
В прятки с Гамлетом играл.

Нерушима башен кладка,
Хоть истлел монархов род.
Бедный Йорик, ты загадка,
Хоть в ухмылке скалишь рот.

Бессловесный и безликий
(Роли черепу не дашь),,
Но в трагедии великой
Мой любимый персонаж.

Бедный Йорик, места нету
В списке действующих лиц.
Имя это не воспето.
Воспевать ли певчих птиц.

Пощажённый громкой славой
Тешил звоном бубенца
И истории кровавой,
К счастью, не узнал конца.

Самый вьедливый историк,
Роясь в рухляди могил,
Тут бессилен. Бедный Йорик...
Жил да был и был да сплыл.

Сколько вздохам и шагам лет
(Темень, в памяти провал)?
«Йорик, — плакал в детстве Гамлет,—
Йорик», — в губы целовал.

Из книги «Роза ветров»

ТАРУСА

Не развожу на колёсах турусы,
Это, увы, не моё ремесло.
В поле просторное возле Тарусы
Ветром попутным меня занесло.

Облако в небе потрогай руками,
Пальцы чуть-чуть холодит — чудеса!
Поле ржаное полно васильками —
Зацеловали его небеса.

Словно до Витебска я дошагала,
Режут глаза васильков острия.
Поле горит васильками Шагала,
Болью душа полыхает моя.

Звёзды, к зрачкам поднесённые близко,
Капли воды среди жажды пустынь...
Но нестерпима, как взор василиска,
Эта нездешняя чистая синь.

В поле проталины ультра-марина,
Вечной природы безжалостный взгляд.
Это о них обжигалась Марина,
Эти ожоги доныне болят.

Возле Тарусы могильные плиты,
Яркие жизни в размере строки.
С небом и полем, и речкой слиты,
Неистребимые, как васильки.

Пусть сорняки. Что же плачу над ними?
О, красоты животворный родник.
Не погасите огонь этот синий,
Поле земное ослепнет без них!

* * *

На Сатурне и Юпитере
Сплошь алмазные дожди.
А у нас — в Москве и Питере
Ливней майских пруд пруди.

Жизнь и трудная, и чудная,
То улыбка, то слеза.
С неба влага изумрудная
Промывает нам глаза.

ПРОСТРАНСТВО ИЩЕТ ФОРМУ или ПОЭТИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ Российской Академии художеств

«Выставочный проект творческая мастерская скульптуры» (2021 год) в Галерее Искусств Зураба Церетели

Эссе

*Кто в памятник войдёт,
Тот вырвется из тени.*

30-летие творческой мастерской — время зрелости, достижений и ярких ожиданий. Мастерская, созданная в 1991 году Народным художником РФ и действительным членом РАХ Владимиром Ефимовичем Цигалём (1917–2013), своим существованием подытожила значение скульптуры в изобразительном искусстве России XX века и протянула трамплин в будущее, не разрывая традицию академической системы образования («художественная школа — вуз — творческая мастерская РАХ»). В знак этой преемственности в 2012 году мастерской стал руководить представитель известной московской династии художников Народный художник РФ, академик Александр Владимирович Цигаль.

Цель данной юбилейной выставки показать или хотя бы приблизиться к той атмосфере — к внешней обстановке мастерской, которая оплодотворяет воображение скульптора и делает его труд реализованным и успешным в мире виртуальных переключек и компьютерных технологий. Так в пространстве двух залов Галереи Искусств — будто предварительный макет-подсказка для того вдумчивого посетителя, кто сам намерен стать ваятелем: вовремя услышать вдохновенное слово и соединить в своём умении надёжное ремесло и бесстрашие эксперимента. Может, потому и скульптура «Художник», созданная В. Е. Цигалём в 1948 году, только подтверждает очевидность этого предназначения. Так появляется собирательный образ учителя. Это и тяжёлая сумка через плечо, шляпа, повидавшая непогоду и палящее солнце, уютное пальто или рабочая штурмовка, сапоги-вездеходы... Но главное — чуть наклонившаяся от быстрого

движения фигура и взгляд целеустремлённого человека: ведь этот порыв знаком каждому, кто вступил на путь творчества.

ХУДОЖНИК — ЗАМЫСЕЛ — ВОПЛОЩЕНИЕ: СКУЛЬПТУРЫ И СКУЛЬПТОРА. Чёрно-белые фотографии Рауля Скрылёва, будто кадры немого кино, чередуются один за другим на большом экране, установленном на выставке. Их подбор непроизвольно включает подсознание и погружает в диалог, а неозвученное высказывание додумывает зритель:

*Рука к щеке, наклон балетный,
Рука навстречу — глаз огни...
Раздумий опыт многолетний
И кресло мастера в тени.*

*Всё многозначно вопрошает,
Приобретая формы вес,
И взгляд невольно продолжает
Переходящий в знаки жест.*

Фильм-притча! Действующие лица — все уже признанные художники: Александр Цигаль, Луиза Бабакулова, Тина Караханова, Михаил Дронов... — и, конечно, Александр Проваторов, с первых дней работы мастерской незаменимый помощник и заботливый наставник. Крупным планом проходит образный ряд портретных изображений, кажется, неуступающий по внутреннему настрою героям философской трилогии Тенгиза Абуладзе — самобытного классика грузинского кино. В чуткой тишине будто слышны подмеченные фотокамерой механические ручные часы, как намёк на время, равнодушно тикающие из года в год. И всё же — живёт, зеленея и увядая, природа в первоизданной мощи временного, которое повторяется в бесконечности...

*Мы видим то, что нам подвластно,
Запоминая навсегда.
Путь изнутри — в себя забраться:
Природа в нас заземлена!*

Натурщица, как форма телесная — скульптура «Богатство» Ильи Коротченко 2020 год) — символизирует модель плодородия для рождения новых произведений скульптора. Это почва, Мать-земля... И напротив входной двери на выставку, как пробный камень, стоит эта обнажённая женская натура, эпатирующая зрителя своим развитым молодым телом и ждущая преобразования, ведь роскошь

плоти ещё не прошла одухотворённую лепку влюблённости (чистый реализм!) ...

А если охватит страсть, то и миф («Похищение Европы» Александра Иулиановича Рукавишникова) раззадорит ремесло до непредсказуемого результата, и Европа покажется скульптору деревенской девицей, от безысходной усталости обнимающей бронзового быка. О, нет! Хочу предупредить, что интерпретация далеко может завести не только поэтов, а волшебная пластичность Рукавишникова переворачивает сюжет и делает Зевса покорным домашним животным.

*Бык на земле быком остался,
А в море бык — всесильный Зевс...
Кто в красноречье с ним тягался —
Как бог, погиб и вдруг воскрес.*

*Так и Европа силы ищет,
Чтоб сохранить удел красот:
Кто подпускает Зевса ближе —
Бесплатных милостей не ждёт.*

*Что поцелуй? — Здесь правит Эрос,
А Купидон сломал стрелу...
Когда двоим любить хотелось —
Не избежать страстей игру.*

*И одалиской в женской сути
Европа села на быка,
И вольных мышцы тугие прутья
Сошлись в звериные бега:*

*То от людей! — Богам обидно...
Европа едет, Зевс плывёт!
Венере так любить завидно —
Для чар земных и миф не в счёт!*

Отголоски мифа близки фольклорному быту, и народный уклад един с природой чистым покоем и юношеской беззаботностью, когда слово Родина не нуждается ещё в доказательстве и защите:

*Лошадки разбрелись —
Блестят на солнце гривы.
Какая нынче жизнь
Их кружит у обрыва?*

*Под ветерком свежо! —
Покой ласкает сердце...
Лошадкам хорошо
На солнышке погреться:*

*Копытами звенят,
Бугор перебегая,
Боками шевелят,
От зноя затихая...*

*Табун на отдых встал
И гривами мотает,
А молодец устал —
На травке отдыхает.*

*Кто любит лошадей —
Земной красе привержен:
Как верный берендей
К природе зряч и нежен.*

Так на первый взгляд миниатюрная композиция в бронзе Михаила Владимировича Переяславца «Автопортрет с табуном» 19825 года живёт своей жизнью, не замечая окружающие монументы и выразительные тени...

Богатейший фотоархив, развешанный на стене, опять возвращает в залы живое присутствие художников. В качественных отпечатках (альбомный вариант) сочетаются торжественные открытия выставок и трогательные фрагменты дружеских встреч. По соседству — будто в преддверии студенческих просмотров — выставлены наброски хрупкой женской модели, выполненные Евгенией Дубровиной, а подготовительные рисунки, офорты Владислава Мишова, его «Вещие птицы» и «Архангелы», мирно расстаются с графическим языком, застывая в шамоте и обретая скульптурную форму. Так и скульптура «Ангел» становится моим стихотворением:

*Что зашифровано в ткани? —
В глиняном панцире спит?
Что-то колышет крылами —
Волны дыханьем родит.*

*Будто хитон проявился
В складках нетронутых скал,
Ангел в плечах распрямился,
Пряча под тканью овал.*

*Двигая трели живые,
Миг триединства возник:
Ангела тени тройные,
Скульптором пойманный лик...*

Так и гипсовые заготовки Алексея Дмитриева только подтверждают свободу импровизации, даже и не имеющей конкретного названия:

*Чувство движется к форме,
Как зародыш к ростку,
Будто в знобкой истоме
Дух зовёт сквозь тоску.*

*Берег слит с побережьем,
Плоть скорбит во плоти...
Глубь тоскует о внешнем —
Суть не дремлет в пути.*

И, наверное, случайность прогулки — не прихоть, а божественный случай: малая деталь и крохотная форма — тоже осколки величия Бытия, а быстрый миг — искра солнечного света. Скульптура «Спичка» Сергея Серёжина невероятна по отточенности мысли и элегантности исполнения:

*На гребне лицо исчезает
В чернеющей саже волос —
Гигантская спичка сгорает,
А тень обретает вопрос...*

*Но скульптор железную форму
Придумал для притчи огня:
Оставил секунды объёму —
Движенью доверил себя.*

*Мы — счастье, как Бога творенье,
И всё остальное — не в счёт!
Как спичка, сгорает мгновенье,
А образ в пространстве живёт...*

Однако не только уникальность экспозиции — не только близкий со школьной скамьи быт художника наваял дорогие воспоминания... Ещё одна тема озвучилась в голове! Это связь и раз-

рыв — ушедшее и грядущее, ускользающее и материализованное: тема связи произведений между собой, а конкретно — СОЕДИНЕНИЕ СКУЛЬПТУРЫ И ЕЁ ТЕНИ, возникающей на стене... О чём они говорят? О хрупкости жизни человеческой? — её предтече или бесконечном продолжении? И действительно: кто готов к Благодати — растворён в своём ожидании, а скульптура «Рыбак» Александра Проваторова лаконичной формой перекликается с народной игрушкой — граничит с бесхитростной прямоотой афоризма и мудрой простотой эпоса:

*Что поманит рыбкой? —
Шевельнёт хвостом?
Вдруг в отраде зыбкой
Утоляет сном?*

*Рыбаку рыбалка —
Тайная игра:
Посидеть не жалко
В лодке до утра.*

*Он как будто дремлет
Над большой водой,
Чистый лоб колеблет
Обруч золотой.*

*Как в тепле древесном
Человеку плыть? —
В море заповедном
Рыбку изловить?*

*Что в раздолье синем
Прячется порой?
Что в далёкой тине
Двигается, как рой?*

*Если зреет дума,
Если долго ждать —
Из морского шума
Глянет Благодать.*

*Парус встанет гибко
Крепким плавником —
Затоскует рыбка
Вместе с рыбаком.*

*И, огнём играя,
Как свеча в доме —
Рыбка золотая
Подплывёт к нему.*

Но Ангел не покинет верующего, ведь без воли Божией и удачу не поймать, и рыбку не выловить. Будто для труженика-рыбака появился бронзовый «Ангел» Захара Карамяна (2000 год) с чёткой тенью, повторяющей скульптуру: для него —

*Ангел Италии нежной
На белоснежной стене.
То, что задумано прежде,
Не уплывёт в тишине...*

СКУЛЬПТОР — ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ЗРИТЕЛЬ... Цепь, минуя остановку, ждёт продления. И воистину:

*Безнаказан способ
Чувством говорить! —
Как ответ с вопросом
Вдруг соединить?..*

Цикл Натальи Опиок «Великие имена России» (2019 год) выходит на рубеж творческого итога, синтезирует выразительные средства пластики, демонстрируя многостилевое разнообразие современного искусства. Эклектика тактично подчёркивает декоративные возможности композиции, где мольберт и подрамник так же участвуют в работе, как и локальные цвета, а супрематические ассоциации сочетаются с ювелирно отточенной деталью. Образ можно спрятать под театральную маску! И, конечно, сталь, глазурь и акрил, обретая качество исполнения, поэтизируются оригинальным замыслом скульптора:

*Зачем прозренья крутит судьбы? —
Зачем в желаньях разум смел?
О чём кричат в ночи сквозь зубы,
Переживая беспредел?
Кто онемел — в плену таился,
Неволю выдержать сумел:
Как гром в грозу вдруг разразился —
Исторгнул звук и вновь запел!*

П. И. Чайковский, А. П. Чехов, С. М. Эйзенштейн... Знаковые, масштабные имена выбрала Наталья Опиок... А рядом — гипсовые заготовки, подставки, ванна с проволокой, остатки гипса в разорванных упаковках, книги, учебные пособия — МАС-ТЕРСКА-Я... И будто убегающая по ступенькам фигура обнажённого человека («Свобода» Гранта Гарибяна) выражает то лёгкое дыхание совершенства, которое заставляет взмывать по невидимой лестнице, не пугаясь неведомой дороги. Так неутомимый «Одиссей» Захара Карамяна тоже всегда в странствии, так как ищущей душе нужны преграды и преодоления. Так же и застывший с жестом рукопожатия «Александр Грин» (авторская скульптура Александра Владимировича Цигаля) словно и забыл, где и на какой берег его выбросила волна. Такой задумчивый и робкий — пленник своей мечты. Даже бронза и камень не мешают его невесомости, а жемчужное светлое покрытие скульптуры снисходительно намекает на романтичность его натуры. Поодаль — Александр Сергеевич Пушкин, шагающий в необозримом космосе — наш Пушкин из скульптурной композиции «Возвращение» Игоря Павловича Пономарёва. Книги, перо, листки бумаги... Михайловское для него всегда будет той точкой опоры, какая необходима поэту, чтобы совершить своё путешествие, не ограниченное временем жизни.

ПАМЯТНИКИ СТОЯТ — МЫСЛИ ДВИЖУТСЯ... И благословляющий «Павел Флоренский» Захара Карамяна — словно очеловеченная амфора — грезит об иных мирах. А фонарь в руке Диогена, отлитого в бронзе и вылепленного Игорем Яворским, теперь зажигается свечой XXI века.

ЛЮДИ СПЕШАТ, ТЕНИ СЛЕДУЮТ... Квадраты пола, своды, лестницы, переходы — всё требует движения, подъёма по многочисленным ступенькам! Свет от ламп, отбрасывая тени по стенам, играет белым блеском потолка. У самого входа на выставку, словно кусок красного дерева, на постаменте лежит тонированный обломок из гипса. Это произведение — «Материя» Фатимы Карахановой: та стихия, заключённая в малый объём, которую берёт в руки скульптор.

ЗРИТЕЛЬ, СКУЛЬПТУРА и ТЕНЬ... В треугольнике смыслов каждая данность на своём месте. Зритель пребывает в саду скульптур, зритель (повод для лепки!) — тоже будущая скульптура, ожившая для озвучивания летающих в гулком пространстве слов. За картиной, графическим листом, не возникает тень и её порывистое движение — тишина не нарушена! Но выставка скульптуры живительна вдвойне и обречена на поэзию! Что рождается в пространстве, когда изваяние мастера живёт уже своей жизнью? Изображение выходит за рамки метафоры: вольное, несущее определённое звучание — во-

площение будто призывает менять ракурс мысли и видеть произведение с разных сторон, а в результате всё же понять ту неизяснимую тайну, которую скульптор осознал, но не досказал до конца, приглашая к диалогу и ощущая КОЛЕБАНИЕ ТЕНЕЙ И ПРОДЛЕНИЕ СВЕТА.

Неповторимость впечатлений и связь событий объяснить нельзя! Высказаться так, как требует интуиция — можно! Так и Николай Степанович Гумилёв, даже спустя сто лет до конца не прочитанный и не разгаданный поэт Серебряного века, по представлению Александра Владимировича Цигаля (автора скульптуры), конечно, является хранителем поэтических и политических тайн:

*Как побороться с тенью —
Войти в скульптурный плен?
Какому пробуждёнью
Не знать границ и стен?*

*Иль первенство поэта
Чтит офицерский чин? —
Иль творчества комета
С космических глубин*

*Незримо и безгласно
Летит к живой душе,
Но музыка опасна
В гражданском мятеже...*

*Её родные струны
Печатью жгут чело:
Поэт — навеки юный —
Минует страха зло.*

*Осанки гордый почерк —
Безвременья стена,
Открытый вызов строчек,
Фуражка, ордена...*

*Для шага рокового
Тропиночка узка:
За словом Гумилёва
Весь век следит ЧК.
Тень по стене проходит —*

*Сгущаясь, вновь грозит...
А воин — при народе —
С потомком говорит!*

А ЕСЛИ ВОЗНИКЛО СЛОВО, то увиденное стало своим — есть о чём подумать, ТО случилось ИСКУССТВО... Ведь как до конца не раскрыт человек, так таинственно и творчество, за которым стоит Творец!

*ПОЭЗИЯ ЗРИМА В СКУЛЬПТУРЕ —
В ней собрана пластика дум,
Как будто в стремительной буре
Затих угрожающий шум.*

*Сошлись и объём, и рисунок:
Протест, что молчаньем суров.
Иль будто робеет рассудок
Пред явью озвученных слов?*

Может, и ожидание чудесного почти равноценно явлению чуда:

*Какой покой! Восток и запад...
На море парус мирно спит.
— Апостол Пётр! Рыбы запах
Морским дыханьем к нам летит.*

*Мы по искусству жажду чуем —
О тишине во сне кричим!
Как рыбаки, глядим сквозь струи
И, как художники, творим.*

*А рыбка солнышком пылает,
И парус движется в пути —
И облаков седая стая
Готовит бури и дожди...*

Но «Художник» (скульптура В. Е. Цигалья), кажется, по-прежнему думает о новых этюдах и зарисовках. На белой стене зала туман тени рассеивается в холодный рассвет! — Идти, во что бы то ни стало — вперёд!

И каждый автор (ваятель своего времени!) через своё произведение говорит со зрителем: говорит — то обращаясь к рыбаку, подразумевая и Апостола Петра, — то к известным поэтам, писателям,

мифологическим героям, своим современникам или к привычным предметам нашего быта... И скульпторы, нарушая безмолвие, тоже призывают лепить, сострадать — воплотить своё чувство и озвучить своё Слово.

Скульптурную композицию «Медсестра» Владимира Ефимовича Цигалья, созданную в 1974 году, я считаю ключевым символом выставки. Ведь значение труда художника погранично, как ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ И СЛУЖЕНИЕ СВОЕМУ ДАРУ. Разве можно по-другому оценивать жизнь и призвание? Разве Художник Владимир Ефимович Цигаль — своей почти вековой жизнью — не является памятником ветеранам России, прошедшим самую страшную и жестокую мировую войну, развязанную фашизмом:

*Забывать слово «или»
На стыке вечных драм:
Война из каждой были
Стреляет по сердцам.*

*Нет выбора для чести,
Для милосердия — нет!
Кто в смертный час на месте —
Поднял над миром Крест.*

*Так врачеванья клятва —
Для подвига стезя,
О так душа распята,
Коль отступить нельзя.*

*Кто раненых не выдаст,
Как мать, дитя своё —
Тот из бесстрашья вырос
В святое Бытиё.*

*Сестричка вдруг застыла,
Приняв последний бой,
И жизни сохранила —
Пожертвовав собой.*

*Всё зримо — от природы:
Кто видел — встал с одра!
Поэзия скульптуры —
В бою, как медсестра!*

Какой поворот делает судьба, то и происходит в жизни художни-

ка — становится его сутью и голосом! Человек, как призрак, исчезает в мире... Может, мы и есть призраки, пока не нашли свою форму — пока не слепили свою мысль — идею, излучающую пространство? Иначе, как ещё в юности почувствовала Марина Цветаева, промелькнув «Только тени»?..

А тени ложатся на тени и воздух витает кругом: ТЕНИ ГОВОРЯТ — СВЕТ ДЕЙСТВУЕТ... Сопоставление объёма и плоскости, созданного произведения и дремлющего в тени силуэта, завораживает вопрошающим звуком в перезвоне времён. Эхо откликающихся теней то приближается, то растворяется во времени, а прямая речь скульптур усиливается до крика, до обострённого требования истины.

*Пространство ждёт скульптуры,
Поэзия — объём,
Ваянье от натуры
Преображенье форм!*

ДУША ОПОРУ ИЩЕТ, ЧТОБ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ПОТОКА И ВЫГЛЯНУТЬ ИЗ ТЕНИ.

Без этой внутренней энергии нет окружающего пространства с его гармонией и противостоянием, как нет реального без сущего, настоящего без прошлого — нет и подлинной скульптуры без явленной пластической идеи:

*Кто вновь за искусство боролся —
Тот форму для чувства нашёл:
Художник по залам прошёлся
И будто сквозь стены ушёл.
А путь продолжают легенды,
А время сквозь пальцы течёт —
И сердце стучится сквозь стены,
И голос сквозь форму поёт...
14 октября 2021 года*

Родился в Москве 16 июня 1959 г. Работает в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза Театральных Деятелей РФ. Почетный работник культуры г. Москвы. Является членом Союза писателей XXI века и секции поэзии Московского союза литераторов. Публикации в литературных журналах и альманахах: «Эрфольг», «Новая литература», «Зарубежные задворки», «Южное Сияние», «Поэтоград», «Зинзивер», «Новые Витражи», «Русский Глобус» и др.

Лауреат Большой Международной Литературной Премии «Серебряный стрелец» (2011 г.), национальной литературной премии «Поэт года» (2016 г.), VII Международной поэтической премии «Образ» (2019 г.). Автор сборников стихотворений «Слово» – 2008 г., «Начало» – 2015 г., «Повторенье пройденного» – 2018 г., «Говори со мной» – 2019 г., «Только стихи» – 2021 г.

ВДОХНОВЕНИЕ

В начале было слово...
 Впрочем, нет.
 Ещё до слова музыка звучала.
 Неведомо откуда лился свет —
 вот он-то и предшествовал началу.
 В начале было слово...
 Нет, не так.
 Невидимый смычок
 заветных струн касался.
 Я шёл и слушал их, и каждый шаг
 во мне неясным эхом отзывался.
 И острый луч, пробившийся едва
 сквозь облака, карабкался по стенам.
 И было слышно, как растёт трава,
 шумит листва, и кровь стучит по венам.

И только после было слово. А за ним
второе, третье... и сплошным потоком
плыла мелодия над миром, и другим
вдруг становился мир. Идя к истокам
сливались звуки в целое, в одно,
перевернув сознание за мгновенье...
Вот так вот и рождается оно,
всё то, что называют вдохновеньем.

* * *

Услышать сквозь щемящий ветра свист,
как падает на землю жёлтый лист,
как дождь стучит по клавишам негромким
древесных крон, и музыка дождя,
соединив в себе все эти до и ля,
звучит в ветвях отзывчивых и ломких.
Увидеть, сидя в комнатном тепле,
как оставляет влага на стекле
прикрытого окна следы отметин
небесных струй, скользящих под углом;
как зыбкий мир за стынущим стеклом
уже почти невидим, незаметен.
Почувствовать внезапно, что и ты —
посильный отзвук этой темноты.

БОГИ

Боги тоже стареют и умирают.
Их голоса слабеют,
становятся глуше и постепенно
умолкают совсем.
Они уходят,
оставляя нас в безверии
и одиночестве.

Так в земной коре возникают каверны,
на дне при отливе открываются взору пустоты,
и в космосе образуются чёрные дыры.

ГОРЕ

Сидя в плетёном кресле,
за временем не следить.
Можно представить, если
крепко глаза закрыть,
здесь, среди вечного лета,
словно бы наяву,
где-то, за краем света,
предпраздничную Москву.

Можно увидеть украдкой,
будто бы вон, вдали:
пряничные палатки,
Старый Арбат, Фили.
Улочки в снежной истоме
торжественны и тихи.
Меня в нашем старом доме,
пишущего стихи.

Вот оказаться где бы...
Очнёшься, глаза открыв:
над головою небо,
а под ногой прилив.
До горизонта море.
Такое житьё-бытьё.
Горе моё, ты горе.
Луковое моё.

* * *

Стихи — не заданные числа,
не логарифмы.
Скользи, поэт, по кромке смысла
от рифмы к рифме.

О дерзновенном, о невозможном
решай задачу.
Умей увидеть простое в сложном.
А как иначе?

Работай сердце, струной упругой
звени, покуда
минуты споро бегут по кругу
и длится чудо.

Когда дарован высокий жребий,
и нет предела
земле и небу, любви и вере.
Такое дело.

* * *

Со временем бывшая пустота
наполнится вдруг воздухом, дыханьем,
прикосновеньем рук, сердцебиеньем,
и новой дивной музыкой. А та
в себя впитает шорох и цветенье
травы, деревьев, птичий щебет, цвет
закатных облаков. И будут слух и зренье.
И будет свет.

ЛЁТЧИК

Стрелой пернатой, камнем из пращи
взмываю ввысь — ищи меня, свищи!
В порыве вдохновения, в азарте
я поднимаюсь выше облаков.
Ещё, казалось, здесь, как был таков —
уже лишь точка на планшетной карте.

Я невесом и лёгок, словно пух.
От скорости захватывает дух.
Здесь дальше горизонт и ярче звёзды.
Крылом поймав воздушную струю,
я ей дышу и пьяный ветер пью,
винтом железным вспарывая воздух.

Смотри за мной внимательней, дружок.
Я совершаю затяжной прыжок
с земли до неба. В голубом атласе
небесных сфер летит мой самолёт,
как птица, кувыркается и вот
ныряет вниз и выпускает шасси.

* * *

Постепенно забываю всё, чему учили.
Становлюсь мудрее.

Рисунок Светланы Ринго

Родилась в 1960-м году в г. Барнауле Алтайского края. Окончила Московский государственный историко-архивный институт (сейчас РГГУ).

Автор нескольких книг стихов и прозы, среди них такие известные, как стихотворный сборник «Кофейная девушка» и книга воспоминаний о жизни с поэтом Юрием Влодовым «Халупа». За «Халупу» получила диплом премии «Нонконформизм –2016» от Независимой газеты и диплом премии Союза писателей 21 века. Лонг лист премии «Золотой Дельвиг» («Литературная газета») за книгу прозы «Новая божественная комедия» (2014 г).

Вдова известного поэта-диссидента Юрия Влодова (1932–2009).

Член Московского Союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Интернационального Союза писателей. Заместитель главного редактора литературного альманаха «Истоки».

КАРКУШИ

Летние сюжеты

Каркуши

Лежали с Ритой на пляже, расположились под кустом неподалёку от небольшой рощицы.

Я легла загорать, Рита стала исследовать мир. В кусте защebetали воробы.

— Бабушка, кто это? — заинтересовалась Рита. За прошедшую зиму она позабыла о существовании этих птиц.

— Воробы.

— А, воробы, понятно.

Вдруг в рощице закаркала ворона: кар! кар!

— Бабушка, а это кто?

— Ворона.

— А что она делает?

— Каркает.

— А, каркает...

— Кар-кар! — закричала опять ворона, хлопоча о своём.
— Кар-кар! — ответила ей Рита.
— Кар-р! Кар-р! Кар-р! — захохотала в ответ ворона, найдя себе достойную собеседницу.
— Кар! Кар! Кар! — радостно заверещала Рита.
— Кар! Кар! Кар! — столь же радостно отвечала ей ворона.
Так они какое-то время переговаривались.
Вдруг ворона сменила своё оглушительное карканье на приглушённое воркование, больше похожее на любовный лепет.
— Чтой-то она? — всполошилась Рита.
— Наверное, с воронятами разговаривает, — предположила я.
— А-а, с воронятами... — ревниво протянула Рита.
Ей видно было неприятно, что ворона предпочла общение с ней общению со своими птенцами. Но что тут можно сделать? Свои воронята дороже чужих дитят. Так и закончили своё общение две каркуши.

Осы в норке

Сидели с Ритой, внучкой, на пляже, но не у самой воды, а на некотором отдалении от берега, там, где небольшой припляжный сквер, где деревья, кусты, трава. Расположились под раскидистым деревом, чтобы Рите не напекло. Я легла на коврик, Рита занялась своими делами, полежали какое-то время.

Вдруг я заметила, что около нас кружится оса. На нас она не нападала, кружила в некотором отдалении, поэтому я перестала обращать на неё внимания, тем более, что она в итоге куда-то пропала.

Через некоторое время я опять заметила летающую осу. От нечего делать я стала наблюдать за ней. Покружив немного, она приземлилась в траву и куда-то исчезала. Интересно, куда?

Через некоторое время появилась еще одна оса, она также спланировала в траву и тоже пропала.

Я решила посмотреть, что там за дела, куда деваются осы. Подошла поближе и увидела в земле небольшую норку, шириной в палец. Вот туда, похоже, они и залетали.

Тут появилась ещё одна оса, она уверенно проследовала к этому лазу и пропала в недрах. За ней в норку влетела ещё одна, потом ещё. Некоторые осы стали, наоборот, вылетать из норки наружу. Образовался такой вот своеобразный осиный круговорот.

Меня это, честно говоря, удивило. Никогда не думала, что осы могут устроить себе гнездо в земле. На деревьях, в дуплах, под крышами домов, под окнами, понятное дело, короче, где-нибудь на высоте. Но вот так, даже не на земле, а в земле... Даже не знаю.

Никогда не видела. Хотя именно в земле и надежнее всего делать гнездо, никто не увидит, не разорит.

29.07.2014

Могучая кучка

Лежу на нашем пляже около деревьев. Мой взгляд падает на ближайший куст. Куст вроде как куст, но что-то в нем показалось мне не так. Что же? Присмотрелась. Оказывается, это был какой-то сборный куст, он состоял из разных пород деревьев. В одной связке в нём росли рябина, клён, ясень и ольха. Наверное, тот, кто когда-то сажал эти деревья, (а по всей видимости, их именно посадили, не сами они так вот выросли), засунул все эти, маленькие тогда ещё прутики в одну общую ямку. А в итоге, через некоторое количество лет выросло вот такое удивительное семейство. Живут все в общем доме, общим большим кустом, и похоже ничуть друг другу не мешают, хоть они и разные. Каждому деревцу хватает и земли, и солнца, и влаги, и тепла, и воздуха. А такой могучей кучкой всё интересней стоять, чем по отдельности-то.

30.07.2014

Что едят птицы?

Я везла Риту в коляске по дорожке по нашему приозёрному скверу. Неподальёку, под массивными клёнами бродили какие-то маленькие серые птички и искали себе пропитание. Они ловко перерывали лапами и клювами старую перегнившую листву, периодически вытаскивая оттуда червей и заглатывая их.

— Смотри, — говорю я Рите, — птички.

— А что они делают, бабушка? — спрашивает Рита.

— Ищут еду, — отвечаю я.

— А что они едят? — интересуется Рита.

— Э-э... — говорю я, не зная, как бы поделикатнее объяснить ребёнку, что же такое едят птицы.

— Ну, червей, — в конце концов смущенно говорю я, так и найдя более подходящего объяснения.

— Червей? — удивляется Рита. — Как это?.. Бе-е... Гадость! — говорит она с отвращением.

Я не знала, что и сказать. А что тут скажешь?

Рита и не предполагала, что такие красивые создания — птички, которых она видит каждый день по телевизору, могут есть червей. Это стало для неё открытием. Для меня, кстати, тоже. Я как

то не задумывалась над подобным вопросом, над тем, что птицы, эти небесные, в общем-то, создания, питаются ещё и насекомыми, да порой и самыми мерзкими созданиями — червями. И ничего — живут! Да к тому же ещё и летают, и помимо всего прочего поют! Такова жизнь!

29.07.2014.

Непредвзятый взгляд

Гуляем с Ритой по скверу около озера. Вдалеке бродит ворона.

— Какая красивая птичка! — говорит Рита. — Кто это?

— Ворона, — смущённо отвечаю я.

Да, получается, красота понятие относительное. И ведь устами младенца глаголет истина, как говорится.

17.07.2014

Пахнет духами

Середина июля, жарко, солнечно, раннее утро. Окно было раскрыто всю ночь — на пруд, на зелёную зону вокруг.

Рита проснулась раньше меня, слезла с кровати и сидит на ковре. Будит меня.

— Бабушка, бабушка! А что так духами пахнет?

Я открываю глаза, просыпаюсь потихоньку. Ничего не пойму: какими духами? Я ещё не вставала, не умывалась, ничего не делала пока, откуда здесь могут быть духи?

Рита зовет опять:

— Бабушка, ну откуда духи?

Встаю с кровати, выглядываю в холл, может быть, соседи прошлись по коридору и оставили запах, иногда так бывает, и он проникает после этого в квартиру. Нет, никакого запаха духов я там не улавливаю. Но тогда какой запах Рита имеет в виду? Нюхаю всё вокруг, но никакого парфюма унюхать не могу. И только из раскрытого окна идет свежий запах июльских цветов и трав. Наконец, понимаю, в чём дело. Запах июльского разнотравья Рита принимает за духи! Ничего себе! А откуда ей знать, как пахнет лето?

Как прогнать голубей

Собираюсь выскочить в ближайший магазин за едой, Риту хочу оставить на это время одну. Она в принципе не боится оставаться, большая уже, 9 лет ей, но просит закрыть окна на лоджии, так как боится голубей, которые частенько ходят там по металлическому

откосу и иногда даже влетают внутрь лоджии. Впрочем, это может случиться только утром, днём же они куда-то улетают по своим делам. Но Рита всё равно боится, что они влетят, её ведь не убедишь.

Как ни странно, я тоже боюсь залёта голубей, но по другой причине: по народным поверьям это считается плохой приметой. Но в одной из книг я прочитала, что если сказать при этом обережные слова: «Как влетел, так и вылетел», то ничего плохого не случится.

Окна мне закрывать не хочется, поскольку я точно уверена, что никакие голуби днём не появятся, а если закрыть в такую жару, то будет очень душно. Поэтому я наставляю Риту: «Вот если влетит сюда голубь, ты скажи: как влетел, так и вылетел! Как влетел, так и вылетел! Поняла?»

Рита кивает. Но я для надёжности спрашиваю:

— Повтори, что надо сказать, если голубь влетит?

Рита молчит.

— Как влетел, так и вылетел! — назидательно повторяю я.

— А может просто — кыш? — говорит Рита.

2014

ГОРЛОВСКАЯ МАДОННА

Через поле, через лес
Прилетела смерть с небес,
И игриво, и шутя,
Отбирать твоё дитя.
Принесла горячий свет,
Мир, в котором шуток нет.
Даль, в которой ночь и тьма,
А вокруг дома, дома,—
Без дверей и без окон,
И стекольный слышен звон.
Он, как гром колоколов,
Есть в нём звук, но нет в нём слов.
Есть в нём вера, нет в нём слёз,
От того спешит мороз
Льдом и холодом сковать
Женщину, мадонну, мать,
Три судьбы в одной груди.
Жизнь, постой, не уходи
Из печальных глаз мадонны.
Ночь темна. Слова бездонны...
Через поле, через лес
Прилетела смерть с небес,
Не игриво, не шутя,
Отбирать твоё дитя.

03.03.2022. в 11.00 утра.

ПРОЩЕНИЕ

В аптечке капли и таблетки,
Но от любви излечит Бог,
Качнувшуюся табуретку
Даст силы выбить из-под ног.
И он простит за смелость эту,
Марину он простил уже.
Он из-под ног моих планету
Сам выбивал на вираже.

САЛОМЕЯ

От вражды до лютой дружбы
И от дружбы до вражды
Ветер пыль и листья кружит,
Зарываясь в рябь воды.

И уносит Саломею
Из пролога в эпилог
Через сад, через аллею,
Через тьму ночных дорог.

Я с тобой, моя беглянка,
До конца, до рубежа...
Чёрной улочки изнанка,
Блеск разбойничий ножа.

Смотрят звезды сквозь ресницы,
Сквозь размытый мрак в ночи
Как ползут по черепице
К сердцу ржавые лучи.

Утром всплеск протуберанца,
Разойдутся ночи швы,
Даль закружит в вихре танца,
Прячься в зелени листвы.

Бросит под ноги пол мира,
Переулков шум и гам,
Этот клад в грязи трактира
За глоток вина отдам.

И увидит свет Креститель,
И сойдет с креста Иисус.
Злые духи, погодите
Грызть тоску и вешать груз.

У надорванной аорты
Время съёжилось в груди...
Страх, бросай в могилу мёртвых,
А живых в кабак веди.

УСТАЛЫЙ МЕСЯЦ

За мной спешит усталый месяц,
Подпрыгивая на ухабах.
Я еду. Черти в сердце месяц
Тоску библейского масштаба.

Корявый тополь машет веткой,
Созвездия огнями дразнят.
Как бунтаря в железной клетке,
Везу я душу к месту казни.

Прозрачным тонким покрывалом
Запеленала даль дорогу.
И вглубь меня глядят устало
Глаза, повёрнутые к Богу.

ВЗГЛЯД ПЕЧАЛИ

Плащ и шляпа сброшены на стуле,
А часы настенные, как знать,
Для того, быть может, и уснули,
Чтобы ночь по крохам не считать.

И, сочась сквозь выцветшие шторы,
Растянулся месяц на стене.
Взгляд печали с царственным укором
О земном рассказывает мне.

В чёрном небе яркая комета
Пролетела вестницею бед.
Я давно ждал вестницу, но эта
На душе кровавый тянет след.

В ДРЕМОТНОМ

В дремотном шёпote листвы
Отбрасывает блики месяц.
И всадником без головы
Летит любовь. И счастье весит
Не больше трёх глотков вины
Глупца, живущего обманом...
Ночь. Одиночество луны.
Мир пахнет ветром и шафраном.

Висит над городом звезда,
В снах бесшабашных бродит лето...
И вкус запретного плода,
Как вкус счастливого билета.

ДЕМОНЫ ОШИБОК

Меня планы на ходу,
Век отряхну от нафталина.
С ним постоянно не в ладу
Души вторая половина.

Ей повторяют по ночам
Шальные демоны ошибок,
Что с двух сторон горит свеча,
И божий свет тягуч и липок.

Ночь катится ко всем чертям,
Со мною поменявшись ролью,
И по рукам, и по ногам
Запеленав дыханье болью.

ВОРОВСКАЯ КОРОЛЕВА

Весну толкает пьяный март
В объятия земной потери.
И я, как школьник из-за парт,
Безумью переулков верю,

Где, бросив уличных воров,
Их воровская королева
Идёт колодцами дворов,
Собрав весну из пазлов гнева.

Её со мной попутал бес,
Вложив слова в усталость ночи,
А день, он, как маньяк, исчез,
Он в подворотне ножик точит.

И боль крадётся по пятам,
Меня тайный смысл сюжета,
Не дав на беглый поезд нам
Купить счастливых два билета.

ТЁМНЫЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Леонид Володарский

ИГРИЩА ВСЕМИРНОГО НЕРОНА

Таланты и поклонники

Однажды великий автор «Сатирикона» Петроний, прозванный за своё умение разрешать любые споры Арбитром, заметил Нерону: «А всё-таки настоящего пожара у тебя не получилось!» Речь шла об очередной пьесе римского императора, где по ходу дела возник пожар. На сей раз Арбитр «не удержал» равновесие! Нерон готов был простить замечания в свой адрес, если они касались чистой политики, но что до вопросов искусства... Он, считавший себя выше Гомера, и вдруг услышал такое! «Ладно, ты увидишь настоящий пожар!» — ответил император. А через некоторое время грандиозный пожар едва не погубил весь Рим. И Нерон, любясь на страшное зрелище с высокой башни, сказал Петронию: «Разве тот пожар, что был в моей пьесе, хуже этого? Я ведь актёр, я не мог не доказать тебе свою правоту!» Император поджёг свою столицу, потому что давно рассматривал весь мир, во всяком случае, ему подвластный, как сцену. Сцену для игрищ! После на этой сцене горели распятые на крестах христиане, а Нерон со своими приближенными метался между живыми факелами на золотой колеснице и сладострастно слушал, как шипели от огня обнаженные девичьи груди.

А через две тысячи лет после римского властителя блистательный русский писатель и не менее блистательный террорист Борис Савинков заметил: «Морали нет, есть только красота».

Он тоже любил играть в «нероновы игры», и сам пал от руки таких любителей. Потому что его сбросили в пролет лестничной клетки большевики, любившие петь: «Мы раздуваем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей!»

Неплохо проявил себя на этом поприще и ефрейтор Адольф Гитлер, ставший фюрером своего народа. Его вклад в дело бессмертного Нерона — прежде всего пылающий рейхстаг. А потом уж и печи крематориев в концлагерях. Тут он, пожалуй, заткнул за пояс римского владыку.

Двадцатый век явил таких актёров и на Востоке. Например, в Кампучии. Там Пол Пот и его команда убивали «лишних людей» мотыгами, чтобы не тратить пули. Убивали по единственной причине: в «счастливом» новом обществе число жителей коммун строго

регламентировалось. А направлял Пол Пота китаец Мао, сотворивший в собственной стране «Великую культурную революцию», выражавшуюся в истреблении культуры и памятников архитектуры. Ему Нерон был не указ! Он считал, что «ветер с Востока победит ветер с Запада», а потому восточному человеку учиться у западных «варваров» нечему. И всё же он тоже был учеником Нерона.

Любопытнее всего то, что у всех этих людей, которых кто-то очень метко назвал «творцами катастроф», были поклонники. Они шли за ними, как замороженные, создавая тем самым зловещую цивилизацию экстремалов-разрушителей. И главным признаком такой цивилизации, где бы она ни появлялась, была её неуёмная жажда разрушения! Люди этой цивилизации, поклонники талантов Великих Разрушителей, тоже заражались духом уничтожения всего и вся. Им нравились «игрища Нерона». Хотя никто из поклонников не был гарантирован от того, что сам не заменит на сцене театра Безумия кого-то из статистов.

И если проявления этой цивилизации до двадцатого века носили характер «островной», выплывая то тут, то там, то с 1917 года началось формирование материка, во главе цивилизации которого встал некий собирательный образ, «Всемирный Нерон», выбирающий для себя разные имена. В зависимости от места и времени действия. Всё вполне по законам театра.

Последнее из известных имён «Всемирного Нерона» — это Бен Ладен. Он не только не дал погибнуть страшному матерiku, но и вдохнул в него новую жизнь в нашем, двадцать первом веке.

Отделяя зёрна от плевел

Но не будем торопиться с портретом кандидата в «сокрушители планеты». Сначала попробуем разобраться в очень тонком вопросе: кого же в истории считать борцом за действительную справедливость, а кого игроком в «нероновы игры»?

И если говорить о «зёрнах», то нужно отдать должное светлым образам таких людей, как Томас Мор или Томазо Кампанелла. Первый написал свою «Утопию». Он видел в ней справедливое социальное общество, где все равны. И не его вина, что это равенство, в том числе и равенство между мужчиной и женщиной, его примитивные толкователи станут объяснять как закон, где у людей будут общие мужья и жены! Второй дал миру «Город Солнца», сам при этом сидя в страшной инквизиторской темнице. Он верил в общину, где радостные люди трудятся на радость себе и Богу. И он понятия не имел, что какому-нибудь Пол Поту захочется мотыгами регулировать число таких «радостных общинников».

Это были созидатели-теоретики. Но отнюдь не разрушители. И практики, вроде Кромвеля, Дантона и Ленина, вовсе даже не хотели разрушения для разрушения. Они надеялись на месте старого несправедливого мира построить новый, дать принципиально иной тип человеческой цивилизации. И они тоже не могли отвечать за своих не в меру ретивых последователей, как не отвечает за инквизиторов Спаситель человечества Иисус Христос.

Усилия борцов за свободу не пропадали даром. После Великой Французской революции появилась новая цивилизация, где слова «Свобода. Равенство. Братство» стали главным законом общества, сломавшего сословные предрассудки.

Победа идей социал-демократии, в том числе и достаточно радикальных, по ленинскому рецепту, тоже привела к созданию цивилизации нового типа. И то, что мировая система социализма рухнула, еще вовсе не означает неактуальность общества, где есть высокая социальная защищенность. Погибла скорее тоталитарная надстройка идеи, а не сама идея.

Так что борцы за лучшее будущее всегда были и будут уважаемыми и трагическими людьми. Кстати, многие из них сложили свои головы за эти убеждения. И первый — Томас Мор, автор «Утопии».

Особенно стоит остановиться на борцах — сторонниках ненасильственных действий. Таким был, например, Ганди, давший свободу Великой Индии и не проливший ни капли крови колонизаторов! Зато погибший сам от рук экстремиста.

Что же касается вопроса о плевелах, то речь тут пойдёт именно о тех, кто хочет только ломать, а не строить. И нести идеи этой ломки всё дальше и дальше, по всему миру. Таков был Троцкий, человек пламенный и сумевший даже переагитировать на свою сторону конвоиров. Но он был обуреваем жадой «мировой революции», а потому хотел, чтобы мира не было вообще!

«Адольф Алоисович», как иногда называли Гитлера русские эмигранты, тоже хотел Империи Разрушения. И хотя он обожал проекты постройки грандиозных имперских зданий, всё равно в душе ему всегда нравилось не строить, а ломать. Особенно если дело касалось ломки культуры чужих народов. Не зря же на его любительских картинах так часты сюжеты разрушения!

Но, говоря о плевелах, стоит остановиться на особой их разновидности.

«Мальчики из хороших семей»

Известно, что вождями радикалов, а значит, вдохновителями цивилизации экстремистов часто становятся «мальчики из хороших

семей». И опять-таки первым среди них будет Нерон, даже в последний миг своей жизни воскликнувший: «Какой актёр погибает!»

Такие «мальчики» очень любили держать пари на людей, охотиться на своих крепостных, как на зверей, становиться злодеями по призванию. Двадцатый и двадцать первый век дали им возможность перенести свои игрища на мировую арену. И если Софья Перовская не нашла ничего лучше, чем организовать убийство царя-освободителя Александра Второго, то современные «дети достатка» уже покушаются на целый мир. Потому что такова их психология, в основе которой лежит желание большой игры. Очень большой!

Когда-то было модно играть в живые шахматы. Актёры играли роли королей, ферзей, пешек. Снятую фигуру уносили с поля на носилках, как и положено уносить убитого. Именно такой доской с живыми шахматами и представляется «мальчикам из хороших семей» вся планета.

Но они понимают, что говорить об игре ради игры — значит обречь себя на одиночество. Тогда не будет доски. Да и фигур тоже. Поэтому они становятся самыми страстными приверженцами радикальных идей, связанных с разрушением. Как когда-то они крушили домики из конструкторов и валили со стола солдатиков бумажными ядрами, так во взрослой жизни они хотят валить всё живое!

Они делают игрушками тысячи и миллионы обездоленных людей, суля им призрачные надежды! Бен Ладен предлагает создать Всемирный Халифат, Великое Царство Ислама, где у инакомыслящих есть один выбор — быть побитыми камнями. Руководитель Аум Сенрикё зовёт своих последователей разрушать этот несправедливый мир посредством самых несправедливых методов. Например, душа людей в метро газом или отравляющими химическими веществами. Так же поступают и вожди других тоталитарных сект.

А те, кого отвергло современное общество, кто не имел в детстве дорогих игрушек, как их вдохновители, охотно идут в разрушители мира! Не все, конечно. А наиболее яростная, непримиримая, мстительная часть. Они даже не задумываются над тем, что, предлагая смерть во имя «Всемирного Халифата», они кощунствуют, чудовищно извращая саму суть Ислама. Так же, как и те, кто произносит священный буддийский звук «АУМ», означающий Высшую Вибрацию Вселенной. Вибрацию, пробуждающую в людях чувство гармонии, мира и любви.

Цивилизация экстремистов приобретает всё более уродливые, всё более угрожающие формы, действительно становясь зловецким фактором планеты. И крайним проявлением этой цивилизации является склонность наиболее ярых её представителей к пожертво-

ванию собой ради убийства других! Если благородный герой часто жертвовал своей жизнью ради спасения другого, то герой в представлении цивилизации экстремистов должен убить себя, но взять с собой как можно больше других людей. Навязать им не только свою философию жизни, но и философию смерти.

Самозванные «калки-аватары»

Во всех религиях мира есть слова о том, что, когда Бог видит чрезмерность греховности людской, он уничтожает род человеческий. И создаёт новый мир и новую расу. В буддизме существует понятие Калки-Аватара, Высшей Силы, воплощённой в ком-то из землян. Считается, что десятый Калки-Аватар приходит на Землю для того, что уничтожить старую растленную расу.

Такие мотивы Апокалипсиса звучат и в христианстве, достаточно вспомнить «Откровение Иоанна Богослова». Там тоже говорится о сокрушении «Мирового Вавилона» и единстве Царства Божия на Земле и на Небе.

И ни у кого раньше не вызывало сомнения, что подобная привилегия принадлежит исключительно Богу. Но век прошлый, как и век нынешний, принёс нам явление кощунственных самозванцев. Они стали говорить о том, что Бог-Разрушитель воплотился именно в них. А потому они имеют «небесное право» на уничтожение того, что им не нравится.

Гитлер, страстно увлекавшийся оккультизмом, прямо заявлял в узком кругу «посвящённых в чёрных мундирах», что он и есть Калки-Аватар. Тот самый. Десятый. Как говорил это Асахара, руководитель секты «Аум Сенрикё». Бен Ладен, хотя и не произносил вслух таких слов, но вёл себя так, как должны вести себя боги.

Не зря сейчас снимается много фантастических фильмов о злодеях, мечтающих захватить весь мир. И не просто захватить, а сначала разрушить! А сколько мультяшек снято на эту тему! Фильмы и мультики по большей части американские. Хотя бы потому, что Америка считает, будто она главный оплот демократии на планете. Но это не мешает и её политикам время от времени болеть опасной болезнью мировой вседозволенности, когда ощущаешь себя почти равным Богу... Ведь Бог — это тот, кто по своему вкусу переделывает мир!

Служители Культа Смерти

Когда-то в доколумбовой Америке существовали великие цивилизации ацтеков, инков и майя. Они оставили после себя грандиоз-

ные архитектурные сооружения и другие памятники культуры. Это известный факт. Чуть менее известен тот факт, что религии этих обществ во многом опирались на культ смерти. «Культ Смерти» с большой буквы. Были не только принудительные человеческие жертвоприношения языческим богам, но и массовые добровольные «исходы из жизни». Когда тысячи прекрасных юношей и девушек отдавали себя в жертву богам, жаждущим крови, крови, крови...

Современная цивилизация экстремистов очень близка к идеологии и философии этих обществ. Так что на самом деле вождям этой цивилизации следовало бы творить себе старых языческих кумиров, а не прикрываться Именами Бога, которого каждая мировая религия называет по-своему.

«Людьми Кюльта Смерти» можно назвать многочисленных граждан государств экстремистской цивилизации. И если их вожди и пытаются играть на аполлоновой лире, то ничего, кроме похоронного марша человечеству, они из её струн извлечь не могут. Так в песнопениях Нерона всегда слышались мотивы Смерти, даже если он и брался исполнять самые светлые гимны, сочинённые до него певцами Бессмертной Эллады.

Экстремизм — «лакмусовая бумажка Творца»

И всё-таки хочется высказать одну парадоксальную мысль, с которой многие могут не согласиться. Раз на планете Земля появилась и множится цивилизация экстремистов, значит, скоро и вправду придет Калки-Аватар. Настоящий. Или, говоря христианским языком, грядет Второе Пришествие. «Явлюсь внезапно, в молнии и громе!» Это слова Христа.

И разве наша планета, наш мир действительно не тонет в разврате, растлении, злодействе? В масштабах, неслыханных доселе. И если появляются самозванные «санитары истории», а то и самозванные «боги», то есть настоятельная необходимость разрушения старого мира.

Так что экстремистов можно назвать «лакмусовыми бумажками Творца». Их появление ставит последнюю точку в истории старого мира. Но только Истинный Бог, в отличие от самозванных «богов», разрушая одно, всегда создаёт другое. То, о чём говорил Иоанн Богослов в своём «Откровении»: «И видел я Новую Землю, и видел я Новое Небо».

И первыми, кто уйдёт вместе со старой расой, наверное, будут экстремисты с их, в прямом смысле слова, «пламенными» вождями! Впрочем, не стоит решать за Господа-Бога. Людям кажется, что Бог должен поступить так-то и так-то. Но Бог поступает как Бог. Пото-

му-то и родилась поговорка, которую лучше было бы назвать философской истиной: «Человек предполагает, а Бог располагает».

«Лучше быть плохим экстремалом, чем хорошим экстремистом»

В наше время появилось много людей, которые пересекают на лодках океаны, лезут на самые крутые вершины гор, живут на необитаемых островах. Некоторые прямо на телеэкране едят живых тараканов, а то и ядовитых насекомых. Таких людей принято называть «экстремалами». Им нравятся экстремальные ситуации, связанные с риском для жизни. Для своей жизни! Но не для других жизней. Ведь если, например, великий «океанопроходец» нашей эпохи Федор Конюхов, не дай Бог утонет, то на дно утянет только себя!

Кто-то из экстремалов рискует ради денег, кто-то делает это из спортивного интереса. Но все они смелые люди. Лично смелые! И они не вербуют себе многочисленных сторонников, не стремятся создать свою огромную цивилизацию. Им достаточно своей впечатляющей избранности!

Если бы все те, которым так не терпится поразрушать что-то, отнять чью-то жизнь, направили свою энергию по такому же руслу! Доказали бы миру личную храбрость, личное умение не теряться в нестандартных условиях!

Быть может, потому и хочется придумать новую поговорку: «Лучше быть плохим экстремалом, чем хорошим экстремистом».

И тогда, глядишь, Всемирный Нерон бросил бы свои игрища и продемонстрировал, например, сколько раз он может подтянуться на перекладине.

Рисунок Светланы Ринго

Валерий Галечьян родился в Ленинграде в 1947 г.

Литературной деятельностью занимается с 1970 г.

Поэт, прозаик, драматург, график, автор семи книг стихов, трёх романов и двух повестей (в соавторстве с В. Ольшанецким), сборника пьес и семи альбомов графики.

Стихи печатались в журналах «Арагаст» (Парус), «Дети Ра», «Другие», «Меценат», «Слово», в альманахах и сборниках поэзии, интернет-изданиях.

Председатель Московского союза литераторов.

Валерий Галечьян — один из представителей, так называемой, визуальной поэзии. С помощью компьютерной графики и текста он создает визуальные поэтические «квары», где буквы, слоги и слова взаимодействуют с геометрическими фигурами и чёрно-белым пространством. Основная идея выражена в названии кваров. Вокруг неё формируются дополнительные смыслы. Здесь представлены квары «Новреальность», «ARTiists», «Соседи», «Выходной», «Gerls».

Для справки

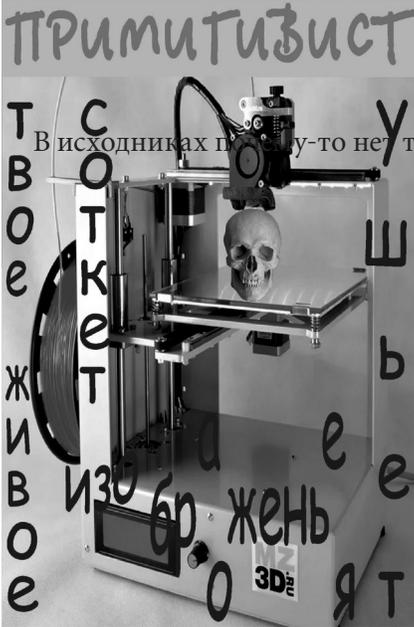
Визуальная поэзия — это разновидность поэтического текста, в котором важная роль отводится графическому изображению стиха и использованию особых начертательных элементов. Внешний вид текста, как правило, несёт дополнительную семантическую нагрузку, которая инкорпорируется в общий смысл стихотворения. Юрий Гик определяет визуальную поэзию как «жанр искусства, находящийся на стыке литературы и традиционного изобразительного творчества (живописи, графики)». Визуальная поэзия может быть отнесена к авангардной литературе.

«ARTiists»

ARTiists

дежурят

дома

д

ора

к

а

ора

на улице

ждет

робот

в

р

путанных

дра

не

обучены все

раз

од

м

и

а

нах

звали

а

тс

п

секс

з

а

м

раз

образным

разным

м

м

Умное авто

без проблем зо

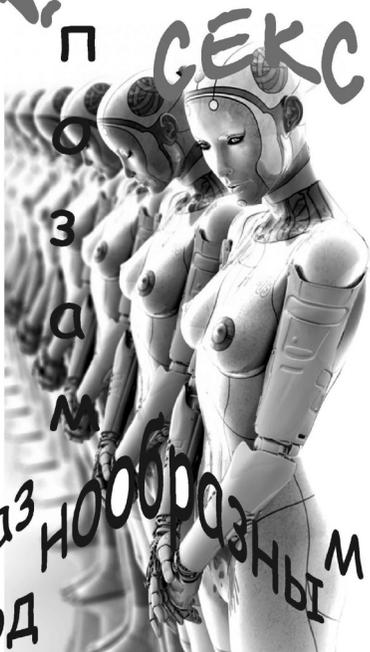
в безопасный

бордель

сам

от

везет

«Gerls»

Л
Ю
Б
У
Ю
П
О
З
У

Р
И
М
Е
Т
П
О
Д
Н

П
О
С
Т
А
Н
Ы
В
А
Я
Т
О
Н
У
С

В голове
жужжат
моторы
надо мыслить
во время секса

Gerls

У
Ж
Е
У
Л
О
Б
Я

Т
К
А
З
Ы
В
А
Т
Ь

Н
Е
У
Д
А
Е
Т
С
Я

В приложение
всем на выбор
real gerls
в приложении

Из афганских рассказов

КАУЗАЛГИЯ

«Каузалгия (от греч. kausis — жжение и algos — боль), болезненное состояние, развивающееся после ранений конечностей и характеризующееся мучительными нестерпимыми болями обычно жгучего характера, приступообразно усиливающимися». БСЭ

Тяжелораненых в приёмном отделении госпиталя было десятка два. Брезентовые носилки неровными, изломанными рядами стояли на цементном полу, чудом сохранившем ещё редкие островки щербатой керамической плитки. «Лёгким», — на госпитальном жаргоне, или ходячим, — приткнуться было особо некуда. Те, кому не хватило стола и казённых табуретов, просто стояли, или сидели на корточках, прислонившись к стене, и покорно ожидали своей очереди.

Он тоже сидел так, подпирая спиной стену, и прижимал к груди перевязанную левую руку. Рука ныла тягуче, накатами, мешала телу отыскать удобную позу, поэтому он всё время едва заметно раскачивался, — словно её баюкал. К нему развинченной походкой подошёл парень-десантник. Разодранная тельняшка в бурых пятнах засохшей крови, толсто забинтованная левая рука тоже на перевязи. У него были шальные глаза и движения пьяного человека. Вытащил из кармана помятую пачку «Примы».

— Пойдём покурим пока, пехота? —

— А-аа, с неба-об землю-в бой? — он криво улыбнулся потрескавшимися губами. — Ну, пошли, что ли.

Они пробрались между стоящих рядами носилок, миновали крашеную, захватанную множеством рук дверь, и очутились на крыльце. Неуклюже, кое-как, — не обвыкли ещё, — прикурили, каждый одной рукой.

— Федя Граник.

— Это что, фамилия у тебя такая? — он удивлённо приподнял брови.

— Зачем фамилия? Погоняло. Гранатомётчик я, вот ребята и прозвали.

— Понятно. А я — Гвоздик. Тоже прозвище.

— Ну, вот и познакомились. Тебя где зацепило? — спросил десантник, сплёвывая надоедливые табачные крошки.

— На войне. Высота 14.0, не слышал?

— Нет, не слыхал. А мне вообще дурум, безо всякой войны попало. Ехали себе на броне тихо-мирно, тут невесть откуда — пуля. То ли снайпер, то ли просто шальная прилетела. Правда, думаю, если снайпер — сейчас бы дырка у меня не в руке была...

— Да уж, это точно, — скорее в башке. Хотя чего только не бывает! Рука-то сильно болит?

— Не, вообще не болит. Я себе давеча три тюбика промедола вка-тил!

— Ты что, зачем столько!?

— А чтобы вообще всё по барабану было!

— Ну, ты даёшь! Тебя как ранило, навылет?

— Сквозняк.

— И у меня сквозняк...

Хирург долго рассматривал его рентгеновский снимок, поворачивая его так и этак, щурился. Удивлённо цокал языком, щупал его руку твёрдыми холодными пальцами, качал головой.

— Нет, ну бывают же такие совпадения, — нарочно не придумаешь! Вот буквально только что, прямо перед тобой осматривал одного паренька, — точно такое же ранение, — до миллиметра почти! Я даже подумал было вгорячах, что его зачем-то снова ко мне направили.

— Граник?.. То есть, десантник?

— Да-да, десантник! — он ещё раз поднёс снимок к свету. Лицо врача изменилось, глаза стали цепкими, жёсткими.

— Только вот что, солдат. Десантника того я дней через десять в часть отправлю, а вот ты, похоже, отвоевался.

— Почему отвоевался, товарищ майор? — спросил он растеряно.

— Думаю, нерв у тебя задет, вот какая штука. Руку-то хоть чувствуешь?

— Да вроде чувствую... Болит же... Только вот пальцы онемели как-то, — будто во сне отлежал...

— Угу... Отлежал, значит... И здорово болит?

— Здорово! Горит прямо, — будто кто раскалённым гвоздём ковыряет!

— Ну да, ну да, горит... Каузалгия... Вероятно, medianus, а возможно, — частично и ulnaris... — произнёс хирург несколько непонятных слов. — Пошевели-ка пальцами... Сожми руку в кулак!

Непослушными, ватными пальцами, — словно чужими, — он кое-как пошевелил. А кулак сжать и вовсе не смог, — боль пронзила руку, и, — казалось, — лопнуло что-то в голове.

— Что же, неплохо, совсем неплохо! — Врач заметно оживился. — Я думал, дела обстоят гораздо хуже! Ладно, солдат, сделаем тебе операцию, а там посмотрим...

Операцию делали под местным наркозом, а после, — когда должна была начаться сильная боль, — хотели сделать ему укол промедола. Но он наотрез отказался. У них в палате лежал один парень. Ранен он был не то, чтобы очень уж тяжело, но болезненно, — мелкими осколками мины в ноги и в спину. Первые дни он так страшно стонал, что ему кололи промедол, — чтобы сам мог спать, и давал спать другим. И теперь он выпрашивал промедол у медсестёр, покупал на чеки, выменивал у кого только можно, кланчил униженно. Насмотревшись на этого бойца, он решил лучше уж потерпеть, чем в такого вот превратиться, — хоть медсестра и потешалась над ним, говорила, что от одного укола наркоманами не становятся.

Утром, на обходе, хирург присел на его койку.

— Ну что же, товарищ сержант, пока, — он подчеркнул это слово, — пока будем считать, что тебе крупно повезло. Нервы у тебя не перебиты, но пуля прошла очень близко... Ты молотком себе по пальцу попадал когда-нибудь? — Он кивнул, недоумевая. — Вот так и нерв у тебя ушиблен, — как тот палец молотком, — только во много раз сильнее. Зайдешь ко мне в кабинет после перевязки, поговорим...

Так вышло, что его, и знакомого десантника, одинаково с ним раненного, оперировали в один день. Совпадения продолжились и после этого — их койки в огромной, на тридцать человек палате, оказались рядом. После того, как обход закончился, десантник окликнул его.

— Эй, пехота! Я гляжу, впрямь крупно повезло тебе.

— Сговорились вы, что ли?! Да чем же повезло-то?

— Слышал я, что майор тебе про нерв толковал. Уж я-то знаю, — раз нерв, значит инвалидность почти что в кармане! Главное, ты не зевай. Полетишь сперва в Союз, а там комиссуют, и ту-ту, — гражданский человек, домой поедешь!

— Знаешь что, Граник. С войны мы с тобой, может быть, и вернёмся. А вот из инвалидности выкарабкаться нам очень трудно будет!

Позже он не раз задумывался, вспоминая тот разговор. Почему сказал тогда эти слова, и откуда они пришли ему на ум?..

— Э-э, ты нас не сравнивай, — со мной совсем другая песня. — сосед бережно погладил свою раненую руку. — У меня и нервы, и кости в полном порядке. Подержат несколько дней, и, — пожалуйста вам, — явиться для дальнейшего прохождения... Болит, стерва! — неожиданно пожаловался он, и скрипнул зубами.

Так этот их разговор и закончился.

После перевязки он постучался в кабинет хирурга. Майор молча кивнул, и указал ему на табурет. Закурил сам, протянул и ему пачку «Мальборо».

— Кури, воин!

Они несколько мгновений молчали, выпуская в потолок синие клубы дыма.

— Значит, так, — майор зашелестел листками его «истории болезни». — Ты сколько отслужил уже?

— Полтора года. Почти...

— Хорошо, понятно. Полтора, значит, по-вашему, получаешься дед... Почти...

— Ну что же, ранение боевое у тебя, пулевое... БП. Сквозное, мягких тканей плеча... С частичным поражением срединного нерва... В общем, товарищ сержант, такое дело. Я тебя отправлю в Ташкент, в Окружной госпиталь. Там подлечишься, и пойдёшь на комиссию. Бумаги я соответствующие оформлю... А пока — иди, почти-дедушка, отдыхай! — улыбнулся хирург.

— Есть идти отдыхать, товарищ майор медицинской службы! — Совершенно оглушённый, накрытый первой горячей волной радости — «Домой! Домой!», — он даже не понял толком, как очутился за дверью. Остановился, и задумался. Воображение услужливо нарисовало ему, как тяжело приземляется транспортник с «грузом 300». Из него на носилках, накрытых шинелями, выносят безногих, безруких, контуженных... Те, кто могут, сами спускаются по трапу на костылях. И он выходит — на своих двоих, гордо неся перед собой руку на перевязи. И почему-то картина эта ему не очень понравилась. Возникло перед ним восковое, всё в запёкшейся крови, запрокинутое лицо Аникеева с закатившимися глазами. Кричал что-то, и махал рукой вслед удаляющейся вертушке Спиридонов. Увидел он прищуренный глаз Якута, щёку его, каменно прижатую к прикладу винтовки. Всё это в доли секунды промелькнуло у него перед глазами. Он развернулся, и вновь постучал в обшарпанную дверь.

— Разрешите, товарищ майор?

— Что тебе ещё, боец?

— Когда я смогу вернуться в свою роту?

Хирург посмотрел на него очень внимательно.

— Не дури, парень. Какая рота? Живой ведь остался. Домой поедешь, в конце-то концов! Понимаешь ты это? До-мой!

Это он хорошо понимал.

— Нужно вернуться в роту... Мне.

Хирург по-прежнему смотрел на него внимательно, и, — как показалось ему, — с большим интересом.

— Послушай меня, паренёк. Я не господь Бог, я только хирург. Сказать, когда именно ты сможешь вернуться, я не могу. Об этом ты у своей руки лучше спроси. Разве что отведу тебе, как врач: не раньше, чем вылечишься. Если восстановишь руку за четыре... Ну, скажем, — за пять недель, — вернёшься в свою любимую роту. Нет — полетишь в Союз, и кончим на этом разговор. А теперь — шагом марш отсюда!

Когда он вкратце пересказал свой разговор с хирургом соседу-десантнику, тот только пальцем у виска покрутил: «Дурак ты, Гвоздик!». И отвернулся молча.

Минуло две недели. Операционные швы сняли, и он уже довольно сносно сжимал пальцы в кулак. Хотя никакой силы в руке, конечно, ещё не было. Кроме того, очень трудно оказалось сгибать и разгибать руку в локте, — боль была такая, что зеленело в глазах, и сами собой наворачивались слёзы.

Чтобы проделывать эти нехитрые движения, он уходил в самый конец госпитального коридора, — подальше от чужих глаз. Там сидел на широкий подоконник, и сгибал локоть, сжимал и разжимал кулак, — столько раз чередуя эти упражнения, насколько сил хватало.

Сосед его, десантник Федя, за эти дни как-то сник, и заметно тосковал. На каждом обходе он жаловался врачам на постоянную боль в руке.

Однажды хирург даже накричал на него: «Почему это ты не можешь пошевелить рукой? Что ты ноешь, как баба? Больно тебе?! А покажи мне, кому здесь не больно? Знаешь, если ты и дальше будешь так себя жалеть — останешься сухоруким!..»

На Граника, по правде сказать, эти слова почему-то мало подействовали. Он по-прежнему очень оберегал свою руку, — даже когда просто шёл по коридору, торжественно нёс её перед собой, — как внезапно обнаруженную драгоценность. Остерегался всякого толчка, неосторожного движения. Даже походка у него стала такой плавной, что медсестра однажды сказала, покачав головой: «Ну, ты прямо плывёшь, как официантка с подносом!». Таких на этаже было двое, — Граник, и солдат с удалённым аппендиксом, — совсем «невоенной» болезнью. Они ходили по коридору, как по Луне, — не делали слишком широких шагов, — словно боялись улететь из-за недостатка притяжения. За это их дружно прозвали лунатиками.

По вечерам Граник писал бесконечные письма домой. Или просил слепого связиста Юру сыграть ему на гитаре и спеть душевную песню. —

*«... Я ухожу, — сказал мальчишка ей сквозь грусть, —
Ты только жди, я обязательно вернусь».
Ушёл совсем, не встретив первую весну,
Пришёл домой в солдатском цинковом гробу.
Рыдает мать, и, словно тень, стоит отец...*

И сам подпевал проникновенно, «со слезой», — отчего нехитрая эта песня обретала какое-то особенно жалостное, приклатнённое звучание.

Днём Граник чаще всего просто лежал на койке, не находя себе никакого дела, и ворчал по всякому поводу.

... И ещё одна неделя прошла. Как-то после обеда Федя Граник отозвал его в сторонку. Оживлённый и явно взволнованный, сразу выпалил громким шёпотом:

— Знаешь, Гвоздик, а я, кажется, на днях в Союз улетаю!

— Да ну-у-у!?

— Вот тебе и ну! Письмо получил сегодня, — матушка выбила мне место в Москве, в госпитале Бурденко. Теперь хлопочет, чтобы меня туда перевели, — на лечение. А там уж!..

— Как, даже не в Ташкент? Во дела!

— Нет-нет, прямо в Москву!.. — Граник на мгновение замолчал, словно стесняясь своего везения, или боясь его спугнуть.

— Да ты не думай, Гвоздик, — тебя тоже отсюда отправят, — вот увидишь! Дурак ты был, что тогда сразу отказался. Сейчас бы уже дома культурно водочку пил! Ну ничего, мы с тобой ещё пробьёмся! Вон, парень знакомый из штаба, — он там писарем служит, — передал по секрету: меня командир к ордену представил. Не знаю только, к «Звёздочке», или даже к «Знамени»!

— Да ну, вряд ли, — усомнился он, — «Знамя» же в основном офицерам дают.

— А мы что, разве хуже? Тоже кровь свою проливали. Твои-то начальники представят тебя, или забудут?

— Не знаю я... Да зачем всё это? — он поморщился. — Что, орден тот потом дома носить, на пиджаке? И погоны тогда уж — заодно?

— Нет уж, без погон мы как-нибудь перебьёмся! Относили свой положенный срок, послужили Родине, и баста, хватит! Гражданские люди! А орден — почему нет? Вон, ветераны же все свои ордена носят!

— Так то ветераны, Граник. Нам с ними не равняться... Ну, какие из нас с тобой герои?

— Да не знаю я... Да ладно, фиг с ним, — ордена-медали! Потом поглядим, как и что! Главное нам сейчас — домой попасть поскорее! Я, например, обыкновенной жареной картошки уже лет сто не ел! А вернусь, — бабушка мне гору пирожков напечёт. — Федя даже

причмокнул мечтательно. — Знаешь, какие у меня бабушка пирожки делает? Язык проглотишь! Вот потом, на гражданке, приедешь ко мне в гости — сам попробуешь...

Граник ещё говорил и говорил что-то, — о еде, о девчонках, о водке, снова о еде...

А он в мыслях своих был уже очень-очень далеко, — и от Граника, и от этой палаты...

ПРОВОДЫ

Закончилась четвёртая неделя, — крайняя из пяти, отведённых ему хирургом для восстановления руки. Улетел в Союз Федя Граник. Его, по традиции, провожали накануне всей палатой.

Разведчик Арик Цугунян даже за тридцать чеков купил у хирургической сестры Лены едва початую восьмисотграммовую бутылку со спиртом. Врал, конечно, Арик про тридцать чеков, — спирт он просто выпросил. Хирургическая сестра была стройная, темноволосая, с огромными чёрными глазами, и Цугунян млеет от неё. Впрочем, — сказать по правде, — млеет от неё многие. Когда она стремительно шла по коридору, все раненые оборачивались. А её чёрные глаза над марлевой повязкой видели, — прежде, чем провалиться в наркотический сон, — все те, над кем она склонялась перед операцией. И потом этими глазищами бредили. Её не портили ни твёрдая вертикальная складка, навсегда пролётшая между бровями, ни крупные натруженные руки, постоянно обожжённые антисептическим раствором. Так что тайно влюблены в неё были почти все, но не решались говорить об этом открыто, — даже между собой. И только Цугунян никак не мог скрыть своих чувств, поэтому нередко становился мишенью для насмешек, — всегда довольно беззлобных, впрочем. У него была осколком перебита голень, и когда кость кое-как собрали, раненая нога оказалась на три с половиной сантиметра короче другой. Поэтому Арик носил тяжеленный аппарат Илизарова, состоящий из массивных стальных дисков и спиц. Обязательно находился умник, — обычно из новичков, — который пытался его поддеть: «И как это ты, Арик, к Ленке со своей железкой пристроишься? Стоя, что ли?»

Тот мгновенно вспыхивал: «Э, нэ смей так гаварить!» — и неумелый шутник обычно сразу замолкал, потому что все знали: характер у Цугуняна был железный.

Но, — так или иначе, — спирт был раздобыт. Вечером они развели его компотом в заранее припасённой двухлитровой банке. Разложили на койке нехитрую закуску, — какие-то конфеты в полинявших фантиках, раскрошенное печенье, ломти серого хлеба, тайком

унесённые из столовой. Всё это было положено с таким расчётом, чтобы в случае чего моментально прикрыть «стол» одеялом. Банку спрятали в тумбочку. — Наконец, всё было готово к торжественному ужину.

— Ну что же, — степенно начал самый старший из них, двадцатитрёхлетний водитель «бээмдэшки» Володя, раненый в плечо разрывной пулей, но уже выздоравливающий, — чтобы всё было по-людски, нам нужен тамада. Арик, ты человек кавказский, к тому же разведчик, без пяти минут герой. Тебе, значит, и распорядиться!

— Э, какой я герой, слушай! Пачему я?.. — запротестовал было Цугунян, но ему уже передавали заветную банку.

Арик поднялся, тяжело опираясь на костыль, обхватил банку ладонями, понюхал тепловатую, вонючую жидкость.

— Ну давай уже! — заторопили его, некоторые опасливо поглядывали на дверь. — А то невзначай дежурный врач заглянет, таких пистонов нам навставляет!..

— Братья мои! — прочувствованно начал Цугунян. — Если бы это было вино, настоящее вино, — такое, как делал мой дед, такое, как делает мой отец! И если бы этого вина у нас было много! Я сказал бы много тостов, — и за лёгкие сапоги, и за возвращение домой, и за погибших друзей... До ночи бы говорил! Но раз только это есть, — просто выпьем за Федю, и за его благополучный перелёт в Союз!

Арик, сделав несколько глотков из банки, передал её по кругу. И каждый что-нибудь желал Гранику, и отпивал положенную порцию. Приложились все, кроме самых тяжёлых, и недавно вернувшихся после операций. Получилось верных человек двадцать. Желали и скорейшего возвращения домой, и скорейшего выздоровления, и побольше водки на гражданке, и денег, и девок пофигуристей... Банка опустела быстро, — едва только все желающие успели губы смочить. И начались подарки.

Водитель Володя достал из тумбочки какое-то хитросплетение из капроновых шнуров и с гордостью вручил Фёдору. — Во, аксельбант тебе, дембельский! Себе плёл, из парашютных строп, но, — по всему выходит, — ты дома раньше окажешься. Носи на здоровье!

— А ты? А ты как же?.. — Слабо протестовал Граник.

— А я что? Я решил после госпиталя рапорт подать — хочу здесь остаться, на сверхсрочную, — послужить прапорщиком.

— Ха! — воскликнул изумлённый Дылда, — длинный миномётчик с ампутированной рукой. — Вовка — и вдруг «куском» заделается!

— Не «куском», дурья твоя башка, а прапором. Он же не на складе старшиной будет!

— Не, какой склад?! Я — за баранкой, — дело привычное!

Все говорили одновременно, перебивая друг друга — даже лёгкий хмель мутил сознание.

— Гвоздик! — позвал его слепой Юра со второго яруса, — порой-ся, будь другом, у меня в тумбочке. Там берет лежит, — увидишь.

Он раскрыл дверцу, поискал недолго и извлёк новенький голубой берет с неуставным красным флажком из оргстекла, и жёлтой лавровой веточкой, — похоже, что выточенной из латуни. Передал его Юре. Тот бережно помял в пальцах фетр, потрогал кокарду, флажок, — словно рассматривал. Потом окликнул Фёдора.

— Держи, Граник! Это тебе мой подарок — тоже дембельский!

— Да я не могу взять, ты что?! А в чём ты домой пойдёшь?

— Бери-бери, я домой по гражданке пойду, — меня мамка встречать будет, всё привезёт!

Граник стоял, розовый от смущения, но было видно, что всё это ему приятно.

Ему подарили ещё трофейный складной ножик, — маленький, словно игрушечный, с десятком разных лезвий, — «Смотри там, от таможни заныкай, как следует!», новый кожаный ремень с начищенной бляхой, полтора метра блестящего металлизированного галуна — на лычки... В общем, — множество вещей, ценных здесь, ничего не стоящих на войне, и мгновенно теряющих всякий смысл, как только Федя переступит порог родного дома...

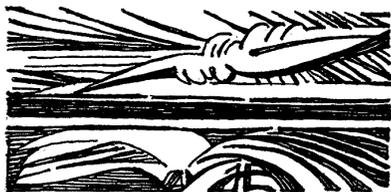
Утром он вышел на крыльцо — проститься с Фёдором. Они покурili вместе — «В крайний раз», и он отдал Гранику всё своё богатство — сорок чеков.

— Возьми, браток, — матери хоть платок купишь!

— Да не носит она платков! Лучше чеки себе оставь — пригодятся же!

— Тогда флакон духов купи. Мне всё равно сейчас чеки не нужны, а после я себе ещё добуду. А в Союзе ты их точно нигде уже не возьмёшь.

Они неумело обнялись, и Граник уехал.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Дарья Солдатёнова

«ГОРЬКОЙ ПАМЯТИ ВКУС ПОЛЫННЫЙ»

* * *

Лето... Она вслушивается в тишину...
Сосен голоса. Голоса травы.
Вслушивается в голоса песка.
Пятна света. Тень от Облака...

Лето... Девочка слушает тишину...
Обнимает ствол сосны рукой,
И душа взлетает за облака,
Ситцевой косынкой голубой.

* * *

От Праистории на минус и на плюс
Случайно обернусь и улыбнусь.
Я посмотрю за строгий волнорез
Начала клинописи — Зеркало чудес.—
И в оттисках печатей был закон,
А в глиняных табличках — утра сон.
Но в сердце есть мотыги и клинки.
Моей истории ничтожные ростки.
Они проклюнулись, они уже видны,
Какая радость! Тексты им сродни,
Как прах земли — из глины слеплены,
Как вздох живой, и как глоток воды.
От Праистории на минус и на плюс —
Случайно посмотрю и улыбнусь.

* * *

Горькой памяти вкус полынный,
Нас отпустит на волю осень,
Ветер встретит печальной стаей
Желтокрылого листопада.
Мы пойдём сквозь него с тобою
И отпустим на волю память —
Горькой участи вкус полынный,
Ничего уже не исправить.
Только осень опять обещает
Новый путь устелить листвою.

* * *

Придёт и новая весна,
Но я устала. Я — немая.
Куда дорога приведёт,
Наверное не разгадаю.

Дорога ниоткуда в никуда —
Последние огни погасли,
Придёт и новая весна,
Милей мне осени ненастье.

В дорогу я с собой возьму
Немного солнечного света,
Букварь ракушек и листву, —
Объятья ветренного леса.

* * *

... радость — с тобой разговор.
Радость — мерцанье реки.
... надежда — родство крови
с булыжными мостовыми городов,
окольцованных знаками прошлого,
с птицами, вьющими гнёзда
на чердаках старых усадеб...

Я выбираю путь к одиночеству и кладбищенскую природу.
Руки опускать в тёплую воду,
Где на дне — ржавчина и тусклая стружка латуни.
Мне — уйти в те области, на стёртых картах которых,
Были отмечены условные посёлки, полигоны,
Метеостанции, взлётные полосы и полосы отчуждения.
Где уже нет ничего, кроме буйства бурьяна,
Травы, поглощающей рьяно обломки, бешено жрущей
Тонкие струйки ртути, кислот, щелочей.
Мне — эта природа, ущербная мякоть растений,
Устилающих рухлядь жилья подобьем мещанского плюша.
Злорадство? Страданье? — Тоска...
Вывихнутый понтонный мост уходит пирсом
В заросли ольхи.
Вот — заболоченные области абсурда. Мне — они.
Мне — свист тишины в искорёженных, поднятых к небу
Металлических спицах.
Мне — одичалых улиц путаница в никуда.
Мне — курить на гнутых рельсах среди крапивы.
До Тебя далеко. «Далеко в шалаше голо».

Рисунок Светланы Ринго

«БУЗИНА ЗЕЛЕНА-ЗЕЛЕНА...»

Ася жила этажом выше, мы были ровесницы, в детстве ссорились, а к 9 классу подружились. Ася училась в английской школе, я — в обычной. Её и мой отец закончили физфак МГУ перед самой войной, оба прошли фронт.

Случайно выяснилось, что Ася тоже любит стихи, иногда записывает их в толстую общую тетрадь.

Дома у нас в маленькой однокомнатной квартире было много книг, некоторые лежали даже наверху гардероба, а у Аси вся прихожая и гостиная были аккуратно заставлены стильными стеллажами с собраниями сочинений русской и зарубежной классики.

Знакомые Асиных родителей часто выезжали за рубеж, и привозили Аське разные модные вещи. Аська восторженно сообщала мне про очередной подарок: «Ты только посмотри, не туфли — игрушка, не носить, а поставить и любоваться». Не было секретом, что их семья жила в большем достатке, чем наша...

У Аси был старший брат. У меня перед глазами до сих пор сценка, как пятилетняя Аська с длинными, ниже пояса, косами отчаянно сопротивляется — не хочет идти домой, а брат с полным сознанием правоты, не обращая внимания на крик и слёзы, тащит её за косы к подъезду. Теперь всё изменилось, брат студент МГУ, будущий математик, отличник, тяжело заболел. Он лежит в маленькой комнате, не встаёт. Аська приносит ему тарелку с бутербродами, он никого не хочет видеть и даже с сестрой переговаривается односложно: да-нет. А ещё год назад в окошки летел тополиный пух, и мне запомнилось, как он торжественно прогуливался с девушкой в летнем воздушном платье, держал её за руку и, как зачарованный, повторял один и тот же маршрут по кругу. Скрыть «отношения» во дворе нашего дома абсолютно невозможно. Все встречи на скамейке и у подъезда мгновенно становятся достоянием бабушек и передаются из уст в уста. Однажды, Аська меня просто ошарашила своей осведомлённостью: ты что с ума сошла под окнами целоваться (первый школьный роман), я-то думала, что нас никто не видит, но бабушка ещё одной нашей ровесницы, прекрасно рассмотрела меня с балкона третьего этажа, не дай бог, до мамы дойдёт... Меня воспитывают по старинке: школьная форма с кружевным воротничком почти на все случаи жизни. Главное — учёба, а с кавалерами ещё успеешь. К универси-

тету надо готовиться, там тебе и цена другая... С раскованного Запада, судя по польским фильмам и спектаклям на Таганке, пришла новейшая манера гулять в обнимку, у нас в семье это считается недопустимо вульгарным, неуважительным по отношению к девушке, под руку другое дело...

После уроков я часто захожу к Асе, и мы читаем друг другу свои новые стихи, но, боже мой, как они далеки от того волшебства и восторга, что вызывает подлинная поэзия

Однажды Ася открыла ничем не примечательную общую тетрадь, внутри которой лежали тонкие папиросные листы с напечатанным текстом... Читай: «Ландыш-ландыш белоснежный, розан аленький, Каждый говорил ей нежно, моя маленькая,» Кто это? — Марина Цветаева. А вот ещё: «Продолговатый и твёрдый овал, чёрного платья раструбы...» Я помнила это имя по «скандально» известному сборнику «Тарусские страницы», но там не было этих стихов. Аська, как из драгоценной шкатулки, доставала новые и новые стихи. «Бузина — зелена, зелена, бузина цельный сад залила.

Выносить листы категорически нельзя, но их можно выучить наизусть и прочесть другому ценителю поэзии. Каждое лето родители снимают в Тарусе дом бывшего священника, напротив разрушенной Воскресенской церкви, заросшей бузиной, крапивой и чистотелом, где на старых могильных плитах ещё различимы даты. Дух Марины Цветаевой незримо витает над этими местами. Здесь закончила свои дни её старшая сводная сестра Лёра и дочь Ариадна Эфрон.

Нам нравится с Асей вслух на два голоса куплет за куплетом читать «Бузину». Иногда я иду под душ или на кухню, где меня не слышат, и, как можно звонче, «на разрыв аорты» декламирую «Бузину». Время от времени у меня мелькает в голове сумасшедшая идея, в тайне от родителей, после десятого класса попробовать свои силы на экзаменах в Шукшинском: прокричать со сцены «Бузину», ошеломив своим «звонким» прочтением равно экзаменаторов и абитуриентов... Мать одной из моих подруг ведёт там курс по зарубежной литературе, и меня часто приглашают на дипломные студенческие спектакли. Там я видела юную Кореневу в «Ромео и Джульетте». Бархатный занавес вздымается над маленькой камерной сценой, и луч прожектора выхватывает из темноты фигуры юных актёров.

Нет, я отнюдь не воображаю себя актрисой, у меня нет никаких актёрских данных, я лишь обожаю декламировать стихи. Однажды, я услышала в библиотеке моноспектакль, посвящённый Эмили Диксон, американской поэтессе, и мне захотелось когда-нибудь создать нечто подобное, совмещая в одном лице автора и героя...

«А это ты слышала: «Голубоглазая печаль открыла два огромных

глаза, цветочная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь»? — экзаменует меня Ася, и торжествующе завершает, как бы невзначай, демонстрируя свои крошечные пухлые ручки с нежным маникюром — «... прозрачных пальцев белизна».

«Кто это?» — простодушно открываю я своё полное невежество. — «Осип Манделъштам».

Потом в один из зимних вечеров мы с ней прочли и внутренне прожили «Балладу о неверной жене» Гарсиа Лорки. Вся красота и греховность страсти, тема столь животрепещущая для наших юных сердец, в то строгое пуританское время открылась нам картиной чувственной ночи: «Я в белый песок впечатал её смоляные косы».

На зимние каникулы Ася пригласила меня на несколько дней в Дубну. Её отцу за научные заслуги (мало, кто удостоивался такой чести) предоставили пол коттеджа, теперь у них как бы своя зимняя дача. Мама испекла для нас свой знаменитый пирог с яблоками, довоенного рецепта, и Асин отец повёз нас в Дубну на скоростной электричке. Сойдя с поезда, я впервые увидела застывшую Волгу, практически безбрежную, закованную льдом, Асин отец пригласил нас по дороге пообедать в ресторане: Ася выбрала бульон с пирожками, а я украинский борщ, и то и другое принесли не в тарелках, а в дымящихся суповых чашках.

Очень скоро мы оказались на тихой безлюдной улочке, где стояли коттеджи. Все участки были завалены снегом, изредка снежные комья срывались с крыши, и только вороны на верхушках сосен изредка нарушали тишину.

Ася повела меня по крутой деревянной лестнице на второй этаж, где была её спальня и маленькая гостевая комната. Я с любопытством разглядывала развешанные по стенам картины, можно было только гадать, что изображают эти яркие пятна и кривые линии, столь непохожие на пейзажи и натюрморты. «Это современные авангардисты», — небрежно пояснила она.

На следующий день Асин отец повёл нас в недавно открытый клуб, где по субботам крутили зарубежные фильмы. Название «Восемь с половиной» и красными буквами по диагонали через весь экран имя итальянского режиссёра Феллини, мне ничего не говорило. В кино я бывала редко, в основном это была экранизированная классика, фильмы про войну или весёлая буффонада.

С того просмотра прошло не менее полувека. Фильм шёл по-итальянски, титры на английском. Многие были непонятным, символы пугающими. Запомнились сцены у моря, проворные озорные мальчишки и соблазняющая их прекрасно-безобразная жрица любви, с гипертрофированными формами.

Домой я вернулась переполненная впечатлениями от посещения Дубны, и моя мама ответно пригласила Асю в Тарусу. Ася с первых дней вписалась в нашу молодёжную компанию. Прежде всего она решила испробовать свои чары на нашем застенчивом голубоглазом гитаристе, развлекающем компанию куплетами, неизвестного автора: «А мне ногу откусил гиппопотам...» Ася распустила по спине свои роскошные волосы бронзового оттенка и вызвалась спеть «Романс о панельном доме»: «За одной стеной унитаз журчит: буль, буль, буль, за другой стеной всё целуются.»

Она закатывала глаза и нарочито страстным голосом воспроизводила вечный диалог влюблённых: «Ах поцелуй меня, потом я тебя...» Чем дело закончилось, я не помню.

Через год Ася поступила в Иняз на английское отделение, а я на Филфак.

Папа выхлопотал нам новую трёхкомнатную квартиру, и мы переехали в только что отстроенный дом на окраине Москвы, где ещё не было телефона.

Наши с Асей пути навсегда разошлись. От общих знакомых я узнала, что её старший брат вскоре скончался от неизлечимой болезни, от последствия ран, полученных на фронте, не достигнув пенсионного возраста, ушёл из жизни её отец, известный физик. Ася вышла замуж за пожилого американского учёного и навсегда уехала в Штаты.

Рисунок Светланы Ринго

Елена Семёнова — поэт, журналист, обозреватель книжного приложения «НГ-Ex libris». Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи, статьи и эссе публиковались в «Независимой газете», «Литературной газете», газетах «Трибуна», журналах «Юность», «Дети Ра», «Литературный Иерусалим», «Новый Свет», «Крещатик», альманахах «Московский год поэзии», «День поэзии», «Среда», «Паровозъ», «ЛиФФт», «Другое полушарие», на порталах «Литerrатура», «Культурная инициатива» и др. Автор поэтических книг «Стихотворения» (1996), «Испытайние» (2017), «Некрологика» (в соавторстве с Михаилом Квадратовым и Андреем Чемодановым; 2018), книги детских стихов «Камушек, фантик, цветок» (под псевдонимом Лена Листик; 2019). Дипломант Международного литературного конкурсов «Бежин луг» (2018) и «Детское время» (2021). Соредактор-составитель поэтической антологии «Уйти. Остаться. Жить».

НА ПОСЛЕДНЕМ ПРЕДЕЛЕ

* * *

А мир велик, и нет, не жалок,—
 Растёт из сердца через боль.
 Смотри, вот заговор фиалок,
 Берущий чувства на слабо,
 Овечий сыр, очаг у древа...
 И слов, и мыслей та игра,
 Что исключает кромку never
 И ждёт, чтоб радость опирать,
 Стремя в зенит из губ и носа
 Миражей хрупкие струи,

Где мало лемм, но тьма вопросов,
Кишащих, словно муравьи.
Заносит в дурь, шалит Пегас, но,
Волнуя кровь из мглы времён,
Всё делают простым и ясным
Река, рука и далее звон...

* * *

Однако... он где-то есть сейчас в мире,
Где-то плещут его волосы,
Он поправляет их небрежно, что-то говорит
Тягучими интонациями своего голоса,
Что-то планирует, возится, чинит,
Уставши, засыпает в ночи...

Мне хотелось бы разморозить его,
Как несчастного одинокого Кая,
Выплеснуть его душу из берегов
И посмотреть: она — какая.

Но... это стыдно, неловко как-то,
Это в личное пространство вторжение,
И даже то, что я касалась ушей его,
Не даёт мне права на обладание.

И вот, он тихонечко уплывает вдаль,
Как несомое ветром здание...

* * *

Это прекрасно, в день свой воскресный
Вдур восхититься собственной бездной,

Бросить со звоном мысли-биткоины
За эфемерный град свой стекольный,

Где провода, как детекторы вьюги,
С гулом бросают снова на круги,

И сквозь ветра и погонные литры
Зыблются в слякоти странные литеры...

С хрупкой усмешкой хрястнет — ловите!
Литеры те гололёд-закрепитель.

Путь, как по Брайлю, ломом звеня,
Чтёшь. Мене текел? Но нет, не меня.

* * *

На последнем пределе,
где трепещет натянутой сердце струной,
хорошо ощущать себя тем, кому велен
шар земной, лист резной, перегной.
Это было и есть, это будет со мной.
Разорви сердце лат и в терновнике пой,—
там, где терпкая боль и грачиный конвой.
Эта пляска на точке в ночи огневой
слаще мягкой и душистой постели.
Я не наш, я не ваш, я хочу в чрево паш—
ни возлечь хной, пыльюю и хмелем...

* * *

Исподтишка, сначала ток,
Идёт по телу очень ровно...
Потом чуть воздуха глоток,
И падают на сердце брёвна.
А помнишь, были в Ницце мы?
Шатались там Адамом с Евою...
Мы были нежны и немы,—
Не мы, а музыкальное тремоло.
Я вас люблю, любовь быть может...
Мала, но вылезет из кожи
И станет зёрна молотить.
И мы когда-нибудь (наверно)
Заполним мёдом все каверны,
Чтоб небо золотом обратить.

* * *

Ты ушёл на работу, вернулся и с радостью — в дом.
Смотришь: люди такие светлые празднуют в нём.

Хлеб подносят, яичницу, водку и щи.
Хорошо? Хорошо! Только чуешь в глазу что-то щи...

Всё тип-топ — и уха, и лапша вся вельми хороша,
Мягко устлано ложе, и парни утешить спешат.

На, те пай, засыпай, не разбудит надсадный глашат...

Хорошо? Хорошо! Но сквозь сладкое пенье певцов
Что-то слышно из леса там? Кажется, уханье сов...

Рисунок Светланы Ринго

НАВАЖДЕНИЕ

Памяти Александра Сопровского и Алексея Цветкова

*Мальчики далёкого застоя
С искрой мандельштамовской в глазах,
Вас посмертной славы удостоят
И псалмы споют на небесах.*

Время от времени сами по себе всплывают эпизоды из далёкого прошлого.

Они не имеют ровно никакого отношения к твоей теперешней жизни, это просто сохранившееся видео мгновений, доступных только тебе.

Студентка гуманитарного факультета одного из лучших учебных заведений страны, я была единственной дочерью уже немолодых родителей. С одной стороны с меня сдували пылинки, с другой — каждый мой шаг был под контролем.

Как многие романтически настроенные девушки, я с детства писала стихи и боготворила поэзию начала века.

Каждый понедельник в холле факультета висела афиша, приглашающая на занятия литературной студии. Однажды я набралась смелости и пришла. Сама атмосфера студии меня потрясла и, можно сказать, повлияла на всю мою дальнейшую судьбу: там я нашла братьев и сестёр по духу, любимую эпоху декаданса на новом витке. Их раскованная манера выступления и умение вести полемику говорили о внутренней свободе. В большинстве своём это были студенты старших курсов, критически настроенные, близкие к андеграунду. Творчество их разительно отличалось от того, что тогда печатали в молодёжных журналах. Несмотря на отсутствие официальных публикаций, их имена были хорошо известны в узком кругу. Можно сказать, они были духовным продолжением скандально легендарного СМОГа. Естественно, мне было далеко до их уровня. Темы моих стихов были ограничены дозволенным, в основном это был щенячий восторг бытия, зарисовки природы и всевозможные любовные переживания, где главным было предчувствие и жажда любви.

На нашем курсе учились старательные честолюбивые девочки, из профессорских семей и хлебнувшие лиха, поступившие не с первого раза, целеустремлённые провинциалки. Стихами и творчеством никто из них всерьёз не интересовался. Среди них я была как белая ворона, вечно витающая в облаках.

В своё время моя мама, вынуждена была уйти с третьего курса университета, так как началась война, эвакуация и все мытарства с этим связанные.

Родители, когда я подросла, часто говорили: единственное наследство (сбережений у них никогда не было), что можно реально тебе оставить — это дать возможность получить хорошее образование. Особенно мама, была нацелена на мою учёбу.

Молодёжь, регулярно посещавшая студию, в отличие от меня, была не подконтрольна родителям, выживала на стипендию.

По ночам молодые люди подрабатывали в бойлерной или сторожами. Как позже я поняла, это были начинающие диссиденты, сыплющие цитатами из запрещённой литературы, наслышанные про западные свободы, крещённые богемной стихией.

Почти каждый из них был мне по-своему интересен. Особенно Саша. В этом юном студенте, чувствовалась необыкновенная одарённость, зрелость и широта суждений. Сами его стихи, манера чтения, в сочетании с природным юмором и чисто мальчишеской лихостью, приковывали к нему внимание. Его поразительные глаза, заставляли вспомнить Врубелевского демона.

Однажды после очередных занятий он предложил мне прогуляться по зимней Москве. Крупные хлопья снега падали на лицо и застилали ресницы. В белой пелене почти невозможно было узнать знакомую местность, время остановилось, мы ходили по кругу, словно отгородившись от целого мира снегопадом. Это была вольная лекция о противостоянии современных поэтов, так называемых западников и славянофилов, выверенная характеристика творчества той или иной знаменитости. Со многими из них он был хорошо знаком. Спустя десятилетия я помню подробности этой прогулки и разговора. Наконец, я вынуждена была вспомнить, что мне пора домой, завтра с утра зачёт, а я даже не все программные произведения успела перелистать, список был нереально внушительный.

Спонтанно или, он планировал это заранее, Саша предложил мне поехать к нему, он поможет подготовиться к зачёту и перескажет всё, что я не успела прочесть. Он горячо сжал мне руку и меня словно ударило током.

Но, мысль о родителях, которые будут ждать и сходить с ума, особенно мама (лгать им, я почти не умела, а сказать правду, ма-

мину реакцию даже представить было страшно...), заставила меня с вымученной улыбкой сказать «нет».

В глубине души, я надеялась, что мой отказ не помешает развитию отношений.

Тщетно. Он потерял ко мне всякий интерес. Теперь мы только кивали друг другу при встрече. А я продолжала мучиться, мечтать и выплескивать неутолённое чувство в так называемой женской лирике...

В конце декабря заканчивались занятия в студии. По традиции событие нужно было отметить. Одна из девочек пригласила к себе в Измайлово, родители ушли к родственникам и благородно предоставили нам веселиться до утра.

Через месяц один из признанных лидеров нашего кружка собирался навсегда покинуть страну, чтобы наконец обрести свободу слова... В свои двадцать четыре года он производил впечатление глубоко разочарованного человека, и мне казалось, что от его совершенных строк веяло космическим холодом. Он уже был женат, развелся и лениво отмахивался от новых обожаний. Ему явно было не до женщин. Это был рыцарь свободы, готовый, ради неё, всё поставить на карту...

Наше застолье отчасти было посвящено проводам Лёши. Стол ломился от домашних закусок, предоставленных хозяйкой и напитков, принесённых гостями. В этот раз стихов по кругу не читали. Когда сознание немного затуманилось, Лёша достал гитару, тряхнул головой и стал наигрывать модную полублатную песенку. В памяти лишь остался лихой припев: «оставь свои шутки...». За столом хлопали в такт и подпевали...

Саша в изрядном подпитии о чём-то спорил с товарищем, что-то ему горячо доказывал, сыпались шуточные оскорбления в адрес друг друга. Лёша пошёл в отдельную комнату поговорить с самыми близкими о своём отъезде.

Вынесли тарелки, сдвинули в угол стол.

Кто-то включил магнитофонную запись. Неожиданно Лёша подошел ко мне и уверенно закружил под элегическую мелодию.

Кажется, он сказал мне тогда какие-то приятные незначащие слова, что-то о моей молодости, возможно, он просто решил проявить любезность к новенькой, ощущавшей себя «на птичьих правах» в компании признанных поэтов. Потом все уже танцевали сообща и по отдельности, в свободном стиле, как было принято у молодёжи начала семидесятых. Захмелевшему Саше было не до танцев. Огромными словно остановившимися глазами он созерцал всеобщее веселье. Было глубоко за полночь, когда я позвонила родителям. Распрощавшись с хозяйкой, мы вышли на улицу.

Под черным звёздным небом нестерпимо сиял нетронутый снег. Лёгкие с блаженством вдыхали бодрящий морозный воздух. На мгновение мне показалось, что я словно со стороны увидела пик своей молодости, словно все звёзды сошлись над моей головой. Что это было? Яркое мгновение счастья, наваждение, благоприятствование вселенной? До сих пор не могу это объяснить, но хорошо помню.

Поймать такси среди ночи было непросто. Я вышла на дорогу и, подняв руку, тут же остановила попутку. Нам пятерым нужно было на Юго-Запад, мне дальше всех. Чтоб уместиться в жигулях, кого-то надо было сажать на колени или максимально ужаться... Я оказалась рядом с сонным Сашей в тесном углу машины. Впервые так близко видела его бледное лицо, длинные упавшие ресницы. Редкие вспышки света делали его ещё более загадочным и прекрасным. Во всяком случае, так мне тогда казалось...

К концу маршрута он уже окончательно протрезвел. Я решила воспользоваться моментом и попросить у него отпечатанные стихи, которые мне так нравились на слух. Собственных сборников и публикаций ни у кого из нас тогда не было. Он молча протянул мне папку со стихами.

Каково ж было моё удивление, когда, открыв её дома, я обнаружила «Воронежскую тетрадь» Мандельштама, отпечатанную на ротапринтере в самиздате. Это был любимый Сашин поэт, о трагической судьбе которого в те брежневские времена я практически ничего не знала.

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Евгения Славороссова

ПРИЗРАКИ ПЕРЕДЕЛКИНА

«Иных уж нет; а те далече...»

А. С. Пушкин

Когда-то осенью мы совершили паломничество на могилу Поэта.

*С тобой мы расстались почти,
Не славу, не жажду наживы,
Но память, лишь память почти,
Ведь там мы любимы и живы.*

Мы — это начинающие поэты из литературной студии знаменитого учебного заведения. Молодой руководитель и его юные студийцы. Фоном для нашей поездки был осенний денёк, невыразительный сам по себе, но до краев наполненный ожиданием необыкновенного, серый, как холст, однообразное пространство которого хочется скорее заполнить. Именно в такие неяркие дни хорошо думается и пишется.

*Надежда слаба и мала,
И криков не слышно весёлых,
Но память — густая смола,
И вязнет в ней дачный посёлок.*

Наш литрук в белом плаще уверенно вёл свой отряд вперёд. Его синие глаза, каштановые кудри, пленительная улыбка и густой румянец вызвали немое восхищение женской половины студийцев и жестокою завистью мужской. Но стоило ли завидовать? Муза, ревнивейшая из женщин, не терпит соперниц. И слишком уж ярко было написано на его лице: «Я счастливчик», чтобы этому поверить.

Вслед за ним устремлялась пёстрая стайка: мальчики с юношеской прыщавостью на лбу, юношеским энтузиазмом в сердце, юношеским честолюбием в глазах, юношеской злостью на языке и странные девочки, отрешённые, как весталки, но тайно мечтающие о любви.

Похожий на купидончика юнец с невинным взором огромных голубых глаз что-то оживлённо доказывал. На самом деле это был

интеллектуал и эрудит, легко строивший крепости из аргументов и цитат, откуда беспощадно разил противника.

Рядом, прихрамывая, шагал самый старший студиец. Бесстрастное скуластое лицо, казацьи усы, широко расставленные глаза, лицо воина, а не эстета.

За ним, подобно верному оруженосцу, следовала худая девушка в очках. Буйно курчавая, как молодой Пушкин, и безнадежно влюблённая.

Отпрыск восточного рода с экзотическим именем и тяжёлыми восковыми веками брёл за ними с отсутствующим видом.

И остальные — коллекция потёртых джинсов, самовязанных свитеров, великих замыслов, оскорблённых самолюбий и бескорыстной любви к искусству.

И среди них — я, в их стайке — и всё равно одна.

Переделкино.

Кто и кого собирается здесь пустить в переделку?

А, может, в переделку попали мы?

Но, вступив в зону неправдоподобной тишины нашего подмосковного Парнаса, мы умолкаем, заставляя тайные страсти говорить только шёпотом.

*К деревьям прильнули дожди,
И злобится ветер, грозя им,
В саду понапрасну не жди —
Из дома не выйдет хозяин.
И нас, запоздалых гостей,
Не встретит вопрос: «Что такое?»
От страшных вестей и страстей
Избавлен, оставлен в покое.*

Зачарованный мир: загадочные замки — дачи, воздух, полный имён умерших и живых, прозрачная смола на стволе — и надо всем этим Поэт, неисчерпаемый, как жизнь, необъяснимый, как Судьба.

«Под знаком Пастернака мы были рождены...»

«Его стихи были формулами звукового блаженства», — утверждал Эренбург,

Комната — лаконичная, как строка классика, почти без быта — письменный стол, лампа с порванным абажуром, жёсткая постель, на стенах рисунки отца.

А за окном его сад.

*Но сердце кольнёт, как иглой,
И сад, облетающий скупю,*

*И комнаты вид нежилой,
И церкви мерцающий купол.*

Он пустил в мир своё тело, как посла, — приблизительно так писала о нём Марина Цветаева, — чтобы оно ходило, говорило, действовало, погружалось в житейские заботы. А сам оставался где-то в недоступных высях

Марина! Пастернак! Их письма — их души сливаются в бесконечном объятии, а тела живут, как во сне, бродят по Москве, по Чехии, по Парижу, целуют других, отпущенные на испытание в наш бранный мир. Осуждённые на невстречу здесь, они расходятся, страдая и плача, тоскуя по той духовной области, где возможно невозможное, ибо кого ещё им любить? («Души, души, быть вам сёстрами — не любовницами вам».)

Могила. Белый камень и дерево, роняющее золотые слёзы на землю.

«... потому что мир ему колыбель и могила мир».

*Навстречу иным временам
Развернуто осени знамя.
Пусть встречи достались не нам,
Но память останется с нами.*

Тень его души витала над нами, словно облако.

А навстречу нам прошествовала живая тень, хотя гораздо менее живая, чем тот, к кому мы пришли, и чем тот, который любил её так давно. «Смотрите — это же ЛЮБЛЮ», — шепнули мне на ухо тёплые губы литрука. Напудренный призрак в бесформенном пальто, привидение с накрашенными губами растворилось в тумане.

«Господи, — вознесла я молитву к высокому осеннему небу, к медно звучащим деревьям, к тусклому золоту церковного купола, — дай мне умереть вовремя!»

Неумолчно шуршание листьев или это шелест голосов, читающих стихи?

«Переделкино снег заметал, средь белейшей метели не мы ли...» — эхо ломкого голоска Беллы.

Когда-то осенью... Сколько золотых дождей прошумело над нашими душами, над нашими горячими головами? О чём думали, чего ждали юные паломники, унося в памяти осенний день, недлинный, но вместивший так много? Капля на ветке, отразившая мир.

На платформе пригородной электрички красной вспышкой ожёт сердце страшный слух: поезд сбил женщину.

Холодный закат настает,
И крепче сплетаются руки,
И нам разойтись не даёт
Предчувствие вечной разлуки.

Рисунок Светланы Ринго

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Леонид Володарский

ПРОЗРЕВАЯ ЗАРЮ

Прозревая майскую зарю,
Ты сейчас идёшь по январю,
Полностью в себя погружена.
Ты одна. Зато в тебе весна
С красками весенними своими!
И твоё никто не знает имя
Из людей, мелькающих случайно!
И прекрасно то, что это тайна!
Как и то, что здесь, средь января
Майская к тебе пришла заря!
Ну, а ты её в себе несёшь,
И снежинки, что летают сплошь,
Тают от неё, а я вот таю
От прекрасной мысли, что я знаю
И тебя, и то, что без тебя
Я не смог бы жить. И мир любя,
Я люблю в нём то, что ты есть в нём!
Подари свой май, и пусть мой дом
Тоже в майской расцветёт заре
Здесь, сейчас, сегодня, в январе!

11.01.2022 года, вечер

ПОРАДОВАТЬСЯ

Порадоваться радости чужой
И не своей удачей восхититься!
Так можно только с чистой душой,
Чтоб лёгкою она была, как птица!
И всех людей на свете полюбить,
Неважно, хороши они, иль плохи!
Как хочется таким и вправду быть,
Пусть даже и наперекор эпохе,
Где царствуют разлад и суета,
Где зависть, что не ведает предела!
Такая радость только от Христа,
И радоваться ей благое дело.

09.01.2022 года

ПРИКОСНОВЕНИЕ СИРЕНИ

Сквозь декабрь ко мне притянулась сирень,
И меня обдала ароматами мая!
И открылась мне жизнь совершенно иная,
Где был длинный, безоблачный, солнечный день!
В этом дне я увидел тебя и себя,
Мы катались в нарядной, прогулочной лодке!
Я на вёслах сидел, и неспешно гребя,
Направлял её в небо, где гасли все сводки
О войне, о болезнях, о страхах людских,
О каких-то пророчествах армагеддонных!
Мы всплывали туда, где был мир на двоих,
И в нём не было пропастей разных бездонных!
И сиреневый тёк надо всем аромат,
Нашу лодку маня по нему прокатиться!
И сиреневый ангел был приветлив и рад,
Что увидел какие-то новые лица.
И стяхнул с наших лиц все приметы зимы,
А с сердец стёр последние зимние тени!
Наша лодка плыла, и сидели в ней мы,
И сиреневый ангел букеты сирени,
Что не могут увянуть, нам с тобой подарил!
И летел в ореоле сиреневых крыл.

*В ночь с 15 на 16 декабря
2021 года*

ВЕЧНОСТЬ, ДЛИННОЮ В НЕДЕЛЮ

Мы не виделись вечность, точнее неделю!
Будто я через сотню галактик летел,
Прежде чем, увидел я заветный предел,
Что и был для меня той единственной целью!
Мне казалось, её не достигну уже никогда
И тебя среди бесчисленных звёзд не увижу!
Но среди них загорелась большая звезда!
И я понял тогда, что ты ближе и ближе!
И что эта звезда без сомнения ты!
И тотчас же исчезли ненужные дали!
Нас с тобой окружали земные цветы,
И свои ароматы для нас источали!

*12.12.2021 года,
Вечер*

СЦЕНАРИЙ СВЕТА

Нам уже написали свой чёрный сценарий
Те, кто света боится и ночью, и днём!
Но танцует бессмертная девушка в сари
Танец радости в храме небесном своём!
И слетают на землю небесные звуки,
Семенами грядущего в ней становясь!
Будут щедрыми всходы и ловкими руки
Жниц, что скоро снопы эти свяжут для нас!
И в одно, в самом деле, прекрасное лето
Нам напишут сценарий из чистого света,
И планета начнёт сразу жить по нему!
И забудет суливших нам вечную тьму!

*09.12.2021 года,
Полдень*

ПОКА ИДЁТ ВОЙНА

Пока со всех сторон идёт война
И полная неразбериха в странах,
Молитва праведников не слышна,
Зато она слышна на Высших Планах!
Она почти что шёпот, но какой!
В нём столько сострадания и порыва!
Напрасно смерть грозит своей клюкой
И призывает поступать их криво!
В их тихости святая прямота,
И поломать её никто не в силах!
А сила их нездешняя, не та,
Из мира, где не знают о могилах!
И потому услышаны они
Вершителями наших судеб!
Пылают их сердечные огни
И обжигают наших чёрных судей!
И шёпот этот превратится в гам
Ликующей и радостной планеты!
И вечный мир наш превратится в Храм,
С молитвою за тех, кто дал нам это!

*25.10. 2021 года,
Утро*

ТАМ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Там во Вселенной тишина,
Хотя, миров, наверное, без меры!
Не слышно их. А ты идёшь одна,
Твои шаги я слышу. Что мне сферы,
Где много жизней, но тебя там нет?
А для меня вот это важно очень!
Твои шаги ночные средь планет
Не раздаются. Там другие ночи,
Другие реки, горы и дома,
Быть может, удивительного вида!
Но здесь, по улочке осенней ты сама
Идёшь домой, и от миров ты скрыта.
Когда-нибудь откроются они
Тебе и мне во всей красе и мощи!
Ну, а сейчас земные фонари.
И, кажется, что быть не может проще.
Но миг настанет, странный и святой,
Миг просветления непредставимый!
Преображённые, мы будем за чертой
Того, что оказалось жизнью мнимой!
Но и в преображении, и там,
Твоих шагов осенних не забуду!
И буду относиться к ним, как к чуду,
И никогда забвенью не предам!

В ночь с 28 на 29 сентября 2021 года

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Нам хотят навязать жизнь в сплошном зазеркалье,
Чтоб забыли тот мир, что нам Бог даровал!
Вот и многим из нас крылья пообрезали,
Чтоб остались с другой стороны их зеркал!
Но не всем! Потому и провалится эта затея,
Люди сильные снова свой мир обретут!
Зададутся вопросами: кто я и где я?
Бунт их будет внезапен и светел, и крут!
И сметут они все лабиринты с их блеском,
Лживым блеском, где царь зазеркальный закон!
Встретят травы их свежие, встретят волны их плеском,
Встретит их колокольный, очистительный звон!

В ночь с 13 на 14 октября 2021 года

МОЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ

Моя лирическая героиня
Вполне реальное лицо.
Но для меня она богиня,—
Ей обручальное кольцо
От смертного совсем некстати!
Она пирует среди богов,
И свет её небесной стати
Любой из них воспеть готов!
Ей предлагают в колеснице
По всем промчаться небесам!
И мне она ночами снится,
Как будто из богов я сам!
Я в этих грёзах небожитель!
Но между мной и ней черта!
И я всего-то сочинитель,
И тем, на небе не чета!
Но не могу я жить иначе,
Я без неё не мыслю дней!
Раз я люблю её, то значит,
Имею право петь о ней!

11.09.2021 года, ранний вечер

НАДЕЖДА БЕССМЕРТНА

Говорят, что последней умирает надежда,
Но надежда бессмертна и с нами всегда!
И надежда для духа, а тело — одежда,
Сколько раз мы меняли её за года!
За года, что веками когда-то назвали,
Не веками, а тысячей тысяч веков!
Тело ждёт погребения в траурном зале,
А надежда давно за грядой облаков!
В новой жизни нас ждёт с ней заветная встреча!
Что вчера не сбылось, то случится сейчас!
Ну, а старая жизнь новой жизни предтеча,
И она не обманет родившихся нас!
Потому-то влюбиться в надежду и надо!
И она, всё, о чём нам мечталось, вернёт!
Если в жизни прошедшей пора листопада,
В жизни новой весна возле наших ворот!

14.09. 2021 года

ЕСЛИ, КОТОРОГО БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!

Если Великие Учителя
Нашу планету покинут,
То потеряет сердце Земля,
И мозг её будет вынут!
И чёрная глыба, теряя свет,
Помчится, дороги не разбирая!
И будет этот вселенский бред
Заменой земного рая!
Будет так невозможно темно,
Если случится такое!
Если, которого быть не должно!
Так выплеснем гнев рекою
На тёмную свору, что пишет нам
В своих подземельях сценарий!
Пусть каждый скажет: «Я жизнь отдам,
Чтоб не тонула планета в гари!
Чем могу, Братству я помогу!
Великому Белому Братству!
Не сидеть на троне врагу,
Не создавать свою паству!»

13.07.2021 год

КНИЖНАЯ ГРАФИКА

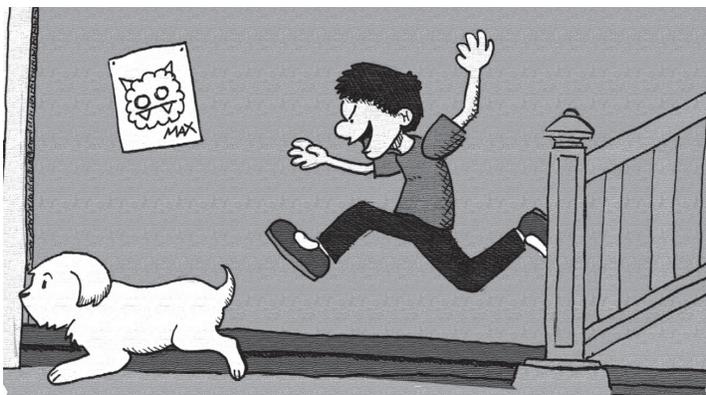
Фёдор Славоросов

Фёдор Славоросов родился в 1998 году в Москве. Окончил колледж имени Ивана Фёдорова.

Его рисунки к «Алисе в Стране чудес» Льюиса Кэрролла печатались в журнале «Детская школьная академия», иллюстрации к сказке Элинон Фарджон «Седьмая принцесса» были опубликованы в альманахе «Истоки».

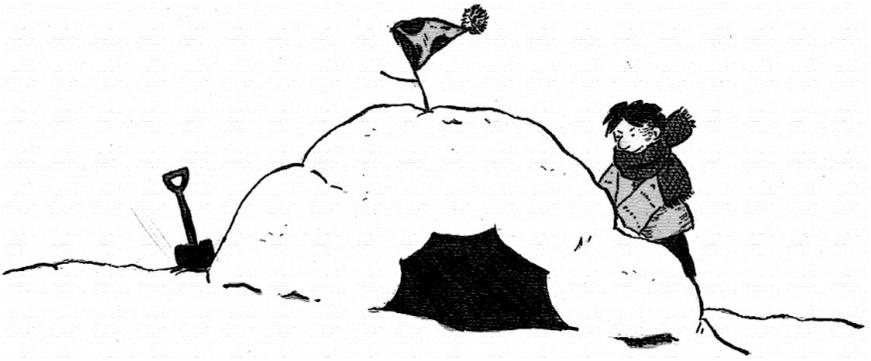
ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ «ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ЧУДОВИЩА»

(новеллизация Дэйва Эггера сказки Мориса Сендака).

* * *

Стихи
К Тебе
Скворцы
На ветке
Оттаявшие
Ото сна
Овеянные
Тёплым
Ветром
О эта
Светлая
Звезда

СВЕТОМ У СТРОКИ

* * *

Стихи
К Тебе
Весенние
Стихи
Лучом
Рассветным
Светом
У Строки
Небесные
Раскрылись
Родники
Лучом
Рассветным
Светом
У Строки

* * *

Мои
Рассветные
Стихи
Мои
Негаснущие
Строки
Придут
К Тебе
Как Сон
Глубокий
Как Свет
Далёкий
От реки

* * *

Молитва
Затеняет
Стих
Любовь
К Тебе
Уходит
В Вечность
Животрепещущий
Родник
Звезды
И ветра
Быстротечность

Сестре Тане

Отзвенело
Отпело
У земного
Предела
И Стихом
Облетело
К Небу
Птицей
Взлетело

* * *

Капли
Крови
Хризантема
Поздним
Рассветом

ВЕРБЫ

Твой
Верный
Взгляд
И нежный
Поцелуй
Дарует
Мне
Любовь
А не Разлука
Подвластная
Божественному
Звуку
Свою
Неосязаемую
Руку
Твой
Долгий
Взгляд

* * *

Яблони
В цвету
Светлым
Облаком
Любовь
К Тебе

* * *

Вербы
Стихов
Неразлитая
Чаша
Ветром

* * *

Весной
И Песней
Волной
Рассветной
Облаком
Вдали
Стихи
Что может
Быть
Чудесней
Когда
Смежают
Веки
Фонари

* * *

Люблю
Тебя
Медовым
Ветром
Лета
Негаснущим
Рассветом
И Весной
И Осенью
Стихом
Твоим
Одетой
Мгновением
Летящим
Надо мной

* * *

Кленовый
Вечер
Не затмит
Тебя
Поэзии
Немеркнущие
Строки
Свет
Любви
Высокий
Озёрный
У Подножия
Огня

Калуга

Ирина Сулимова родилась на Сахалине, с восьми лет живёт в г. Калуге.

Семейные корни Ирины уходят к старинному роду Дурново, который связан родственными узами с родами Толстых, Тютчевых, Аксаковых и Грибоедовых.

Стихи пишет с детства, успешно снялась в нескольких кинофильмах, великолепно играет в спектаклях Экспериментального театра Анатолия Сотника.

Публиковалась в периодических изданиях города Калуги. В 2020 году вышла из печати книга стихов разных лет «Музыка души», где есть и любовная лирика, и философские раздумья, и многое другое.

ФРЕЗИ ГРАНД

Я бегу по волнам
Над пучиной невзгод и ошибок
Бесконечный мой бег —
Он отмечен на карте земной —
То за тающим солнцем —
Порывом солёного ветра,
То в свинцовом тумане —
Миражами волны голубой.

Я бегу по волнам,
А на них невозможно споткнуться.
Я спешу к горизонту,
За которым, наверное, край.
С роковой волной
Мне пока суждено разминуться.
Моё зыбкое море —
Проводник в тот неведомый рай.

Я бегу по волнам.
Мне бы только успеть до заката
Отыскать острова,
На которых любовь и покой.

До сих пор не пойму
В чём же всё-таки я виновата:
В обречённости этой
Окружённой быть горькой водой?

Я бегу по волнам
А на них невозможно споткнуться.
Я спешу к горизонту,
За которым, наверное, край.
С роковой волной
Мне пока суждено разминуться.
Моё зыбкое море —
Проводник в тот неведомый рай.

* * *

Спешите радовать друзей
Пока они сегодня с нами —
Беда, — она не за горами.
Спешите радовать друзей.

Спешите радовать друзей,
Пока ещё открыты двери —
Пред неизбежностью потери.
Спешите радовать друзей.

Спешите радовать друзей,
И нет причин для опозданий —
Им не бывает оправданий!
Спешите радовать друзей.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Не первые мы, кого всё-таки это тревожит:
То раньше, то позже, а то в середине пути —
Есть Ложь во спасенье, когда мы заведомой ложью
Пытаемся нам дорогое отвлечь, а по большому счёту — спасти.

А Правда? Вскипает в глазах, будто горькие слёзы.
А Правда сжимает нам сердце холодной рукой.
Но мы улыбаемся, будто бы нет этой боли,
А Ложь во спасение всем обещает покой.

И мы, спотыкаясь, упрямо идём бездорожьем,
Привычнее это, как нету другого пути.
Но Ложь во спасенье, по сути, останется ложью.
И кто нам подскажет, где правильный выход найти?

Обнинск, Калужская область

Родилась в Новосибирске. Отец погиб на войне.

В 1946 г. с матерью переехала на Украину, в г. Станислав (Ивано-Франковск).

Окончила МГУ. В настоящее время живёт в Обнинске. Кандидат технических наук,

Член Союза российских писателей.

ОБЕИМ СТРАНАМ ДОЧКА

Из сборника «Разорванные облака»
памяти поэта Валентина Ермакова

Обнинск 2017

* * *

Вдруг слух словил украинское слово.
Проходя в пальто светло-лиловом,
Мобильник прижимая тесно к уху,
Кому-то говорит: — Ты слухай, слухай! —
Бежит вперёд, слова всё глуше, глуше,
Их след — напев на дудочке пастушьей
Плывёт, как човен, где поёт дивчина.
Стучит мне пепел в сердце. Украина!
Мне не забыть те улицы в каштанах,
Акаций белых пряный аромат...
Мне страшно слышать всё, что говорят
Кацапы и хохлы с телеэкранов.
Мне Украина родина — и точка,
Россия мне не мачеха, а мать.
Я по крови обеим странам — дочка.
И что ж мне — сердце пополам раззять?
Я так люблю украинское слово,
Его мелодию и певческую суть.
Но русский — мой язык, основ основа,
Тот свет, что озаряет к Богу путь.

ГОЛОСА ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ

Маргарита Бедрышева

Ирина Сулимова,

коллеги по литературному клубу «ГАЛЕРЕЯ»
Калуга

«Я — БРОДЯГА...»

Памяти Александра Хмелевского

Первая половина жизни известного калужского прозаика, драматурга и литературоведа Александра Хмелевского прошла в Приморском крае. Родился Александр Сергеевич в 1947 году в городе Уссурийске. Закончил среднюю школу в 1966 году. Три года работал, затем в 1969 году поступил в Дальневосточный государственный университет. По окончании ВУЗа жил и работал в Уссурийске.

После смерти горячо любимой матери Александр Хмелевский решил перебраться поближе к родине своих предков по материнской линии — белорусов. Сначала он попробовал жить в Москве, но потом надумал переехать в один из ближайших к столице областных центров и остановил свой выбор на Калуге. Так, в 1981 году у Александра Хмелевского началась новая — с нуля — жизнь.

Семьи Александр Сергеевич никогда не создавал, ценя свободу, независимость и творческое уединение.

«По натуре своей я — бродяга», — писал о себе Александр Хмелевский. Постепенно на новом месте он обзавёлся знакомствами и нашёл в некотором роде нетипичную работу... машинисткой в филиале «Всесоюзного проектно-технологического института транспортного строительства». Сам он так рассказывал об этом периоде: «Дело в том, что к тому времени я умел работать на любых системах пишущих машин. И меня взяли. А через месяц мне предоставили даже отдельный кабинет». Девять лет во «ВПТИтранстра», шесть лет на аналогичной должности в машинописном бюро прокуратуры области...

В 2000 году в калужской «Приокской газете» Александром Хмелевским была напечатана новелла «Любви смертельное дыхание». С этого момента началась литературная судьба Александра Сергеевича, хотя писать он пробовал, и небезуспешно, ещё в юности — в авантюрно-приключенческом стиле: видимо, сказывалось историческое образование. Александр Хмелевский стал регулярно

печататься не только в этой газете, но и в «Деловой провинции», а потом и в областной «Вести», «Калужских страницах», альманахах «Галерея», «Созвездие» и «Облака», в калужских краеведческих сборниках «Краеведение в сфере культуры и искусства», в московских изданиях — альманахе «Истоки» и журнале «Москва». Многочисленные публикации отличались разнообразием — это были историко-краеведческие очерки, художественные рассказы, мемуарные новеллы, литературоведческие статьи, статьи к юбилеям и мелкие заметки по случаю.

С 2007 года Александр Хмелевский создал несколько инсценировок и пьес для калужского Экспериментального театра Анатолия Сотника, на сцене которого с успехом прошли спектакли по пьесам «Очень хочу Вас видеть» (2010 год) и «Злодейка души моей» (2011 год), написанные к юбилею А. П. Чехова. На областном фестивале любительских театров «Дети Станиславского», состоявшемся в апреле 2018 года в ДК «Силикатный», спектакль «Что есть истина?» (инсценировка, сделанная Хмелевским главы романа Чингиза Айтматова «Плаха») стал лауреатом.

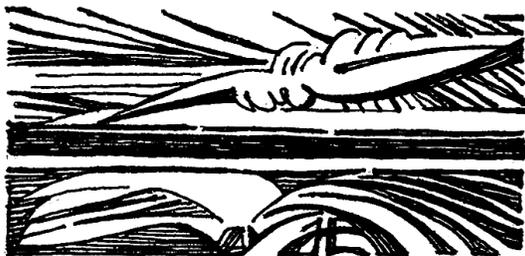
Своими приоритетными интересами Александр Хмелевский считал историю и литературоведение, посвящал много времени изучению любимого исторического периода — античности, собрав прекрасную библиотеку античных авторов.

Одним из своих любимых писателей Хмелевский называл А. Грина. В конце 2018 года в калужском издательстве «Политоп» вышла книга Александра Хмелевского «Эхо Александра Грина (Творчество. Судьба. Поэзия)», где он исследовал влияние творчества писателя на русскую литературу двадцатого столетия. В интервью Кириллу Гизетдинову Александр Хмелевский рассказывал: «В этой книге впервые в русской литературе собрана русская поэзия, посвящённая Александру Грину. Впервые обрисовано влияние его творчества на русскую литературу XX века. Грин показан не только как прозаик, но и как поэт. Рассказано о судьбе творчества Грина как при его жизни, так и после смерти писателя. В «Эхе» впервые сформулировано литературоведческое определение термина «фантасмагория», в том числе и в применении к произведениям Грина. Также впервые собрана и исследована вся фильмография по творчеству Грина».

Не зря Александр Сергеевич гордился этой книгой. Летом 2021 года он побывал в Феодосии на XXVI Международной научной конференции «Гриновские чтения-2021», где представил «Эхо» и выступил с докладом. Исполнил мечту...

Вскоре после возвращения Александр Хмелевский заболел, боролся, но не справился с недугом. А были планы... Я не знаю людей, которые так искренне и глубоко интересовались бы литературной

жизнью Калуги, как Хмелевский. Он готовил сборник статей о творчестве калужских писателей и поэтов прошлого и настоящего: мне думается, это был бы прекрасный подарок краоведам и библиофилам города. Остался обширный архив, в котором мы нашли неопубликованную небольшую автобиографическую повесть о времени работы Александра Хмелевского в прокуратуре области.

Беэр-Шева, Израиль

Лариса Михайловна Альтман родилась в 1941 г. в г. Иркутске. Детство прошло в Одессе.

Окончила школу № 25 в городе Ялта (Крым) в 1959 г.

В 1994 г. переехала в Израиль, живёт в г. Беэр-Шева. Очень быстро выучила иврит и до сих пор преподаёт его для лиц, приехавших в Израиль на жительство из русскоязычных территорий. Читает лекции по истории и культуре.

В детстве печаталась в «Пионерской правде». В Израиле — в журнале «Русское слово».

ВОСПОМИНАНИЯ О ЯЛТЕ

По ночам срывались звёзды в море,
Раскалённый август был в разгаре,
Разлетались брызги от прибоя,
Отдыхали люди на бульваре.

В ресторанах музыка играла,
Танцплощадки отбивали лихо,
Публика шумела и гуляла,
Лишь под утро становилось тихо.

Как великолепно это время!
Как благословенны эти годы!
Мы тогда совсем младое племя
Радовались празднику свободы.

И теперь живя воспоминаньем
Прошлых лет из невозвратной дали,
Чтобы повторить эти мгновенья
Многое, наверное, отдали

Надюше

Хочешь, сядем у камина,
Я стихи тебе сплету
Не из кружев тонких длинных,
Невесомых на ветру.

Не создам стихов из пены
Набегающей волны,
А из звёзд со всей вселенной
Мой венок получишь ты.

В те стихи вплету созвездья —
Дальний, тихий, дивный свет
И на нити поднебесной
Я пришлю тебе привет.

Тонкой нитью Ариадны
Я слова соединю.
И такой сонет нарядный
Я тебе преподнесу.

2002 г.

ЯЛТИНСКАЯ ОСЕНЬ

Помнишь в парке мокрые аллеи,
Листопада жёлтые ковры,
Старые забытые качели,
Ялтинские тихие дворы.

Рядом шумно волновалось море,
Рокотало, штормами грозя,
Теплоход на рейде, с ветром споря,
Дополнял картину ноября.

Город стыл в преддверии ненастья,
Ветер гнал опавшую листву,
Мы с тобой разминувшись со счастьем,
Приняв эту осень за весну.

СМЕРТИ НЕТ

Смерти нет. Мы встретимся после
Пышных речей и оваций.
И пройдем по ковровой дорожке,
Не скрываясь от папарацци.
Поцелуи, улыбки, бриллианты.
Ты — успешен, а я — гениальна.
— Да, на Пасху поедем в Анды.
— Нет, слегка утомили пальмы.
Смываю лицо устало.
Ты в пронзительно белой рубашке.
Смерти нет. Я вчера всё узнала,
Отрывая перья ромашке.

* * *

И месяц молодой плывет над синим лесом,
Над сонною рекой, над городом моим.
Мурлыкает под нос куплеты вечных песен,
Качает колыбели бессонной ребятни.
Ты в напряженье ждёшь развязку сериала.
Герои поумнели и стали просто жить.
И хочется опять, опять начать с начала,
Но не вернётся лето под кроны старых лип.
Из склеенной посуды не восстановишь счастье,
Растоптанные чувства с подмётки не собрать.
Стирает время память, как добрый мягкий ластик.
И остается только надеяться и ждать.

ГРАБЛИ

Да, Грабли, это снова я
С огромным синяком под глазом.
Встречаемся мы раз за разом,
Покуда вертится Земля.
Кто там про реку говорил?
Течёт по руслу очень быстро,
Смывая запахи и лица,
И расписание светил...
Да, Грабли, будет, будет шанс.
Я снова с синяком под глазом
Готовлю оправдания фразы
И знаю точно: Бог за нас!

* * *

В Москве прошёл апрельский снегопад.
Так странно, больно и нелепо,
Когда ты в ожиданье лета
Тепло одет который день подряд.
Перчатки, шарф, уставший пуховик.
И кашель мстит прогулке без берета.
О, Боги, ну, когда наступит Лето?
И во дворе исчезнет снеговик!..

* * *

Сегодня ветер грызёт бетон.
Кусается больно, стучит в мою дверь.
А за стеклом, не поверишь — апрель,
Планы на лето и что с нами будет потом.
Бойкое пенье синиц по утрам.
И остывающий кофе в руке.
А где-то там по лесам, по долам
Шагает весна в гиацинтовом синем венке.
И проскакал уже Всадник. Скоро рассвет.
Кошка клубком в ногах улеглась.
Выхода нет. Неужели выхода нет?
Но как же сюда я тогда забралась?..

(1956–2021)

Поэт, переводчик. Родился в 1955 году. В 1978 г. окончил филологический факультет МГУ, романо-германское отделение по специальности «английский язык и литература». С 1978 по 1992 г. работал во Всесоюзном Центре переводов научно-технической литературы; занимался разработкой систем машинного перевода и терминологическими словарями. С начала 90-х гг. начал заниматься переводом преимущественно философской и социологической литературы. Перевел около 70 книг для издательств «Логос», «Праксис», «Логос-Альтера», «Ad marginem», «Весь мир» и др. с французского, немецкого и английского языков. Среди переведенных книг — Делёз Ж., «Кино»; «Складка»; Деррида Ж., «Призраки Маркса»; Барт Р., «Сад. Фурье. Лойола»; Адорно Т., «Философия новой музыки»; «Введение в социологию» Вебер М., «Политические работы»; Хабермас Ю., «Политические работы». Также участвовал в переводе нескольких сборников стихов.

ИЗ Р. М. РИЛЬКЕ

Сонет к Орфею, 2, 29. К другу Веры

Тихий друг несметных далей, слушай,
Как твое дыханье множит мир,
И на темной колокольне душу
Раскачай, чтоб зазвучал эфир,

Чтобы силой напитался шепот,
Будь спокоен в облике ином.
Где же твой мучительнейший опыт?
Коль горьки напитки — стань вином.

Этой ночью, крестный путь деля,
Чародейством встретишь тьму немую,
Пусть в скрещеньи чувств раздастся песнь.

Если ж не придет к тебе земля,
Тихой почве ты реки: теку я.
И реке стремительной: я есмь.

Сонет к Орфею, 2, 28. К Вере

О приходи, почти дитя, о взвейся,
Фигуру танца высвети из тьмы,
Хотя б на миг с созвездьем чистым слейся,
В котором превзойдем на время мы

Безгласную природу. Чуть дрожала
Она в повиновеньи — пел Орфей.
И ты была взволнована сначала
И удивлялась шелесту ветвей.

С тобою древо собралось идти
На звук — вздымалась лира, как знакома
Тебе неслыханная середина —

Лишь для нее шагов твоих лавина.
Ты к празднику надеялась святому
Лицо и поступь друга донести.

Сонет к Орфею, 1, 9

Тёмные лиры, стволы
Взявший, став тенью,—
Вечной достоин хвалы
И прославленья.

Тот лишь, кто с мертвыми маг
Вместе вкушает —
Звук свой тишайший никак
Не потеряет.

Пусть отраженье в прудах
Меркнет всё чаще,
Мчится от нас.

Только в загробных мирах
Вечно звучащий
Слышится глас.

Сонет к Орфею, 1, 6

Разве он здешний? — Этот счастливый
Житель двух царств, воспитавших певца.
Склоняет зелёные ветви ивы
Тот, кто корни постиг до конца.

Если идёте вы спать, не кладите
Хлеба для мёртвых и молока:
Он, заклинатель тёмных событий,
Видит сквозь веки и облака

Их появление в каждом приюте.
Как чародей ворожит на руте —
Видно ему, как с высоких вершин.

Время картину разрушить бессильно:
Голос из комнат, голос могильный
Пряжку прославит, кольцо и кувшин.

ГЕОРГ ТРАКЛЬ В ПОКИНУТОЙ КОМНАТЕ

За окном цветы на грядке,
Звук шарманки в дверь войдет,
На обоях в беспорядке
Сумасшедший хоровод.

Как кусты сверкают ярко,
Комаров мелькает рой;
Звон косы в аллеях парка
С древней дремлющей водой.

Чье дыханье шлёт мне ласку
Ласточкою в небеса?
В золотую льются сказку
Бесконечные леса

Пламя падает на грядки.
Застывает хоровод
В сумасшедшем беспорядке.
Чья-то тень сквозь дверь войдёт.

Запах ладана и груши
Сладкой тьмой объемлет мир.
Лоб горячий тише, глуше
В звёздный клонится эфир.

МАЛЕНЬКИЙ КОНЦЕРТ

В мечтательной ты грезишь дрожи,
Когда проходит луч сквозь руки,
И в сумасшедшем сердца стуче
Блаженство ощущаешь кожей

В полях течет к полудню мята,
Сверчков почти не слышно в долах,
Повисли взмахи кос тяжелых.
Молчит лесов простое золото.
Распад, зеленый блеск в трясине,
Застыли рыбы. Божьи струны
Уже не спят в чаду лагуны,
Поток проказу смоем синий.

Парящий дух Дедала в выси,
В ветвях лещины — запах млечный.
Урок игры на скрипке вечный —
В пустом дворе визжанье крысье.

У отвратительных обоев
Цветут прохладные фиалки.
Замолкли звуки в перепалке,
В конце нарцисс — аккорд гобоев.

НА РОДИНЕ

В больные окна запах резеды
Вошёл. Черны каштаны и грачи,
Сквозь крышу золотистые лучи
На спящих бросят лёгкие следы.
Гнилые листья в старые пруды

Уносит ветер, сыплющий в ночи
Лесным нарядом, словно из парчи.
Крик стражи слышат синие сады.
Дремотный запах. Стен прохладна сень.

Как сон сестры глубок. И ветра бред,
И в волосах струится лунный свет.
Скользит кошачья голубая тень
С гниющей крыши — и несчастья жди,
Змеится пламя свечи впереди.

РОМАНС К НОЧИ

Идёт прохожий. Звёзд кольцо
Средь полуночной тишины.
Проснулся мальчик. Свет луны
Упал на серое лицо.

Рыдает дура у окна,
Простоволосую не жаль.
Влюблённые так сладко вдаль
Плывут, и лодка чуть видна.

В вине — убийцы бледный лик,
Больных объял смертельный страх.
Израненный нагой монах
Перед распятием поник.

Неслышно мать во сне поёт.
Затихла рядом колыбель,
Дитя на мир глядит. В бордель
Собрался праздновать народ.

Внизу в подвале у свечи
Мертвец на стенах рисовал
Рукою белой злой оскал
Под шёпот спящего в ночи.

ГЕОРГ ГЕЙМ

БОГ ГОРОДА

Под ним квартал, раздавленный в пыли,
Вокруг его чела — лишь ветров тьма.
Туда глядит он, где в пустой дали
Бегут в поля последние дома.

Ваала рдеет чрево. Городов
Коленопреклоненный хоровод.
Несметное число колоколов
Из чёрно-башенных морей встаёт.

И пляска корибантов так тяжка,
И музыка толпу уносит в храм,
Дым фабрик, устремляясь в облака,
Вздывается над ним, как фимиам.

В его бровях — дыханье частых гроз.
Надвинувшейся ночью вечер смят,
И бури, вспархивая из волос,
Над городом, как коршуны, кружат.

И кулака могучего удар
Качает ночь. И мчатся фонари
По улице. И там бушует жар,
Пожрав её до утренней зари

ПРЕДВЕСЕННИЕ ВЕЧЕРА

У нищего костыль отняли дети,
Он у столба уставился давно
На красное родимое пятно,
От шеи до спины в фонарном свете.

Рабочий, в щепки расколов бревно,
Стучит по стали, час, другой, и третий.
Влюблённые сидят на парапете
И кормят лебедей. Уже темно.
И видно в жёлтом зеркале пруда,
Как над прибрежным лесом облака
Уносят блеск, и дня стирают краски.

Из розовой голубизны звезда,
Чиста и одинока, и ярка
Горит. И дождь придёт из тихой сказки.

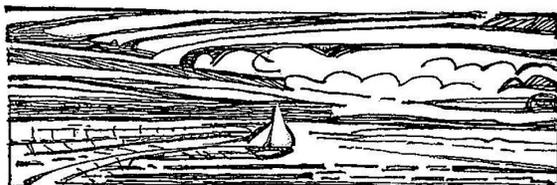
Перевод с немецкого

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

* * *

То аквитанский князь, то веселей щегла,
Зимою замерзал — и видел Лорелею,
То в Дочерей Огня влюбленность обожгла,
То в «Опера Комик» свою искал он фею.
И снова без пальто топтал он тротуары,
Ему с небес вещал архангел Михаил,
Под чью диктовку создавались мемуары,
Что бледность Авеля таят и мрак могил.
Он помнил Корсиканца царственных супруг,
Но оттолкнул тот Жозефину и Свободу
И славный Шарлемань впустил его в свой круг,
И пурпур Иудеи свет струил сквозь воду...
И в завершение оккультных всех прогулок
В глухом шатре уснул он, Митрою храним,
На Рю-де-Вьей-Лантерн, и в темный переулок
Осирис и Гермес пришли прощаться с ним.

Перевод с французского

(1984–2011)

ОБРАЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Эссе

«Слово о полку Игореве — величайшая патриотическая поэма Древней Руси. Написана она о походе русских князей Игоря и Всеволода на половцев. В этом походе князья потерпели поражение. Это произошло не от недостатка храбрости у русских людей. Русь была в то время раздроблена, погрязла в постоянных междоусобицах князей. А для того, чтобы победить половцев, князьям надо было объединиться. Поэтому основная идея произведения — призыв к объединению русских князей.

Большую роль в «Слове...» играет русская природа. Она предостерегает и поддерживает русскую дружину, тоскует после поражения. Русские земли велики и необозримы. Леса, полные зверей и птиц, многоводные реки, живописные луга. Красивые русские города, стоящие на холмах, радуют взор. Обильные и многообразные русские земли резко контрастируют с бескрайними дикими половецкими степями. Недаром автор и говорит в «Слове...»: «О, Русская земля! Уже ты за холмом!» Он хочет выразить в этой фразе чувства русских людей, затерянных в огромной, враждебной им степи, уже потерявших поддержку родной земли.

Родина — это не только русская природа, города, но в первую очередь, люди, населяющие её. Не только природа поддержива-

ет дружину Игоря и горюет о ней, но и, конечно же, русские люди. У всех воинов были родные: матери, отцы, жёны, дети. Поражение обернулось великим горем для Русской земли: жёны остались без мужей, дети — без отцов, родители — без сыновей. Русские люди, являясь частью своей Родины, всем сердцем переживали это горе.

Игорь и Всеволод были мужественными людьми. Они знали, что не смогут победить половцев, но честь для них была превыше всего. Не только честолюбивое желание руководит их поступками, а также великая любовь к Родине. За Родину сражались князья с половцами. Игоря и Всеволода нельзя назвать идеальными героями, т.к. они повели дружины на верную смерть, а набег половцев на Русь продолжались. Но их любовью к Родине, их мужеством в бою за Русскую землю нельзя не восхищаться. Поэтому в конце «Слова...» автор славит и князей, участвующих в походе, и их дружины.

Самым положительным героем в «Слове...», воплощением мудрости является киевский князь Святослав. В своём «золотом» слове он говорит, что Игорь и Всеволод «... рано начали Половецкую землю мечами досаждают, а себе славы искать...». Святослав понимает, что князьям нужно объединяться, сетует на то, что они постоянно ссорятся между собой. Из «золотого» слова видно, что все его думы о государстве, о благе русского народа. Святослав предстаёт перед нами мудрым государственным деятелем.

Всё «Слово о полку Игореве» пронизано болью за Русь, раздираемую междоусобной борьбой. Автор делает много отступлений, обращаясь к старым векам, когда Русская земля славилась своей силой. И это контрастирует с тем временем, в котором жил автор «Слова...», когда Русь страдала от междоусобиц князей и опустошительных набегов половцев.

Автор обращается ко всем русским князьям поочерёдно, призывая их к объединению, к бою «... за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославовича!»

Необыкновенно яркой героиней «Слова...» является Ярославна. В ней воплощены лучшие черты женского национального характера. В её плаче чувствуются любовь и преданность мужу. Она призывает природные стихии помочь Игорю и его дружине, просит вернуть к ней Игоря живого и невредимого. Ярославна тоже любит свою Родину и понимает стремление Игоря пойти в поход за Русскую землю, смиряется с этим.

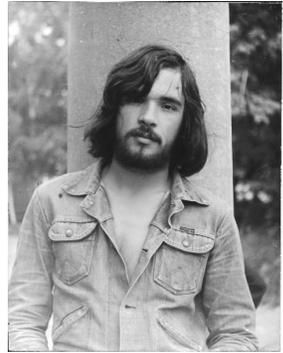
Создатель «Слова...» — сын своего времени и своего народа. Он истинный патриот своей Родины. В его призывах к князьям объединиться и отомстить за Русскую землю, за раны Игоря видно его отношение к своей Родине. Он смотрит в лицо действительности, изображая в своей поэме поражение русской дружины. И, при этом,

в «Слове...» нет ни тени уныния, оно проникнуто заботой о будущем Русской земли. Автор, скорее всего, сам участвовал в походе, так как в поэме много мелочей, которые человек, не участвующий в событиях, не мог знать.

Образ Родины является центральным всеопределяющим в «Слове...». Автор, призывая князей к объединению, призывает любить свою Родину — Русь. Слово Родина объединяет в себе всю Русь: русскую природу, русские города, русских людей. И всё это зовётся в «Слове...» — Русская Земля.

*(9 класс «А», средней школы № 5,
1998 год, Танае — 14 лет)*

Аркадий Славоросов

(1957–1995)

ЛАРЫ

В субботу она вдребезги рассорилась с Всеволодом и решила начать новую жизнь. Переродиться она, как обычно, отправилась к Вике, но судьба хихикнула из-за угла: Вика исчезла из города, не оставив ни записки, ни ключей от квартиры — её точно всосало в воронку очередного любовного приключения. Вика и всегда напоминала ей бестолковое дерево на ветру или стаю вспугнутых птиц, но после такого сюрприза ей просто захотелось её отшлепать, или оставить без сладкого, или запретить разговаривать с мужчинами целый месяц.

Она сидела на ступеньках перед запертой дверью и чувствовала, что бессильная злость выдавливает из неё, как из тюбика с клеем, едкие прокисшие слёзы. Всеволод уже должно быть шёл по следу. Если он нагрянет сюда и застанет её в таком положении — это провал, хуже, чем попросить прощения у его мамочки. Генетическое торжество Данилевских. Такого удовольствия она доставить им не вправе. Она высморкалась и отправилась на вокзал: запасной вариант обнаружился за подкладкой памяти. Через сорок минут автоматическая касса изрыгнула из своего грохочущего чрева счастливый билет до девятой зоны в один конец. Она приняла его, как индульгенцию, и с чувством оплаченной безопасности пошла искать нужный путь. Душой она была уже на тёткиной даче.

Собственно, это и не дача, но половина дома. Дача — что-то не совсем нравственное в принципе, точно летний мимолётный роман без любви, в отличие от пусть неказистого, но устойчивого, пропи-

танного потом памяти, жилья. Недаром тётка не может продать его, предать, и память фантомной болью живёт там, где уже и болеть-то нечему.

Дом — улика, вещественное доказательство, и тетку влечёт сюда, как преступницу на место преступления. Будто прошлое — это преступление.

Дом преломили, как хлеб, — на другой половине обитает безумный Одинокоев. Она приезжала сюда раньше с матерью за яблоками и неухоженность редкого, словно процеженного осенью сада, бесильная, но благородная, как одинокая старость, произвела на неё одновременно болезненное и успокаивающее впечатление. Тётка отяжелела за последнее время, и сосед Одинокоев присматривает за домом в её отсутствие. Запущенность перешла в хроническую форму, когда обветшалая вещь или человек могут существовать в таком полуразрушенном состоянии годами, уже до срока, положенного судьбой.

Сад плодоносил сам по себе, а в доме жил сверчок. То, что дом в Марьине — идеальное убежище, как-то не приходило ей в голову. Слишком невнятно ощущалась связь с этим местом, помимо зимних липких банок с вареньем и принудительных поездок за город, одергивающих опасное городское веселье последних каникул. Так маленькой она недоумевала, когда ей говорили, что она похожа на маму или, что этот громадный чужой человек — брат её отца. Но обиженная, обманутая плакать она приходила к маме и спасать себя из канатного ящика — была такая немудрёная пиратская казнь — своих полусемейных отношений ехала теперь на восемьдесят второй километр.

Двери пронзительно зашипели, и путешествие подтолкнуло её в спину грубоватым дружелюбным толчком — электричка тронулась. Она качнулась, как хмельная, — всё, она вне пределов досягаемости их ядовитого внимания, и громоздкая сеть агентуры — володочки, лившицы, анны геннадиевны — осталась с носом. Перрон поплыл, будто внезапно тронулся лёд, и вокзал непрошеной мутноватой слезой вытек из окна.

Праздная субботняя электричка врала что-то своё. Подвыпившие лётчики, осенние дачники, женщины с сумками, женщины с детьми, женщины без детей и сумок, но с неопределённой тоской в глазах, подмосковные старушки, заезжие армяне — все они жили в разорванном пространстве и только здесь, в грязноватом грохочущем вагоне, обретали мимолетное единство. Электричка, как новое объединяющее начало реальности, Сорок минут на работу, сорок — с работы, час двадцать в день, чтобы побыть наедине людьми. Пёстрая стая пассажиров летит со страшной скоростью через

осенние поля и леса, словно на Вальпургиеву ночь. Именно скорость разорвала пространство, электричка, как бесстыдная застёжка-молния, свистит: проржавелому октябрьскому Подмосквью, и оголённая земля стынет под жирноватым брезгливым небом.

Она упирается горячим виском в стекло, слушая, как рядом сочится рассказ невидимой соседки о её несчастной любви. За окном теснятся деревья, похожие на дорожных рабочих в оранжевых жилетах. Под деревьями уже начинается вечер. Она пытается думать о чём-то совсем постороннем, как чужие стихи, но память лукавым, дразнящим лешим выводит на старое заколдованное место. Непогашенное раздражение томит её, как изжога. Стыд яблочной целлюлоидной шкуркой застрял где-то под ложечкой. Когда она ругалась с Данилевским, то сама себе казалась карикатурой. Ей методично навязывали роль домашней кретинки. Она иногда просыпалась ночью от явственного чувства, что её неумолимо затягивает безвидная топь. Всякое движение только ускоряло процесс. Что ни делай (или не делай ничего) — результат один — ещё несколько сантиметров вглубь семьи Данилевских. От отчаянья она начинала базарно скандалить, биться, жужжа, как ошалелая муха между рамами, и тут же ловила готовное презрение в глазах Всеволода, и злорадное узнавание в глазах мамочки и присных — этого от неё и ждали. Они все были плоскими, как телевизионное изображение — дурной бесконечный сериал на темы семьи и быта, халтура в человеческих отношениях. Её совесть отличалась абсолютным внутренним слухом — как она попала в этот сводный, левый оркестр? Как могла она так ошибиться?

Женщина с сырым голосом всё точит и точит историю своей любви, за гранью зрения и на краю слуха. Под виском летят откосы, темнеющие поля, стремительные пустые платформы.

«Ему дали сперва четыре года, да он там ещё чего-то натворил — добавили ещё три. Семь лет — кто ж это будет ждать семь лет?»

Она вспоминает выражение всеволодова лица. Интонацию его голоса. Стыд укусной волной заполняет её сознание, как жгучая голодная слюна павловской собаки. Его кислое лицо, точно ранка в памяти. Опыт унижения бессрочен. Любовь, боль, страх меркнут в памяти, как за пеленой усиливающегося дождя, но уроки стыда обжигают каждый раз с первоначальной силой. Детсадовская дразнилка или школьное предательство могут настичь, наверное, и посередине старости, как мелкий смертоносный осколок, шевельнувшийся под сердцем. Ей кажется, что вся их условно-семейная жизнь с Всеволодом — попытка бессмысленной и жестокой дрессировки. А ведь где-то присутствовало и такое слово — «любовь». Как могла она так обмануться? Как школьница, коллекциониру-

ющая автографы, как Вика? Когда она спрашивает себя, как могло произойти с ней такое, вместо ответа возникает волшебное видение, аллегорическая картинка, цветной слайд в темноте памяти: она проснулась оттого, что её кто-то позвал по имени. Комната пуста, как в детстве — взрослые ушли на работу. Голос гаснет в светлом бессолнечном воздухе. Она встала и не раздумывая пошла за ним, пустая и готовая — её позвали. Она вышла из тусклой путаницы комнат и коридоров коммунальной квартиры на лестницу, точно стянула через голову тесную рубашку. На лестничной клетке стоял — не падал, не лился, но стоял — ослепительный свет белого дня, белого часа, в который совершается чудо. Таким необъяснимым светом, существующим независимо от источника будто сияет само преобразенное пространство, выхвачены обычно из шевелящейся коричневатой рембрандтовской мглы времени самые ранние воспоминания жизни.

На площадке переминался с ноги на ногу человек. Он обернулся — она узнала его. Бледноватое комнатное лицо с надменно испуганным изгибом губ. Это он позвал её, решила она — и не пошла дальше.

Он обманул её. Что он делал там, зачем оказался на чужой лестнице в чужой урочный час? А ведь Всеволод любит её по-своему и жалеет её за то, что она не такая, как он. В его прикладной этике жалость — лишь форма презрения, как и любовь. Душа у него холодная, как стекло. Бабочки летят на огонь и врезаются в окаменевший воздух — в оконное стекло на их безжалостном пути, расплющиваются с лёту, гибнут, дыры. Хочешь сгореть, но вместо этого расплющиваешься о запотевшее ночное стекло. Может быть, любовь — это недоразумение? Ошибка, некоторое несоответствие между своим результатом и ответом в задачнике — и в него, как в трещинку, проваливается целый мир. Бесконечность после запятой. Вечная путаница с любовным напитком. И не было никакого обмана — была незыблемая ошибка. Свидетельство тому Вика — они ведь и встретились на самом деле у Вики, на очередном её безумном рауте — звон, свет, толчея, шёпот. Гости, точно ожившая колода карт. Всеволод показался ей иным, причастным ко всему происходящему, но каким-то совсем особым способом. Так мог бы присутствовать на безумном чаепитии Льюис Кэрролл. Они выбрали друг друга. До сих пор она не знает был ли Всеволод очередной викиной ошибкой или только случай, световой блик, дрогнувший в серебряной ложечке, свёл их.

Вика, бабочка-камикадзе, она уже пристрастилась к этой щемяще-сладкой отраве, ей нравится ошибаться, и отвори ей окошко, она испугается смертельно — как же, пустота, свет, не обо что

и стукнуться-то. В зыбкой толпе своих приятелей и друзей она кажется единственной настоящей — это реальность марионетки в театре теней. Вика — добрая душа, но что-то истончается в ней; всё больше игры и всё меньше жизни, даже её забавная мимика превращается в условную систему знаков, обаятельный световой телеграф. Хочется её окликнуть. Ошибка накапливается, погрешность растёт и становится страшно, как бы с ней не произошло обратное превращение деревянного лгунишки Пиноккио. Но в чём её вина и был ли у неё выбор? Даже самые удачные пары настораживают едва уловимой, но томящей болезненностью своей любви, некоторой неуютлённостью, сладковатым привкусом утраты — точно ползучий космический сквознячок, ставящий под сомнение их мир, покой, уют, телевизор. Даже Гнедичи — счастливее брака она не знала — порхающие друг возле друга, как бледные ночные мотыльки, высвеченные любовью до прозрачности, погружённые друг в друга и отрешённые, как влюбленные йоги, смущали её какой-то смутной болью своих отношений. Словно невнятная тоска музыки за стеной. Может быть, всё то, что называют здесь любовью, эта горечь, эта высокая скука — только формула невозможного? Разве не об этом — хмельные лёгчики, пустые откосы, чёрная птица над отсыревшим лесом? Разве не об этом всё?

«С кем же ты тут без меня гуляла? — это он ей, значит,»- говорит женщина над самым её плечом, и она, наконец, оборачивается. У соседки незавершённо-прекрасное лицо, бледное и чуть оплывшее, как стеарин, кажется, что его только что вылепили и оно ещё хранит мягкую силу уверенных пальцев мастера. Она рассказывает и рассказывает свою протяжную историю мятой старушке, сочувственно дремлющей у окошка.

А, может, всё совсем просто: она застонала во сне или вскрикнула и спросонок приняла голос собственного спящего тела за чей-то зов, а зова никакого не было. Примите холодный душ и успокойтесь.

«Восемьдесят второй километр», — голосом простуженного чревоушателя внезапно объявил репродуктор. Она бросилась к выходу и едва успела протиснуться между закрывающимися дверьми, вывернувшись из их устрашающих объятий — надо же, чуть не прозвала. Электричка гикнула по-разбойничьи и пропала, будто фокус с исчезающими предметами, только искусственный железнодорожный ветер шевелит волосы на голове.

Она точно сошла с ярмарочной карусели. Приходится перебороть валковую, — как полоса прибоя, волну инерции, чтобы удивиться тому, что мир на самом деле устойчив и неподвижен. Перрон пуст, как соловецкий берег. Посёлок за станцией не подаёт признаков жизни. Он точно присел за кустами на корточки, притаившись.

Ей странно, что она очутилась здесь вдруг. Раньше пространство приходилось приручать постепенно, долго путешествуя, его превращения во времени протекали неприметно, как просеивание зерна или созревание плода. Теперь оно сделалось прерывистым и непредсказуемым — пространство сна, видения, вечерней меркнувшей сказки для непослушных детей. Из собственной квартиры выходишь прямо в заповедный лес, в тридевятое заграничное царство, в другое измерение, на платформу «82 километр». Страшноватая сказка скорости. Но этому скворечному посёлку под облетевшими деревьями снятся какие-то совсем другие сны. Деревья, как живые антенны, вылавливают что-то голыми чуткими ветками в пустой высоте над крышами.

Посёлок, как освобожденная территория, чувство свободы и опасности смешивается в ней, когда она вступает на тихую, точно запрокинутую в мокрый бурьян, улочку. Под ногами утоптанная чёрная земля в налипшей чешуе влажных листьев, будто здесь чистили золотую рыбу. Земля гасит звук шагов, отслаивает его с твёрдых каблучков, и вместо привычного цокота — пустота, обман слуха. Воздух густой, как настоявшийся суп, заправленный палым листом и приперченный горьковатым осенним дымом. Пусто, точно в школе после занятий.

Наверное, потому что детство ей пришлось провести в громадной запутанной коммунальной квартире, она, порой, весь мир воспринимает, как помещение со множеством комнат, коридоров, чуланов, лестниц и чёрных ходов. Сейчас она — удивлённая школьница в покинутом актовом зале октября. Она идёт сквозь осеннюю распутицу. Тут и там чернеют лаковые и неподвижные, как крышки роялей, лужи. Красный лист срывается с ветки, дразнящим язычком лизнув стеклянный воздух. Тихо, как будто она уходит всё дальше вглубь китайской осенней картины. Но по мере того, как она углубляется в неё, какое-то неуловимое присутствие начинает проступать в мнимой пустоте под деревьями. Скрытое прозрачное движение постепенно захватывает её — там вспыхнет жёлтым падающий лист, здесь другой прочерчивает огненную дорожку по сетчатке глаза, там коротко всхлипывает случайная лужица и снова падает, падает лист. Словно хоровод невидимых духов, пугливых, ласковых, весёлых кружится под деревьями, приближаясь и отступая, вытанцовывая свой лёгкий танец — только что за полу не дёргают.

Раздражение, неугасимо живущее в мозгу, точно рваный огонёк газовой зажигалки, беззвучно погасло, выдохлось. Она вдруг замечает, что от самой станции ни о чём не думает. Это там, среди людей и стен, необходимо постоянно обдумывать что-то, как удерживать равновесие на проволоке, жить в болезненном напряжении ума, но

здесь само окружающее настолько исполнено значения и смысла, что остаётся — молчание. Как там думать, здесь — дышать. Радостным присутствием смысла пропитано всё — зрение, слух, воздух, который она вдыхает очнувшимися лёгкими. Она уже не только то, что она думает — утомительный ток полусвоих мыслей, непрерывный, как струйка воды, сочащаяся из плохо прикрытого крана в кухне, зеркальное отрепье сознания, слабо мерцающая ниточка в лампе накаливания. Раздвинувшаяся вглубь перспектива — точно вдох пространства — обнаруживает насколько она больше самой себя. Раздвинулись створки дверей, и осенняя глубина, и протяженность — вовне и внутрь — не требует обдумывания, точно просчитывания на стёртых конторских счётах.

Это пограничное время, когда день уже кончился, а вечер ещё не начался, всегда действовало на неё странным образом. Будто высокий гребень реальности, и она осторожно ступает по нему, совершенно свободная от условностей дня и лукавства ночи. Сумерки — волнующее, но не совсем точное название; это не мрак прячется там под деревьями, это сам свет меняет свой характер. Он словно входит внутрь предметов. Прикровенный свет остывающей золы. И уже нельзя говорить о великолепном убожестве высоких крон, о дворцовой роскоши и декадансе осени — литература кончилась, начинается правда. Предметы теряют определения, точно она постепенно забывает слова. Изменившееся освещение, как внимательный взгляд из-под отяжелевших усталых век. Всеволод, мамочка, Вика и прочие — стайка зыбких галлюцинаций, роящихся на периферии сознания, но их срывает, уносит безвозвратное дыхание осени и ночи. Предвечерье влажным листом подорожника легло на саднящую царяпину в мозгу. Может из-за сумеречного света возникает ощущение, будто вошла комнату к больному человеку, даже тяжеловатый запах листвы напоминает запах серьёзных лекарств. Но это не тягостное, а напротив, светлое чувство, чувство милосердия, будто она сиделка, пришедшая к умирающему. Но кто же больной, если кроме неё здесь никого нет?

Она вдруг обнаружила, что очутилась в совершенно незнакомом месте. До сих пор она послушно шла на поводке памяти (второй поворот налево, первый направо, дальше мимо магазина и у колонки свернуть), но в какой-то момент очередная подсказка оказалась неверной, и она точно шагнула в безымянную пустоту. Место совсем незнакомое, как заколдованное. Дача за зелёным штакетником с налитыми непроницаемой темнотой окнами, рябина в засохших болячках почерневших гроздьев, унылая куча битого кирпича, два столба с перекладиной для качелей — никаких ориентиров, память вдруг отказала. Будто снимали таблички с экспонатов на странной

выставке. Она оборачивается растерянно и вдруг — точно сердцем наткнулась на что-то. Место мгновенно становится нестерпимо узанным — до ломоты в висках. Вот же: скамейка в перочинных любовных иероглифах, два столба с перекладиной для качелей, бывшая дача Гиацинтовых за зелёным штакетником. Словно переспелый лиловатый плод сумерек брызнул вдруг ярким светом давнего детского лета. Сюда, в травяной тупиковый конец улицы Некрасова собиралась беспризорная дачная мелкота — от картавых дошкольников до угреватых отроков с английским уклоном, несчастных и надменных, как павианы. Здесь шла непрекращающаяся игра, и день был бесконечным. Здесь совершилась драма её первой любви. Он был старше её на четыре года — на эон, на четыре такта вечности — и абсолютная недосыгаемость делала его ещё более прекрасным таинственным обитателем каких-то иных сверхчувственных сфер. Там разговаривали странными ломающимися голосами и покупали дешёвые сигареты в станционном магазине. Как она ненавидела своё неразвитое жалкое десятилетнее тело. Оно было помехой, ловчей ямой, из которой она не могла выкарабкаться туда. Ей хотелось вырваться из него — вверх. Тело было малоподвижной глупой личинкой на зелёном листе лета, но она — она-то на самом деле была бабочкой.

У него был настоящий гоночный велосипед, круторогий и хрупкий. Породистый велосипед дымчато сиял на солнце хромированными деталями, Однажды они встретились на мгновение, вот здесь, возле лавочки и качелей — он обратил на неё внимание. Он небрежно переговаривался с кем-то из больших мальчиков, закинув ногу в седло велосипеда. Он был, как всадник. Неожиданно он обернулся и посмотрел прямо на неё. Лицо темнело в слепящей кайме полуденного солнца — не различить черт. Но она чувствовала, что летит, как бабочка в узком луче прожектора, в воздушном коридоре, в небесном пространстве его взгляда. Чудо всегда мгновенно. Он легко оттолкнулся носком от земли, и втулка внятно затикала, точно закрутилось колесо времени. Стальные спицы слились в сияющее жемчужное облачко. История её любви кончилась. С того дня она утратила к нему интерес. Да, он ли нужен ей был и раньше?

Пока яркая картинка угасает в сумраке памяти она успевает пройти узким проулком с глухими раскольничьими заборами и свернуть прямо к дому. Стало уже совсем темно. Она отворила визгливую калитку и, оступаясь, прошла по угадываемой тропинке к дому. Ей кажется, что лицо её чуть светится в непроглядной темноте. Звуки и запахи дырявят ночь. Сад охвачен невидимым пожирающим огнём тления.

Дом припрятан в глубине участка, как старинный ларец, сундук, купеческий клад. На одиноковской стороне светится карамель-

ное окошко, но их половина увязла в темноте по конёк крыши. Она пробирается ощупью к крыльцу, касаясь настороженными пальцами стены. Сырые шершавые щёки старых брёвен узнают её. Но в условленном месте ключа нет — только сор и паутина потайного угла. Тусклый запах спящего дерева. Спотыкаясь, она обошла дом и постучала в светящееся разбойничье окошко. Исполинская напуганная тень заметалась по стеклу, точно в комнате срочно перепрыгивают сокровища, потом в прорези занавесок возник блестящий, стеклянный от близорукого напряжения глаз и тут же пропал. Всё стихло. Она терпеливо ждёт. Одинокские штучки. Наконец, дверь медленно отворилась и после минутной паузы Одинок спросил севшим наждачным шёпотом из глубины сеней: «Приехала? Отпуск что ли?» Его рыхловатое лицо белеет в редющей темноте, как всплывший к поверхности моллюск. «Здравствуйте, Аркадий Аркадиевич! Отпуск. Приехала,» — ей радостно видеть Одинокова, переговариваться с ним через порог из тлеющего сада — она чувствует себя здесь на месте. Пароль — слово «приехала». «Счас», — сосед начинает старательно греметь в потёмках множеством разновеликих, судя по звуку, предметов и, наконец, вытягивает откуда-то жестом растерянного фокусника связку ключей. Она благодарит, но Одинок снова спрятался за дверь. Уже сворачивая за угол, она слышит, что он кричит ей вслед бледным ангинным шепотом: «Э! Э!» — такими неопределёнными возгласами обычно, объясняются с незнакомыми животными или иностранцами. Она обернулась. «Спокойной ночи!» — шелестит говорящая темнота в дверном проёме. В доме сухо, тепло и тускловатый электрический свет заполняет комнаты жидким золотистым маслом. Чисто, и нехитрая утварь прибрана аккуратно, как старушечий узелок, — Одинок верно выполняет свои обязанности. Она обошла обе маленькие комнаты, кухню с газовой плитой, будто проверяя на прочность и неподдельность это своё новое жилище. В ней возникло чувство освобождения, не разрушающего, но мирного, как освобождение ростка из плена зерна. Ей кажется, что она долго-долго ехала сюда. Всё необъятное пространство мира было тесно ей, и вот, наконец, она выбралась из него, как из кокона, выпала в эту янтарную от близорукой лампочки свободу. В шкафу, среди ослепших от пыли банок с крупой, она нашла пакет ванильных сухарей и заварила себе чай с чабрецом. Вот так сидеть и просто пить чай с чёрствым сухарём — это дар, внятно ощутила она. Она сейчас узнала значение слова «мир» и значение слова «дом» тоже. Дома и в мире — одно. Быть дома — это быть там, где должно, и быть самим собой и пить горячий чай, макая в него сухарь. Как далеко и давно шла утренняя война, безжизненная, точно игра в шахматы, и бескровно-жестокая, как гражданская война

насекомых. Их с Всеволодом любовь была хроническим предательством. Она думает об этом с удивлением, настолько очевидна неправда их отношений. Здесь, на нейтральной территории, неправда есть только неправда и думать, в общем-то, не о чем.

Над столом прикинута репродукция рублёвской Троицы из «Огонька», словно окошко в следующую комнату, залитую таким же неярким, но сильным золотым светом. Дом чуть поскрипывает, как люлька, подвешенная в саду. На комодике она нашла книжку без переплёта — «Сказки братьев Grimm» — и забралась на кровать, почитать. Ей внезапно сделалось смешно: «Здесь они меня не достанут!» Осенняя ночь за окном чернее гипнотизёрского зрачка. Ей кажется, что она оторвано летит в лимонадном пузырьке света сквозь бесконечное чёрное небо над остывающим миром. Где-то там, внизу, спит Всеволод с растерянным и злым лицом. «Так странно, — подумала она. — Будто искали выход и наткнулись друг на друга в потёмках и прилипли друг к другу, как пластилиновые человечки». Их подхватило злым ночным сквозняком и понесло куда-то от входа, по бесконечному коммунальному коридору мимо пыльных шуб на вешалках и пугающих зеркал, по замкнутому тёмному семейному кругу.

Сказки убаюкивают. Она достала из комода чистое бельё и постелила постель. Половицы под ногами кротко постанывали гортанными невольничьими голосами. Она выключила свет и в незрячей растительной тьме забралась под одеяло.

Круг — это фигура на плоскости. Если нет больше сил ползти, остаётся одна возможность — лететь. Ей кажется, что она обретает сейчас новое вертикальное измерение. «Боже, — думает она. — Любовь.»

Засыпая, она глубоко вздохнула и из груди вырвался непривольный протяжный стон, похожий на звук рассыхающегося дерева: она ещё успела подумать, что в человеке всегда живёт нечто помимо сознания, как в запертом пустом доме.

Она проснулась от ясного чувства, будто кто-то мягко положил ей на лоб прохладную ладонь. Она улыбнулась из нежной глубины сна и хотела открыть глаза, но побоялась спугнуть это странное ощущение присутствия и защищённости. По мере того, как трезвящий холодок яви просачивается в сознание, чужая ласковая рука становится всё легче и легче, словно её владелец растворяется в воздухе, становясь бесплотным и незримым — наступило утро. Она открыла глаза. Утро — как стеклянный сосуд, наполненный холодной прозрачной жидкостью. Ей кажется, что комната терпеливо ждала её пробуждения. Покой этого места и мига неизмеримо больше неё, как небо, и оттого бесспорен. Да и она сделалась больше самой себя,

точно душа вышла из берегов и затопила окрестности. Маленькое «я», как червячок в огромном терпком яблоке какого-то из поздних сортов. За осенним акварельным окном угадывается ожидание. Она выглянула в сад. Полосы жемчужного тумана стелятся среди неподвижных деревьев. Кроны, как авоськи, набитые светом. Она отворила дверь террасы, и ментоловый ветерок взъерошил волосы. Сад раскрыт, как объятие. Она своя здесь.

Рукомойник звякает, коротко плеснув последним глотком воды — надо идти к колонке. Она взяла ведро и вышла из дому. На своей половине участка, по колено в тумане, стоит Одинок в чёрном пиджаке, брезентовых штанах и сапогах. Одинок похож на окруженца. Он медленно поворачивает голову, и его круглое лицо точно вспыхивает в текучей глубине утра. Она подошла к нему по пограничной тропинке: «Доброе утро, Аркадий Аркадиевич!» У соседа лицо клоуна, забывшего свою реплику или сектанта-пятидесятника. Разговаривая, он держит приподнятым подбородок точно плывёт по-собачьи. Подумав, он ответил ей: «Здравствуй. Как тебе спалось на новом месте?» «Замечательно, — сказала она. — Я так не высыпалась со времен детского сада.» «Когда твой сон охраняют, спится чудесно, — вдумчиво проговорил Одинок, словно пробуя сказанное на вкус. — Как вы вообще живёте там? — он неопределенно кивнул в сторону станции — Дом здесь. Там — квартира. Безжизненная коробка. Жилая площадь. Во всём должна быть душа. Раньше считали, что у каждой вещи есть свой ангел. С такой-то вещью можно ощутить родство. Знаешь, Франциск Ассизский называл огонь братом, а воду сестрой. Но какой, скажи мне, может быть ангел у бетономешалки? Электрическая плита не будит братских чувств, или, может, я совсем отстал от жизни здесь, на огороде? Водятся ли в кооперативной квартире домовые? Во всём должна быть любовь, — Одинок поднял палец и посмотрел на неё большими глазами. — В доме обитают духи домашнего очага. Лары, по латыни. И души умерших. Китайцы каждый раз здороваются с ними, переступая порог. Прошное забывать нельзя. Ещё страшнее забывать настоящее». Ей стало интересно. «Что такое любовь?» — спросила она. Одинок оживился, даже чуть склонился к ней в церемонном поклоне. Он уже не вещает, но, точно на пальцах, выкладывает, что же такое любовь, говорит приватно: «Человек есть сумма общественных отношений, так? — она кивнула. — Понимаешь, все мы суть коммуникации, провода, человечество единая гигантская энергетическая система. Неизмеримо — неизмеримо! — сложная электрическая цепь. Отдельный участок цепи это и есть человек, так? — она кивнула. — Но вот в сети от человека к человеку, возникает ток. Это и есть любовь, так? — она кивнула. — Но, когда возникает ток

вокруг проводников, и отдельного участка и всей системы в целом, возникает поле. Это — душа. У меня суп на плите», Одинокое повернулся и пошёл к дому, раздвигая сапогами туман, точно ступая по облакам. Она уже отворила калитку, когда опять услышала обеспокоенное одинокое: «Э! Э!», — как птица на болоте. Он что-то вспомнил. Его плохо видно отсюда, словно он полурастворился в белой наползающей дымке, но видимо компенсируя недостаточность зрения он даже не кричит — орёт от крыльца, приседая от напряжения: «Человек, — орёт Одинокое. — Человек — это осуществление невозможного!»

День раскручивается, как старинная детская забава — обруч на палке. Она наносила воду с колонки и взялась мыть полы. Обшарпанные доски, кажется, теплеют под её руками, точно кровообращение восстанавливается от массажа, и она, как опытный экстрасенс, улавливает лучистую энергию благодарности, исходящую от дряхлеющего дерева, Она скребёт пол, усердно изображая взаправдошную хозяйку, подыгрывая одинокоему дому, и это приятно им обоим.

До обеда она решает сходить в магазин. Поселок по-воскресному умиротворён, тут и там угадывается внутри домов, словно за створками раковин, своя мерцающая, скрытая жизнь. Пахнет дымком. Ближе к станции уже встречаются редкие прохожие. Вообще, от железной дороги даже тянет свежим ветром, как со взморья. У дверей магазина нерассасывающаяся кучка подвыпивших людей с искажёнными и агрессивными одновременно лицами. В магазине царит осеннее запустение, и молоденькая продавщица похожа на садовую сою. Она купила хлеба, маргарина и сахара. На обратном пути крошила немного хлеба в одинокоевскую птичью кормушку, и тут же прилетела какая-то незнакомая птица, чёрная и серьёзная, как принц Гамлет.

Дома она попила чаю с вареньем и поставила на огонь воду, чтобы постирать занавески. Когда в городе на неё находил стих уборки или стирки, в этом было что-то мелодраматическое. Всеволода ужасно раздражали её домашние хлопоты, но она не могла остановиться. Она целиком уходила в эту горячую и мокрую суету — лишь бы отвлечься, забыться, и занятия хозяйством приобретали характер запоя или супружеской измены. Здесь же всё происходит необходимо и естественно, как сон, еда, уход за стариками. Правда, какое-то новое чувство возникло в ней и не даёт окончательно успокоиться, как камешек в ботинке гармонического человека. Она постирала и развесила на скрипучей террасе занавески и скатерть, превратив её в палубу контрабандистского баркаса, уходящего от погони, спустилась в мёрзлый погреб за картошкой, разобралась в чулане, набитом

рухлядью, ещё не вступившей в возраст антиквариата, но что бы она ни делала её не оставляло это чувство — словно от неё ждут чего-то более определенного. Как в детской игре со спрятанными предметами: «Холодно! Холодно! Теплее...» За домашними хлопотами день как-то скоростижно померк, и она включила свет. Темнота уткнулась сырой ночной мордой в стекло. Она решила разобрать вещи в шкафу и открыла дверцу. Дверца скрипнула, как вскрикнула. На полках пыль, старые книги, мёртвые письма, открытки с довоенными поздравлениями и школьные тетрадки. Поверх бумажного завала лежит толстый альбом в дерматиновом переплёте — специально для неё приготовленный подарок. Она взяла его в руки и ощутила зыбкое тепло под пальцами.

Она открыла альбом. Ей кажется, что в комнате (или в ней самой) что-то изменилось. Словно дом осветился новым внутренним светом, или поднялась к вечеру температура, или кто-то окликнул её по имени. Она даже выпрямилась, как за партой. Старинные фотографии начала века, цвета сепии, мягкого и строгого, впитывающего взгляд. Где-то она читала, что коричневый фон старинных портретов обозначает живую тьму вечности. У вечности карий глаз. Она перелистывает шершавые тяжёлые страницы — это словно вызов духов. Лица, старые и молодые, улыбающиеся и серьёзные, бесплотные светлые лица, объединённые общим выражением глаз, смотрят на неё через выпуклое окошко объектива. Женщины в пышных платьях с задумчивыми младенцами на руках — этих детей, наверное, уже нет в живых, сосредоточенные усатые мужчины, строгие старухи из девятнадцатого века, мальчики и девочки, бледные, как на экзамене, сёстры милосердия с кроткими лицами монахинь, студенты, военные, железнодорожники смотрят на неё пристально, выхваченные фотографическим аппаратом из текучего вещества времени. Интерьера не видно, из-за несовершенной печати всё сливается в клубящееся коричневое облако за их спинами. Ментальный фотографический рай. Ей вспомнилось, как однажды, не застав дома свою старинную подружку Светку, она от избытка времени и любопытства зашла в церковь возле метро. Шла заупокойная служба — даже она поняла это. Множество свечей, словно трепещущая огненная листва, делали зримым коричневый скорбный сумрак, и хор стонал в глубине: «Вечная память». Священники в парчовых облачениях сгрудились в центре и невнятно бормотали — то ли плакали, то ли выпевали имена, имена, нескончаемые имена усопших. Ей показалось, что воздух в церкви уплотнился и колеблется, слюдяно мерцающая, точно от присутствия бесчисленного сонма поминаемых душ. Ей стало не по себе, и она вышла из храма. У входа она неловко подала рубль старушке-нищенке и шепотом

спросила у неё что сегодня за праздник. Та подняла на неё незрячие, синие, как матерчатые заплатачки, глаза и сказала чудесное слово: «Радуница.» И вот теперь похожее чувство рождается в ней, не пугающее, но спокойное и ровное: ей кажется, что все эти безымянные родные люди смотрят на неё откуда-то со своей стороны, как на сестру.

Она переворачивает страницу. Человек на фотографии точно обернулся к ней — это движение живёт в очерке шеи и плеча. Она узнала его. Худое, несколько болезненное лицо с широко поставленными, слегка ассиметричными глазами. Густые, чуть обвисшие усы не воспринимаются серьёзно и мужественно, как у спортсменов или авиаторов, но существуют, кажется, лишь затем, чтобы скрывать легчайшее движение улыбки. Некоторая неправильность, асимметрия лица не позволяет скользнуть по нему взглядом, задерживает и привлекает.

Фотограф заставил его облокотиться на спинку высокого кресла-модерн, ради пластического изящества и томности, но он сохранил естественность движения и смотрит прямо. Взгляд прост и глубокий. Не он смотрит на тебя, но тыходишь в эти глаза, как под арку ворот. Он знает тебя. Минувшие семьдесят — восемьдесят, девяносто, сколько? — лет — ничто, взмах бабочкиного крыла. Он только что взглянул на тебя. Мгновение длится вечно.

В нижнем правом углу карточки мелкие красивые буквы: «Фотография Венцеля, С. — Питербург, Невский проспект, 66.»

Она закрыла альбом и сидит, слушает своё сердце. «Ты чего, совсем уже что ли?» — кричит в уши Светка, ахает Вика, набрякает недоуменным молчанием Всеволод, хихикает его мамочка, но пёстрый сор оседает, муть стекает по стеклу, не оставляя следов, и всё становится на свои места. Она всегда ждала чуда, поняла она сейчас. Чудо — это то, что должно быть. Оно предполагается всей жизнью, и только по своей недоверчивой слабости люди считают его чем-то случайным и выходящим из ряда вон. Должно прокаженному исцелиться, посоху расцвести, погибающему спастись, встретить любовь. Воскреснуть естественнее, чем умереть. Чудо необходимо и естественно в самом верхнем значении этих слов. Не изумление, но радостную благодарность испытывает она.

Она поднимается и кладёт альбом на место. «Когда знаешь, что тебя любят, спится спокойно», — так, кажется, говорил утром Одинок. Она не влюбилась в человека, жившего почти сто лет назад — она всегда знала его. Когда обиженной второклассницей мечтала о старшем брате, и потом, когда сладко и горько хотелось замуж, когда спотыкалась и разбивалась о чужие невнятные лица — она знала его. Теперь они просто встретились. Обман пространства и времени

так наивен, что даже не огорчает; ошибка координат не вызывает досады. Она выросла из них, как из детской одежды, и ничто не может смутить её. Покой наполняет её ровным сиянием смысла, точно светом вычищенного и заправленного светильника. Любовь — это даже не чувство, поняла она, это новое измерение, и любовь сделала её свободной. Она сварила себе картошки и поужинала, но есть не очень-то и хотелось. Она чувствует лёгкое онемение скул — и только тогда понимает, что на лице живет нечаянная улыбка. Так, наверное, яблоня могла бы почувствовать собственное цветение. Душа словно перестает замечать, чем занято тело. Она вдруг видит себя вытирающей уже вымытую посуду или оказывается посреди двора с тазом мыльной воды в руках. Она молчит и не думает даже ни о чём, но внутри продолжается непрекращающийся, тихий диалог без слов. Всё просто, как тепло или свет.

К ночи облака расползлись и стало ещё чернее, только звёзды мерцают в угольной темноте, точно покалывают или пощипывают незащитное голое зрение. Холодает, и стеклистый дух заморозков марлево потрескивает в саду,

Дома она вдруг слабеет, как согретая в руках свечечка, и торопится лечь. Ей хочется перед сном ещё раз взглянуть на найденную фотографию, но передумывает и ложится так. Слышно, как Одинокое скребёт чем-то за стеной и двигает мебель. Она улыбается в темноте. Засыпая, она вспоминает светящиеся слова из сказки братьев Гримм: «Ты — моя, а я твой, и ничто на свете не может нас разлучить.»

Ей снится странный сон или, скорее, странная явь. Человек с фотографии (он в белой рубашке с широким воротом, светлых брюках и сапогах для верховой езды) ведёт её в гору. Она знает, что это Северный Кавказ. Он часто оглядывается через плечо, мягко и внимательно заглядывает ей в глаза. Ни утро, ни вечер, застывшее время, будто она ещё не родилась. Он рассказывает ей что-то тихим болезненным голосом. Но, проснувшись, она начисто забывает, о чём говорил он там, на фиолетовом склоне горы. «Вспоминать и не нужно,» — догадывается она и снова засыпает.

В последующие дни она сохраняла в себе это состояние свободы и покоя, как отражение неба в колодце. Только во вторник к вечеру что-то начинает смутно томить её, и она не находит себе места — потеряла и не находит. Она даже на зажигала света и бродила, бродила одна по дому в мохнатой чужой темноте.

В среду в Марьино приехал Всеволод и увёз её в Москву.

(1924–2020)

КАВКАЗ

Мой незнакомый дедушка, спасибо
За гены долголетия, за свет,
За то, что очень долго и счастливо
Живу на самой лучшей из планет.

Спасибо Вам за южное здоровье,
Оно меня спасало много раз.
Сквозь пелену, окрашенную кровью,
Мне силы посылал свои Кавказ.

Я благодарна за кавказский юмор,
За смех, за огоньки весёлых глаз,
За то, что не люблю существ угрюмых,
Спасибо, незнакомый мой Кавказ.

«ВАЛЬС-ФАНТАЗИЯ» ГЛИНКА

Моя прабабушка или, как мы все её
звали «мама-Надя», играла на рояле.

Звучала музыка в гостиной
И завораживала нас.
Казалось, автор сам незримо
Пришёл послушать дивный вальс.

Они ведь оба из Смоленска,
И даже, кажется, сродни.
Так иногда картинка детства
Мелькнёт и спрячется в тени.

* * *

Белый сад, черёмуха, тюльпаны,
А потом — сирени буйный цвет.
Помню «слёзы» бабушкиной канны,
Что погода говорила «нет».

Яблоки, созревшие на ветках,
Наклоняли ветви до земли.
Приходила Домочка, соседка,
Разговоры с нею мы вели.

Снова оживает всё былое.
Вот выходит кто-то на балкон...
В детстве, даже самое простое,
Вспоминаю, как волшебный сон.

* * *

Жизнь казалась светлой и огромной,
Несмотря на голод и бои;
Речка, лес и домик очень скромный
И «пятёрки» в школе все мои.

Было всё — и грозы, и метели,
Солнышко светило иногда.
Но к закату жизни всё острее
Вспоминаю школьные года.

Всех учителей, давно ушедших,
Всех учеников от «А» до «Я»,
Всех, на праздник жизни непришедших,
Где остались генерал да я.

СТАНИСЛАВУ

Ты пришёл — и небо улыбнулось,
Засмеялось солнце веселей.
Счастье, что дремало, вдруг проснулось,
И на сердце сделалось теплей.

Но недолго это счастье длилось,
Ты ушёл на Запад, где бои.
Небо потемнело, солнце скрылось,
Только письма берегу твои.

ОСЕНЬ

Про осень многие писали,
Что можно нового сказать?
О том, что дни короче стали,
И стало легче мне дышать.

А в памяти другая осень
Встаёт, хоть жизнь почти прошла:
Рытьё траншей, горенье сосен,
И в институт я не пошла.

ЗИНЕ

Цвели фиалки у дороги,
На предпоследнем рубеже,
Карпат далёкие отроги
Казались близкими уже.

А в санпалатке, после боя
Солдатик юный умирал.
Он маму звал и нас с тобою
За мать родную принимал.

АПРЕЛЬ

Самый лучший месяц года
После зимних стуж настал,
Даже сам прогноз погоды
Ошибаться перестал.

Много солнца, много света,
За окном звенит капель.
И, предсказывая лето,
По Земле идёт Апрель.

НАТАШЕ

Диплом — не чистые страницы.
Над темой надо потрудиться,
Чтобы доволен был тобой
Лев Николаевич Толстой.

Свет
В окне
Бирюзой
Под Рукой
И туман
Словно
Сон
Над рекой
За лиловой
За белой
Строкой
Свет
В окне
Бирюзой
Под Рукой
И Туман
Словно
Сон
Над рекой

ТЩЕТНЫЕ ОЖИДАНИЯ*Книга в альманахе***МЕТРО**

Ехал в метро.
На очередной остановке
Дверь отворилась
И вошла татуированная под зебру
Огромная ворона.
Я вытаращил глаза,
Но никто не реагировал.
Птица похлопала крыльями
И встала возле меня:
«Подай мне, добрый человек»,—
Прокаркала она.
Я вынул сто рублей
И протянул ей.
А если бы не дал?

ЦОК-ЦОК

Иду по улице
И слышу
Сзади
Цоканье,
Которое разносится
Далеко окрест.
«И здесь лошади!» —
Подумал я.
Оборачиваюсь.
Ба!
Это девушка,
К тому же,
Симпатюшная!

ЗНАКОМСТВА

Вообще-то знакомства
Надо
Заводить полезные.
Я, например,
Недавно,
С киллером познакомился.
Человек приятный
Во всех отношениях
И поможет, если что.
А вчера свёл дружбу
С патологоанатомом.
Вот уж точно,
Кто пригодится!

НЕ ПОПРЁШЬ

Мне было сказано,
Не смеяться,
Но я смеялся целый день.
Ночью
Смеялку кто-то выкрал.

Мне было сказано
Не петь,
Но я пел,
И пекалку умыкнули.

Но когда я заговорил
Нормальным языком,
Все поняли:
Против слов не попрёшь!..

МОЖНО ЛИ...

Можно ли привлекать
Идиотов
Для решения своих задач?
Конечно, можно.
Государство же
Привлекает
Всех нас
Для решения своих.

МУЗЕЙ

Дарье Корниловой
Каждый раз,
Проходя мимо музея ГУЛАГа,
Я испытываю страх.
Сколько же народу зря
Загубила Советская власть?
Сколько верных и талантливых людей
Погребено на просторах России?
Вечная им память!
Теперь всегда
Буду повторять
Священные имена.
Вдруг кто-нибудь отзовется!

НЕ УДАЛОСЬ...

Я сегодня в толпе
Столкнулся с Чебурашкой.
Он шёл мне навстречу
И плакал,
Беспокойно оглядываясь
По сторонам.
Увидев меня,
Мы были немного знакомы,
Протянул лист.
Это была повестка в военкомат.
«Бедный!» — воскликнул я,—
И тебе не удалось
Отвертеться!»

МУДРОСТЬ

У одного мудреца спросили:
— Сколько ты хотел бы прожить?
Мудрец подумал
И ответил:
— Ровно столько,
Сколько желал бы делать людям добро!

ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Сажу на рабочем месте,
Музыку слушаю,
Доносящуюся
Из небольшого радиоприёмника,
И пью чай с бутербродом.
Вдруг кто-то невидимый
Бросил горсть песка мне в глаза.
Ну как после этого
На работу ходить?

ЛЯГУШКА-2

Знакомая женщина
Долго и нудно
Жаловалась мне на свою жизнь.
— А ты хочешь быть царевной? —
Неожиданно спросил я.
— Конечно, — радостно ответила она.
— Тогда, будь любезна,
Скачи отсюда лягушкой!

СЕРДЦЕ

Недавно
Моё сердце
Не выдержало жары,
Выскочило из груди
И ускакало.
Сколько ни искал,
Так и не нашёл.
Я попросил друзей, полицию
Помочь мне,
Но безрезультатно.
И только через неделю,
К вечеру,
Сердце вернулось.
А где оно было,
Спросить боюсь.
Вдруг опять уйдёт
И уже не вернётся?!

ОН НАЧАЛ

Он начал
С молочного коктейля,
А закончил
Коктейлем
Молотова.
Потом долго
Его останки
Освещали людям путь
В повседневном
Хаосе
Нашей
Жизни...

ЖИЗНЬ

Наша жизнь — тюрьма,
Только
С разной степенью
Комфорта.

ВСТРЕЧА

Недавно на Красной площади
Я столкнулся с Лениным Владимиром Ильичом.
«Ну, здравствуйте, батенька,—
Произнёс вождь,—
«Хорошо, наверно, живёте
При новой власти?»
«Плохо, Владимир Ильич,
Нищета замучила,
Законы несправедливые
И всё другое...»
«Надо меньше сексом заниматься,
Особенно политическим.
Частый секс ведёт к импотенции»,—
Важно произнёс Ильич и зашагал дальше...

СМЕРТЬ

— Почему ты стоишь у порога,
Кого ждёшь?
— Тебя, дорогой.
— А что тебе нужно?
— Собирайся.
Я пришла!

ПРЕМИЯ

Недавно
Моего друга
За хорошую
Инициативную работу
Премировали
Уссурийским тигром.
Зверь так обрадовался,
Что чуть-чуть
Не загрыз его
В одну из ярких
Лунных ночей.
Вот и работай
После этого
На наше государство!

ТОСКА

Когда на меня
Накатывается тоска,
Я вспоминаю случай,
Происшедший со мной
В другой жизни.
Я стоял на вершине горы,
А подо мною простиралась
Холмистая местность
Серого цвета.
Ко мне быстро приближалось
Нечто огромное
И неведомое.
Тогда я поднял руки
И полетел.
Непередаваемое
Ощущение счастья!

ЖАРА

Знойная девушка
Подошла
Ко мне на улице:
«Хочу познакомиться»,—
Весело сказала она.
«С ледями не знакомлюсь! —
Парировал я.
«А я не леди,
Я — Жара.
Не веришь?»
Теперь,
От неё нет
Никакого
Спасения!

В РЕДАКЦИИ

В редакции крупного столичного журнала
Вечер,
Внезапно дверь отворилась
И на пороге
Возникла высокая фигура,
Похожая на тень,
Отбрасываемую уличным фонарём.
Молча прошагав к столу Главного редактора,
Фигура быстро вынула из мешка
Пухлую пачку ассигнаций
И небрежно бросила на стол.
Затем
Достала рукопись и бережно положила рядом.
Прочитав несколько строф,
А это была длинная и скучная поэма о любви,
Главный ужаснулся:
«Это настоящая графомания ...»—
Закричал он, «Я печатать не могу...» —
Вторая кипа ассигнаций
Прервала его речь.
Главному вдруг вспомнились
Его долги и недостроенная
Дача под Москвой.

«Можно попробовать, но...» —
Простонал он.
Пришелец покопался в мешке
И бросил на стол третью кипу...
Через месяц поэма увидела свет.

ПРОВЕРКА

У меня на работе
Проверка была:
Умный ли я.
Оказалось:
Серое вещество есть,
А ума — нет.
К медикам обращался —
Разводят руками.
К учёным — тоже.
К кому же ещё
Обратиться?

ВИЗИТ

Я опустился на дно
Марианской впадины
С дружеским визитом.
Обступившие меня
Подводные жители
Встретили хорошо.
Накормили,
Обогрели.
А огромная глубоководная
Рыба
Подарила на память
Плавник
Своей жертвы.
Теперь
Я с нетерпением
Ожидаю
Ответного визита.

ЕСЛИ КТО-ТО СКАЖЕТ

Если мне кто-то скажет,
Что инопланетян не существует,
Я с ним
Разругаюсь вдрызг.
Мне очень хочется,
Чтобы они были,—
Это значит, что они есть,
Чтобы учёные не говорили.
Человек вообще
Склонен к выдумке...
И тогда, может быть,
И самого человека не существует?
НЕУЖЕЛИ...
Неужели
Человеку дана речь
Для того,
Чтобы нести всякую чушь,
Отпугивая тени прошлого
Или веселя
Громады будущего?

ЗАДАЧКА

Они ломали голову
Над одной задачей
И сломали
Одну из костей
Основания черепа.
Теперь все проблемы
Решаются
Мгновенно
Или не решаются
Совсем.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

В небесных рудниках
Не хватает рабочей силы,
И дьявол
Распорядился
Начать новую
Мировую войну!

ЕСЛИ ЧТО-НИБУДЬ

Если кто-нибудь скажет,
Что я пишу великие стихи,
Я того
Забросаю тухлыми яйцами.
Пусть он вдыхает сероводород,
Думает о цвете своей души...

Но если кто-то
О моём творчестве
Не скажет ничего,—
Я буду игнорировать его
С вытекающими последствиями.

А если изругает в пух и прах,—
Он — мой друг и помощник.
Как хорошо
Иметь толковых друзей!

СЧАСТЬЕ

Я залез в свой мозг
И увидел там несколько сущностей:
Совесь, мечту и надежду.
Первую — оставил себе;
Вторую воплотил в жизнь,
А третью
Отпустил,
Уверенный, что она, умирая
Последней,
Расскажет всем обо мне.
Потом вылез обратно
И живу теперь счастливый, счастливый...

НА ПРИЁМЕ У ВРАЧА

«Доктор!
Почему у меня моча синяя?»
«Много дерёшься и синяки всюду,
На руках, на теле,
Главное, под глазом.

И после этого ты хочешь,
Чтобы у тебя
Было всё в порядке?»

МЫСЛИ-1

* * *

Тусклый свет
Мешает мне
Записать мысли мои.
Но разве от этого
Они
Теряют свою остроту,
Привлекательность
И новизну.
Вот только каждую секунду
Линия жизни
Становится короче!..

* * *

Мне всегда казалось,
Что стихи сочиняют поэты.
Враньё!
Их диктует время,
Поэты только записывают
И говорят с горечью,
Что каждому овощу
Свой черёд!

МНЕ НАДОЕЛО

Как надоели мне превращения:
То в могучего джинна,
То — в огромного клыкастого кабана.
А нынче я почему-то
Стал чёрным тараканом,
Которого чуть не задавили.
Всё!
Надоело...
Только интересно:
Кем я буду завтра?

МЕЛЮЗГА?

* * *

Тяжелобольному
В больнице
Вскрыли грудную клетку
И устранили самогонный аппарат.
«Ценный агрегат
Для праздников!» —
Воскликнул хирург
И на радостях
Хлебнул лишнего.
А больному,
Полегчало?

* * *

Моя работа —
Это вампир,
Который жадно
Высасывает из меня кровь,
Говоря при этом:
«Трудись, дорогой,
Я жить хочу!»

НА УЛИЦЕ-1

Идёт по улице башмак.
Подойдя ко мне,
Спросил:
— Ты моего хозяина,
Ивана Петровича не видел?
Пошёл куда-то налево и пропал.
— Нет! — ответил я.
— А жаль, — протянул он
И завернул за угол.
Я с тех пор
Стараюсь ходить
Только по прямой.

СЛОВЕСНОСТЬ

— Я — поэзия! — закричало стихотворение
И попыталось взлететь,
Но шмякнулось на землю.

— Я — проза! — закричала беллетристика,
Но от стыда
Провалилась сквозь землю.

— Ну, кто ещё объявит себя
Настоящей литературой? —
Выкрикнул современник
И выпал из окна.

Так началась
Новая
Российская словесность!

НА РАБОТЕ

На работе
Я долго кашлял,
А потом стал громко
Рычать.
Тогда подошёл ко мне
Мой коллега
И ударил ладонью по лицу.
Я возмутился
И хотел ответить тем же.
Но он проговорил:
«Я спас тебе жизнь,
Приятель.
Если бы ты
Продолжал рычать,
То превратился бы
В медведя или волка.
А так человеком
Остался».

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Каждый день
Из варева нашей подлой жизни
Извлекают люди свою совесть.
В остатке остаётся
Злодейство.
А люди так любят злодейство!

КТО ТЫ?

Я летаю, но я не птица.
Я рычу, но не собака,
Чирикаю, но не воробей.
Но если сочиняю стихи,
То я — обязательно птица,
Собака
Или воробей!..
А кто ты?

ВСТРЕЧА-2

Вчера я встретил
Давнего друга.
— Как дела? — спросил.
— Неплохо,
Недавно дьявол приходил,
Требовал отдать самое дорогое,
Что у меня есть.
И я отдал свои зубы.
Хорошо ещё, что жив остался.
— Да, не повезло!..
— Не повезло?
— Да я счастлив!
А вот мой приятель не сообразил,
Что отдать,
И одни зубы остались! —
— А что бы отдал ты? —
Произнёс друг и поплёлся дальше...

ЖАРА-1

Надо же,
Жара вернулась
И сверкает жадными глазами,
Тянет ко мне жирные щупальца.
Я бы убежал,
Но некуда.
Стены кругом.
Задыхаюсь,
Покрываюсь потом,
Мучает жажда...
И это мы называем летом?
И это мы величаем жизнью?

Я ИЗМЕНИЛ БЫ СВОЮ ЖИЗНЬ

Я изменил бы свою жизнь,
Но часть мозга,
Отвечающая за это,
Почему-то атрофировалась.
Так и остался я
На прежнем уровне:
Пью водку с пивом,
Люблю хорошо поесть
И не вмешиваюсь
В существующий порядок вещей!

Но как только объявили
О приближении к Земле
Крупного астероида,
Я нарисовал ракету
И полетел в космос.
Надо встретить, как положено,
Дорогого гостя!

ПРИСЯДЕМ НА ДОРОЖКУ

Присядем на дорожку.
Вот сейчас только выпью озеро,
Закушу близлежащим лесом
И возьму с собой хмурое небо
Вместе с проливным дождём.
Думаешь, я шучу?!

Нисколько.
Пойдём к озеру,
Убедишься.
Не хочешь?
Один человек тоже не верил.
Теперь отдыхает
На кладбище.
Куда ты?
Постой!

НА РАБОТЕ-2

Трое работников, приобрели
Радиоприёмник
И слушали радио России.
Но однажды в окно влетела
Ворона
И унесла его.
Вскоре они узнали,
Что это была
Начальница кадров Воронова.
Как она превратилась в птицу
И почему,
Осталось загадкой,
Но теперь они
Сплетничают сами!

ПРИ ВСТРЕЧЕ...

При встрече с этим человеком
У меня сначала отнялась речь,
А затем вывалился язык,
Который внезапно ожил
И ускакал.
Я пожал плечами
И отключился.
Когда пришёл в себя,
То с ужасом понял,
Что превратился в бабочку.
Но тут же здраво рассудил:
А зачем бабочке речь?

ЛЮДИ, ГДЕ ВЫ?

Найденный мною на улице рубль
Вдруг исчез,
Пробегающая мимо собака
Превратилась в трубу.
А у проходящего
Мимо меня мужика
Выросли рога, и он ускакал.
Я остался один
Среди шевелящегося мусора
И мокрого асфальта.
«Люди! Где вы?»

НА МОРЕ

Плыл по морю башмак.
Поравнялся со мной
И говорит:
— Ты моего хозяина,
Ивана Ивановича, не видел? —
— Нет, — ответил я.
— Как жаль, — протянул башмак
И поплыл дальше.
— Надо же,
Какой заботливый...

СООБРАЗИЛИ

Первый — горько плакал
И не мог остановиться.
Второй бежал,
Не успевая притормозить.
Третий — ночами орал во всё горло.
Все трое боялись смерти.
Первый — сошёл с ума.
Второго разбил паралич,
А третий — куда-то исчез,
Но на троих,
Эти ребята,
Сообразить успели!

Рисунок Светланы Ринго

МИНИАТЮРЫ

Евгения Славороссова

СКРИПАЧКА

Всё не выходит у меня из головы эта скрипачка.

Лицо — восемнадцатый век.

Имя... Должно быть что-то вроде Эстер, такое удлинённое, острое и породистое,

А руки — эти длинные нервные руки! Она-то и состояла вся из одних рук.

Бесстрастная, словно сомнамбула, с полуприкрытыми глазами, слегка покачиваясь, она временами делала отрывистые вдохи. А руки в это время вели самостоятельное существование, смычок и скрипка были продолжением этих изумительных живых инструментов, трепещущих и чутких.

Свет люстры ярко отражался от обручального кольца на пальце скрипачки, неприятным диссонансом отвлекая от музыки. Как, эти прекрасные тонкие руки, так нежно ласкающие скрипку, обнимают по ночам какого-то мужчину, страстно впинаясь ногтями в его грубую кожу? Как, эта сомнамбула, эта пророчица, эта весталка, которая брезгливо и высокомерно отрицает земную, буйную, плотскую радость, потому что ей известны восторги Брамса и Паганини, доступны горние области чистоты и гармонии, говорит кому-то «ты» и «дорогой мой»?

Нет, мне не верилось в это, и я представляла, что моя скрипачка так и живёт на сцене и задёргивает занавес, как занавеску на окне.

После концерта я высматривала её в толпе людей, но чуть не пропустила. Да и не так легко было узнать её в красной блузке и замшевой юбке, столь непохожих на летящий и причудливый наряд на сцене. Она несла свою скрипку в футляре, а её вёл, даже почти нёс (как скрипку в футляре) квадратный краснолицый военный. Жирно блестело золотое кольцо, властно сжимались губы, весь облик приобрёл устойчивость и определенность. Узкая кисть лежала на жёстком рукаве военного кителя, как хищная лапка птицы, вцепившейся в добычу.

А та, другая, так и живёт на сцене, задёргнув занавес от любопытных глаз?

КАМЕНЬ С ПИСЬМЕНАМИ

Между гаражами, испещрёнными надписями («КАМАСУТРА», «THE END», «Я люблю её»), и шоссе притаилось пространство вроде Зоны из фильма «Сталкер». Заросшее буйной растительностью: кривыми деревьями, взъерошенными кустами, гигантскими ушастыми лопухами, пунцовым репейником, пахучей полынью, коварной крапивой. Есть здесь болотце, покрытое парчовой ряской с камышом и рогозом, ручей с мостиком, где плавает изящная дикая утка с выводком пушистых коричневых утят, заброшенная железнодорожная ветка, ведущая неведомо куда, полуразрушенные бункера, заборы из серых досок, бархатно ржавых листов железа и кусков пластика с авангардными разводами. Полевые цветы растекаются фиолетовыми волнами, розовой пеной, жёлтым туманом, белёсой дымкой. Здесь даже климат особенный: дуют ураганные ветра, когда вокруг тихо. Я иду вдоль рельсов, и меня пронзает острое, как в детстве, ощущение, что мир полон тайн, сокровищ, страхов, слёз и радостей... Под ногами алмазно и изумрудно сверкают осколки разбитых бутылок и хрустит гравий. Камни — серые с блёстками, тёмные в полоску, бордовые, зеленоватые, ярко розовые и с чёрными крапинками.

Я поднимаю серый поблёскивающий камень. На нём видна белая буква «Я». А ниже можно прочесть слово: «АГН». Надпись нерукотворная, но явственная. «Я АГН». «Я АГНЕЦ», «Я АНГЕЛ», «Я АГНИ-ОГНЬ»?

Что значит этот знак, это послание? Найти, увидеть, понять...

Мир полон тайны, сокровищ, страха, слёз и радости.

ЯПОНСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

У нас дома от прабабушки осталась фарфоровая фигурка японки.

Довольно большая, в красивом зеленоватом кимоно со странными растениями, красно-золотым поясом и веером в руке.

Веер тоже красно-золотой.

Ещё на кимоно есть черепахи, птицы вроде журавлей, золотые цветы и непонятные знаки или узоры...

Волосы чёрные, забранные в пучок на макушке.

Эта японка стояла у нас много лет, мы ею любовались.

И вдруг однажды я посмотрела на неё и поняла, что это не японка, а японец!

Пояс у него не на груди, как положено у девушек, а на талии и даже немного приспущен. Причёска тоже мужская, пучочек на макушке, (а у девушек сложные причёски со шпильками), а по бокам волосы подстрижены вроде баков.

Фигура мальчишеская и лицо юношеское, а не девичье.

И кисти рук большие для девушки, и ступни.

И расцветка кимоно скорее мужская.

Как мы могли столько лет этого не видеть?

Непонятно.

Но мне пришлось ещё долго убеждать родителей, что это юноша японец.

Наверное, было две фигурки — юноша и девушка...

Но сохранился он один — Одинокий Японец.

А, может быть, это был актёр. В Японии был обычай делать фигурки любимых актёров, а актёры там были только мужчины.

И, если бы не я, так бы и остался он японкой.

Вот такая история.

Одинокий Японец

Виктор Коллегорский

Родился в 1951 г. в Москве. Окончил филологический факультет МГУ. Поэт, переводчик восточной классики. Переводил Низами (всю лирику, кроме касыд), Хафиза, Руми, Омара Хайяма, Алишера Навои, Сеида Азима Ширвани, Сабира и др. Переводил также английскую народную поэзию, Эмили Дикинсон, Киплинга, Эзру Паунда, Огдена Нэша. В переводческой антологии «Строфы века» опубликованы переводы украинской классики. Лауреат конкурса журнала «День и ночь», дипломант и пятикратный финалист Международного литературного Волошинского конкурса, финалист Международной литературной Волошинской премии, призёр и трёхкратный финалист конкурса «Эмигрантская лира». Преподаватель поэтики и риторики, руководитель Школы поэтического мастерства Риторического центра «Златоуст». Публиковался в журналах «Новый мир», «Новый берег», «Дети Ра», «День и ночь», «Юность», «Крокодил» и др., в «Литературной газете», «Вечерней Москве», «Московском комсомольце», «Метро» и др. газетах, в альманахах «Поэзия», «Истоки» «Апокриф» и в других изданиях. Автор книги лимериков «Клептоман из Ростова», Таганрог, «Нюанс», 2013.

В ЛАЗУРИ СЕНЕЖСКОЙ, ОНЕЖСКОЙ

* * *

Пока мы неаполитанцы
В Большом Петра или Модеста,
Нас не запишут в чужестранцы
В отчизне Карла иль Ореста.

В венециановской вакханке
Родство заметно, как ни странно,
Усталой бежецкой крестьянки
С венецианкой Тициана.

Оно проступит полной мерой
Сквозь все различия манеры —
Родство Плениры с Примаверой,
Весны на пашне и Венеры.

И в Риме третьем Филофея,
Раздоров пагубных не сея,
В четвёртом акте Досифея,
То итальянсья, то русея,

Услышим в Угличе на Бренте
Или на Яузе в Пескаре
В дивертисмент Фиоравенти
Двух Алевизов и Солари.

* * *

На холмах Грузии, на Яузе — нет, в Рузе,
В Вазузе Грузия навек отражена —
Да, в Рузе комлевской, да в липецкой Вазузе,
Как в водах китежских, покоится она.

На холмах Грузии, на ржевских, на смоленских,
Где Сулла в Суроже и Марий в Марий Эл,—
От тех, воронежских, к яснееющим, вселенским,
Где Дант с Петраркою и с Мцыри Тариэл.

Дарьял заоблачный и Вятские Увалы,
Под кручами Днепра — Арагва и Кура,
Саровских звонниц высь, провалы Синодала —
Туда, туда скорей — пора, мой друг, пора.

* * *

Льежебока, зощенковский Лютик,
Под водою двадцать тысяч лье ж
Одолеев, в Лютецию и Люutih,
Как в Париж вернуться или Льеж ...

Льежевикой, клюйвертовской клюквой,
Куманикой кумановской всласть
Брюха барабан набив, как брюквой,
По воротам «Брюгге» не попасть...

Иль и впрямь, невинен и греховен,
С именем Элизы на губах,
Грезит об «Эйндховене» Бетховен,
«Родой» грезят Бах и Роденбах.

Но и не гонясь за синей птицей —
Уж не за синицей ли в руках?! —
Пчёл своих лелеять не лениться
Учит нас парящий в облаках.

И не Тиль уж снится нам и гёзы,
А Тильтиль в кровати и Митиль,
Павильон с ладьёй принцессы Грёзы,
Где во льдах не Шельда, а Итиль.

Где, как Муза, бабочка порхала —
Папийон, фарфалла, шметгерлинг,
Где пред усыпальницей вокзала
О Верхарне плачет Метерлинк.

* * *

В Вестминстере — Соломинский дворец
За набережной Темзы Краснохолмской.
Замоскворецкий свищет там скворец
На улице заречной Шерлокхолмской.

С десяток тайн раскроет он в момент,
Дюпена помесь с Евробондом,
Гремучим ворохом завяжет пёстрых лент
И нас с преступным он бомондом.

Поль Мориа запишет саунд-трек
Для фильма «Мориарти и коллеги»,
Не баронет Никита, а Олег
На вечном упокоится ночлеге.

В Чикаго — бойни, в Лондоне — метро,
В Париже — башня, в Оксфорде — регата,
На Стрэнде — патер Браун с Пуаро,
На Пиккадилли — Гилберт и Агата.

На Бейкер-стрит — Ливановский музей.
Вечнозелёная цветёт там миссис Хадсон.
Вернулся Карлсон. В Каннах — фильм друзей.
«Овсянки», сэр. Элементарно, Ватсон.

* * *

Памяти Арсения Тарковского
Державы речи русской царь,
Шамхальства певчего Тарквиний,
Сковороды сковородиной,
Псалтири птичьей государь.

Державинский тобой словарь
Раскрыт как раз посередине,
Его кузнечик и поныне
Тебе сопутствует, как встарь.

В лазури сенежской, онежской,
В надмирной пуще Беловежской
Алмазный блещет твой венец,

И меркнут обольщенья мира,
Едва опустит лук Стрелец
На небе, что синей сапфира.

ЛИМЕРИКИ

* * *

Обитателя ветхой лачужки
По ночам навещали пьянчужки
И всё то, что за год
Произвёл химзавод,
Пили прямо из местной речушки.

* * *

Шейх Сабир после чаю с морошкой
Ел пломбир с шоколадною крошкой.
Крошка чай не пила,
Но была с ним мила
И трясла шоколадною ножкой.

* * *

Пёс Барбос с кинофабрики в Хосте,
Отправляясь поужинать в гости,
Забегал в казино,
Постучал в домино
И сожрал все игральные кости.

* * *

Говорящая лошадь в Ньюкасле
Не кончала ни школу, ни ясли,
Но умела читать,
Без запинки считать
И готовить на сливочном масле.

* * *

Сердобольный медведь из Певека
Слыл борцом за права человека,
Настояв, чтобы тот
Получал хоть раз в год
Хвост селёдки и голову хека.

* * *

Безработный кондитер из Бреста
Пел на митинге песни протеста:
Про миндаль, про цукат,
Про бисквит, про мускат,
Про ваниль, про имбирь и про тесто.

КАРТИНА

Юность тщеславна. Юля с 16 лет мечтала стать возлюбленной художника, чтобы он однажды загорелся и написал её портрет. Знаменитые наброски А. Модильяни, увиденные на страницах журнала «Юность», не выходили из головы...

Художника она встретила ближе к тридцати, когда уже стала матерью и пережила разрыв с мужем. Он был не только художник, но и поэт. Роман её был ярким и скоротечным.

В тёплый августовский вечер он написал её ню на большом листе ватмана охристыми мазками маслом. Она лежала с закрытыми глазами, закинув руки за голову, длинными угольными штрихами он изобразил волосы, упавшие на подушку. Казалось, она летит во сне...

Обстоятельства сложились так, что они вынуждены были расстаться. Менялась эпоха, всё больше приходилось думать о насущном хлебе. У неё подрастал сын...

Картина стала её тайной отдушиной. Холодными одинокими вечерами она согревала сердце. Это было материальное воплощение счастливых моментов, отпущенных ей судьбой. Невозможность найти достойную работу, вечная борьба с нуждой и плохо дававшееся ей воспитание сына медленно, но верно меняли отражение в зеркале.

Тема увядания стара, как мир. Ещё никому не удавалось победить время. Однажды, читая средневековую китайскую поэтессу она поразилась щемящей красоте образа, непутускневшего, спустя несколько столетий: «Ты жёлтой хризантемы увяданье увидеть мог бы, заглянув ко мне...»

Сын превращался в подростка, и она естественно не хотела, чтобы картина попала ему на глаза. Скатав в трубочку лист, она засушила его в пустой тубус и поместила на полку среди книг. Твёрдый картон футляра казался ей самым надёжным местом хранения.

Однажды она вернулась домой особенно уставшей и разбитой. Хотелось прилечь и отвлечься от текущего момента. Она открыла тубус, но он оказался пустым.

Сын признался, что ему срочно потребовалось найти географический атлас, в её отсутствие он его искал по всему дому и наткнулся на тубус. Открыл, а там неприличная картинка с голой тёткой.

Картинку он выбросил в мусоропровод, а тубус ему наверняка ещё пригодится...

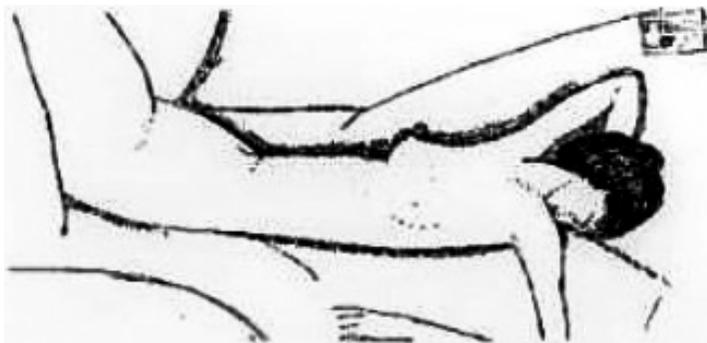

Рисунок Амедео Модильяни

Родилась в Москве, член нескольких ЛИТО.
Номинант и дипломант литературных конкурсов.
Имеются награды.

АЛЛИЛУЙЯ!

Всё прохладней заря целует
Земляники тугую плоть.
Но окрест звучит: « Аллилуйя!»,
Где искрошен луны ломоть.

Знаю: скоро иглистый иней
Будет пудрить румянец лиц.
И всё дальше, с нотой невинной,
Спелый голос октябрьских птиц.

Пусть мне осень исколет пальцы,
Непогоды раскинув сеть,
Но я vyšью солнце на пальцах,
Чтоб сердца дорогие согреть.

БОЖЕСТВЕННО!

Божественно: ликуют птицы!
И запах зрелости в саду.
Румянец на плодах круглится...
Сквозь проникая, в густоту,
Октябрь сластит их плотью вензель...
Молчим: желанно наблюдать,
Как в пышном шелесте гортензий —
В Покров день — сходит благодать.

КАНТАТА ЛЮБВИ

Неприкаянный радужный свет
Тяготеет к проёмам жилища.
Наших встреч затерявшийся след
Взгляд везде лихорадочно ищет.

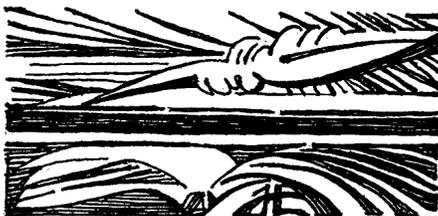
Пустотой ошетинился кров
В гулком чреве бетонного спрута.
Сердце в зеркале видит зеро,
Становясь студенистее ртути.

Звездопадов не льются дожди,
Не ища здесь горячку дыханья...
Но пустоты теснят: приходи!
Разомкни горизонт Мироздания!

И сомкнётся Миров параллель
Судьбоносным светящимся кругом.
Окунувшись в святую купель,
Мы предстанем друг перед другом...

Но эпохи смешались во снах,
И не сходятся судеб ремейки.
Я в Тургеневских временах
Юной Асей сажу на скамейке.

Ты — Толстовский любезный сеньор.
Вновь свидание не состоялось.
Лишь кантата любви с давних пор
Светом радуг в окне проявлялась.

Москвичка, работала редактором в изд-вах «Малыш», «Высшая школа», в посольстве РФ за рубежом. Публикации: в многотиражке 3-да МЗЭМ, «Литературной Газете», «Новом Венском журнале» (Австрия), с 2013 г. в альманахах «Славянские встречи», член ЛИТО «Складень», номинант конкурса МГО Союза писателей России «КРЫМ НАШ».

У ПАМЯТНИКА ВОЛОШИНУ

Влюблённый и в море, и в скалы,
Стоит киммерийский поэт.
Здесь нового века начало
И новой поэзии свет...

Серебряным облаком мимо —
Цветаева, Блок и Ахматова,
А строчки их — пилигримы —
Всё странствуют, нас захватывая.

А вы — безвозвратно далёкие,
Унесшие тайну с собой...
И только лишь небо высокое
Хранит безмятежный покой.

Поэты пребудут в вечности,
Но, время пронзая снова,
Звучит, как гимн человечности —
Их светлое мудрое Слово.

К ИСТОКАМ

За морями, вдали, там — Россия
И покров Богородицы синий...
Купола до небес золотые
На церквах да печаль журавлей,
То снега, то цветы полевые...
Нет наверно на свете родней

В обереги сплетенных узоров
На старинном рязанском платке,
Наших песен от предков, просторов,
Бликов солнца в вечерней реке.
Шёпот сосен, тропинка весной,
А ещё снега свежего хруст
Не дают вдалеке мне покоя —
Подожди, я к истокам вернусь.
Сквозь века бьёт родник из-под камня,
А вода в нём прозрачна, чиста —
Это ты, моя Русь-Ярославна,
Мудрость, вера и простота.
Есть, ей-богу, незримая сила,
То дыхание нашей земли,
Что всех русских душою сплотило,
Согревая любовью вдали.

г. Куала-Лумпур, Малайзия, 2009 г.

Подруге по перу Елене Бочиной

Успехам радуясь твоим, хотела б пожелать я
Всю суть поэзии познать, открытий, свежих сил
И чудный стиль свой не менять, по счастью, стиль — не платье,
А кто завидует тебе, тот пусть умерит пыл.

* * *

Бездарному не внемлют подражатели.
То знак — талантлива твоя строка.
Всё ведомо лишь одному Создателю,
И он укажет путь, ну, а пока
Пиши, когда приходит вдохновение,
Дыши стихами и твори — держись,
Лови своё прекрасное мгновение!
«Вначале было Слово», слово — жизнь!

МОЗАИКА В СТИЛЕ БАРОККО

Бокалу терпкого вина
Такая магия дана!
Глнтвейн, в тебе что было б проку?
Но вместе со стихами Блока
В беспечной дружеской беседе —
Невинном философском бреде —

За витражами старых окон
Я вью соблазна чудный кокон
Вся в стиле мягкого барокко,
Как мой полуразвитый локон.

И пусть устал ты от дорог,
Тебе со мною не до сна.
Каким же будет эпилог?
Того не знаю я сама.
А магия заключена
В бокале терпкого вина...

г. Вена, Австрия, 2005 г.

САД, 1987. ДАВНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, ЦЕЛИКОМ

1.

С некоторых пор часто спрашиваю себя: «Зачем я взяла?» — эту папку из архива Никитского сада, помеченную словом «макулатура». Было так хорошо. Море. Солнце. Уединение на берегу. Наскальная роща, которой ночью владеют оравы жуков-оленей. Какой-нибудь из этих рогатых гуляк, опившись древесного сока, обязательно залетал на свет и, очумев, стучался о стены каштановым панцирем, пока спасительная рука не выбрасывала его обратно, в смоляную прохладу. Он вмиг исчезал, оставив пальцам воспоминание о своих цепких кургузых лапках, а душе — легкость разделённой свободы. Комната — нет, целые апартаменты! с огромным письменным столом, настоящим генералом от мебели, несдвигаемым, при массивных дубовых карманах-ящиках и гладком морёном верхе. Машина господствовала здесь, распространяла влияние, призывала под стяги, знамёна, хоругви...

Возле камина, сработанного по всем правилам номенклатурно-ведомственного интима, так уютно читать «Житейские воззрения кота Мурра»... И время от времени поднимать глаза к плетям глицинии, укрывающей террасу. И возвращать взгляд обратно, под казенные своды, где еще недавно вился, пластался огонь, сквозил, поджигая поленья, — они полыхали, как страсть, которой суждено

истратиться в пепел, и отражались в кафеле у подножия да в лаковой спинке кровати напротив.

А внизу, под окнами, среди жёлтой сурепки с обильными деревенскими цветами-крестиками, стелились алые маки. Ниже розовыми головками кланялась морю валериана, и никнущие белые гвоздики осторожно сползали по камням, пуская вперед чувствительные побеги. Мимо них, ближе к полночи, и жутковато, и радостно пробираться овеваемой ароматами, нащупывать дорогу к глянцевито-тёмной, как нефть, воде, которая, маня, колыхалась всеми своими водорослями, медузами, светилась под луной так же фосфорно и таинственно, как крошечные светлячки на изломе ступеней. А утром опять ощущать себя контрабандисткой в этом забронированном мирке, предназначенном совсем для другой персоны — для Главного Иерарха, который не возражал, чтобы я порылась в архиве и написала о Никитском саде что-нибудь поучительное и приятное.

И всё это пропало, едва я открыла папку.

Первый лист, вытянутый в длину, с тисненым крылатым львом, был исписан чёрными когда-то чернилами, вверху значилось: «ПРОТОКОЛЬ».

«1913 года апреля 20 дня помощник пристава 3-го участка г. Ялты Никульников вследствие предписания его высокородия господина ялтинского уездного исправника от 20 с. апреля прибыл в Императорский Никитский сад, где производил дознание о лишении себя жизни посредством выстрела из револьвера в висок ученика Никитского училища Николая Амвросия Петровича Будковского IV класса, сына генерал-майора, причем спрошенные нижеподписавшиеся лица объяснили...»

Каллиграфические строки были расположены на бумаге рачительно, с отступами для полей. Всего два листа с оборотом, скреплённые подписью помощника пристава, а также словами: «Более добавить ничего не имею...» Тоскливая простота исходила от них; и ни исправить, ни зачеркнуть, как теперь не уйти самой от желательных страниц, избравших меня своей поверенной. И было убедительно совпадение чисел: тринадцатый год после начала века, когда ученика мёртвым обнаружили в классе, и тринадцатый год от конца века, когда листки попали ко мне.

А море едва шевелило галькой, словно никогда не кидалось на скалы, в бешенстве сдвигая сам берег. Природе не было дела до каких-то листочков!

Он лежал навзничь, человек девятнадцати лет от роду, в шинели, и кровь растекалась под его головой. Уездный врач констатировал смерть, и полицейский приступил к дознанию. Следствие не заняло

и двух часов, не то, что составление протокола, над ним помощник промаялся бы до завтра, не предложи услуги местный эконом. Толковый малый и записал показания. Он же позднее прошил листочки нитками, подклеил к ним другие бумаги и, чистый перед самим собой, не оскорбив лукавством память покойного, закрыл папку. Тот, кто через много лет первый наткнулся на неё... Не знаю, кто это был. Может, какой-нибудь бывший следователь, убранный подальше от глаз в годы реабилитаций, возможно, кто-то другой, уверенный: «Хорошие люди не стреляются». Своё мнение он выразил словом «макулатура» и, проводя инвентаризацию, махом перечеркнул и жизнь генеральского сынка, и аккуратность добровольного писаря да, пожалуй, и само минувшее время в лицах и характерах. Но каким-то чудом дело всё же вернулось обратно, обрело номер, значит, уравнилось в правах с другими единицами хранения и восстановило с ними родство по всеобщей связи людей и событий.

Свидетельствует директор Никитского сада действительный статский советник Щербаков — будущий профессор, чью фотографию я видела в Никитском музее, — пышные кайзеровские усы, лихо закрученные и сведённые на нет по обе стороны крупного носа, облик внушительный, степенный:

«Будковский был хорошим учеником и вёл себя безупречно. В характере его наблюдались замкнутость и сосредоточенность. Всегда он был одиноким и не принимал участия в увеселениях товарищей...»

Без привычных: «в пьяном угаре» или «психически ненормальный» запись не убеждала. Просто, доступно и ни к чему не обязывает. Обмороченной стереотипами доступней: «Самоубийство — выход для малодушных». Но ничего такого не нашла и дальше. Здесь аккуратный эконом записал показания преподавателя Андрея Ивановича Паламарчука:

«Я подумал, что у него пошла кровь горлом, и скорее повернул его лицом вверх, затем стал выслушивать сердце, оно уже остановилось, хотя тело было совершенно тёплое. Заподозрив совсем скверное, я принялся осматривать подробно голову Будковского и заметил ожог от выстрела на виске. После этого я нашёл на его шинели револьвер. Шинель ввиду болезненного состояния — у него был переломлен позвоночный столб — Будковский всегда носил...»

Двадцативосьмилетний питомец Московского университета физиолог Паламарчук, которому суждено вывести знаменитый табак с душисто-арифметическим названием «Дюбек-22», говорил как на Страшном суде. ШИНЕЛЬ носил ВСЕГДА! Так некогда один великий писатель уподобил повесть о бедном чиновнике библейскому преданию и дал чиновнику вечную жизнь.

Слышится голос пытливого современника: «А где божественное откровение? Сколько людей стрелялись, стреляются и будут стреляться. Читатель занят другим. Кого теперь тронет судьба какого-то мальчика!» Возможно, не тронет — тем хуже, потому что нет гибели значащей и незначащей, во всяком случае, для Создателя, и никто это не пересилит.

Письма, телеграммы, объяснительные... Бумага, оказалась прочнее участников той давней истории. На глазах она перерождалась в житейскую суету, в будничные мелочи — их лучше не знать: они создавали ощущение, словно листаешь записи о собственных похоронах.

А странички, где Будковский завещает свой гербарий любимому учителю, нет, но текст её приведён директором — горькая самооценка и неожиданное добавление: «Прошу дорогого Ивана Алексеевича принять на добрую память...» Наверно, Иван Алексеевич взял и записку — то небольшое, что мог теперь сделать для своего лучшего ученика. Сноска директора — крестик, маленький, как цветок сурепки, выделяет последнюю фразу, к ней пояснение: «Преподаватель училища Промтов». Тот самый Промтов, будущий автор муската «Красный камень». Значит, дорогому Ивану Алексеевичу, тогда преподавателю истории и словесности, передал Будковский самую большую свою ценность — гербарий. Но что за странная тяга к белым цветам? Только они и привлекали ученика: подснежники, анемоны, нарциссы — одного цвета со снегом, первыми распускаются, дрожа на ветру, и, засыхают, не зная тепла.

Следующая бумага резко отличается от других — в траурной рамке, с надписью: «Большой выбор гробов» — счёт от погребальной конторы Барильо: «Итого 23 руб.». По тем временам немалые деньги, если вспомнить, что месячное жалованье, например магистра ботаники, — десять рублей. Но интересней другое. Не тот ли это Барильо, кто выстроил министерскую дачу в центре ботанического сада? А может, его отец? В 1887 году (запомнить нетрудно: сто лет назад) какой-то Барильо исполнил государственный заказ, скрывавший прихоть министра государственных имуществ Островского. В самом сердце ботанической коллекции сей муж отечества пожелал обосноваться и возвести дачу, на казенные деньги, конечно. И директор сада (был поставлен Базаров) воспринял это как божью милость. С истинным почтением и совершенной преданностью для начала он послал под топор шпалерное отделение, утопающее в персиково-алычовых цветах: отсюда открывался наивыгоднейший вид как с востока — на море, так и с запада, ваше сиятельство, — на горы. А затем, размахнувшись, очистил и соседние участки. Падуб мадерский; пурпурный бересклет из Флориды; крушина альпий-

ская; магония из Китая; вечнозеленая этрусская жимолость, земляничник... Список истребления так же велик, как перечень вещей высокопревосходительства, ввезённых на дачу: иконы Спасителя, святого Козьмы, Божьей Матери, а ещё кушетки, комоды, пуфики, стулья... И, наконец, под номером 147 — ночная ваза, собственность господина министра.

К пяти десятинам усадьбы присоединили семь кварталов парка, проложили дорогу для возки дров в кипарисовой аллее, устроили фонтан — и резиденция для отдыха готова. Почтения ради чиновник особых поручений попросил господина Базарова — к о н ф и д е н ц и а л ь н о — устроить его высокопревосходительству какой-нибудь сюрпризик, нечто специфическое, например, выстричь деревья у въезда так, чтобы, как некий, вздох сквозило «О-о-о» — инициал господина министра. Но цветущая там острая пампасная трава и юкка с ножевидными листьями мало подходили для рабских фантазий.

С фундаментом для дачи его высокопревосходительство заложил традицию истребления сада, подхваченную потомками и доведённую нашими современниками до совершенства. Теперешним достойным преемникам останется забетонировать море и на всех папках архива написать «макулатура», и следующим поколениям будет что разоблачать. А начиналось уничтожение благородно — с инструкции: «Для всех чинов министерства, приезжающим по делам службы». Правда, никто, кроме министра, не ездил сюда, даже его замечательный брат Александр Николаевич (автор «Леса» и «Бесприданницы»): верный своим пенатам, драматург предпочитал деревенское Щельково.

Следом за государственным деятелем прибывали пирожковые и десертные тарелки, блюда, соусники, салатники, горчишницы, компотницы, ножи — мясные, овощные, фруктовые, а также передники для прислуги, тюки с бельем, занавески, гардины, ковры, куски коленкора, плюша, бахромы, а кроме того, ушаты, скалки, лопатки, керосиновые лейки, трубы для самоваров, ящики с нарзаном... Десять лет Базаров встречал их, препровождал нарочных, посылал в ялтинскую ресторацию за формами льда, а в Магарачский подвал — за лучшим вином, составлял списки желаний его сиятельства, а через месяц, после отбытия высокого гостя, принимался за ремонт дома, сообщаясь то с каменщиками, то с печниками, обойщиками, мебельщиками... И так до тех пор, пока не выхлопотал себе должность в учёном комитете министерства и не переехал в Петербург. Перед отъездом он, правда, успел сделать в ватерклозете чёрный ход, а уж на выполнение иных желаний высокопревосходительства не хватило времени. К тому же следовало подумать

о собственном будущем. Ведь неподалеку... Даже страшно сказать, почти рядом, в Ливадии, изволит отдыхать государыня императрица. Ну почему бы не вспомнить про успехи акклиматизации растений, бывшие у предшественников? И... чем чёрт не шутит! — не представить к стопам венценосной особы жардиньерку из бамбука, выросшего в императорском саду? Не присвокупить к ней вазон с заморской пальмой, воспитанной здесь же!

И вот он — случай! Государыня в обществе великих князей надумала посетить ботанический сад, загодя отправив в Никиту навьюченную прислугу, чтобы там, чего доброго, не помереть с голода. И тут выручила пустая министерская дача с большой изразцовой плитой. Их величество престолодержательница с их высочествами князьями, цесарятами и многочисленной свитой по прибытии сразу же уселись за стол. Затем осмотрели дом, не найдя, очевидно, в ботаническом саду ничего более достойного внимания. Далее им угодно было расположиться в тени на часок-другой, и на том, окончив знакомство с миром растений, они отбыли восвояси. А будущий член учёного совета, провожая монархические экипажи громким «ура!», благословлял день, когда подрядчик заверил подписью обязательство: «Я, Барильо, принимаю на себя постройку двухэтажного каменного дома с галереей...» и т.д. и т.п.

Дачи давным-давно нет: не выдержала землетрясения. Но оставят ли пустым благодатное место? И чуть ниже, у берега моря, там, где взору министра открывался лазурный природный амфитеатр, на щедрой земле Никитского сада — не зря же кто-то в порыве восторга назвал её клочком Италии, приросшим к суровой Скифии, — стоят бетонные корпуса современных представителей власти. А чуть выше, на скале, пробитой тоннелем, — их чайный домик. А левее — укрытый элегантными криптомериями теремок слуг народа. Теперь не нужны царские тропы, чтобы спускаться к берегу, достаточно в лифте надежной фирмы «Люфтмерхен» нажать кнопку «МОРЕ» — и даже оно, торжественное и великое, у твоих ног.

А ветерок тем временем тормозит страничку архивного дела с подклеенной телеграммой: «Приехать не могу».

Она пришла, когда ученика уже отпели, похоронили и составили опись вещей: часы глухие с цепочкой, кошелек с деньгами (1 руб. 35 коп.), несколько экземпляров журнала «Пробуждение», записная книжка с заметками... Конечно же, директор не может пренебречь просьбой опекуна, заключающей телеграмму, и деликатно сообщает обстоятельства, зачеркивая слова и подбирая нужные:

«Особенно грустен стал он после смерти своего отца осенью 1912 года. Какая-то тоска и апатия одолели его, он по целым дням молчал, отделяясь от расспросов односложными фразами. В от-

пуска почти никуда не ходил, и время каникул проводил тоже в училище...»

Щербаков пишет и мачехе, тем более что её требование: «Немедленно известите» — сопровождается оплаченным ответом. «Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном почтении», — заканчивает он послание. Она вскоре приезжает из Одессы в Ялту, останавливается на даче знакомого генерала. При встрече с ней директор, наверно, почтительно насторожен и, отвечая на её нервные вопросы, вынужден повторить: вещей в обыкновенном смысле слова у её пасынка не было, а то, что способно таковыми именоваться, сдано в полицейский участок, и помощник пристава Никульников расписался в приёме.

Пошла ли она в класс, где пасынок упал на дубовый пол, или встретилась с тем, кто первый поднял тревогу, а может, подробности лишь расстроили бы её слабое здоровье, и она уехала, не открыв душу для них? Да и какое, собственно, это имеет значение?!

2.

Был праздник Белого цветка. В этот день ученики обычно вили гирлянды. Возле министерской дачи стоял автомобиль, который им поручили украсить. Они шумно взялись за дело, время от времени поглядывая на малиновые драпировки в окнах: не мелькнет ли красивая дочка зрителя, имевшая обыкновение кататься по саду на велосипеде. А тот, с кем она недавно столкнулась и кому со злостью сказала, потирая ушибленную руку: «Я возвращу вам несчастный гербарий. Вы не рыцарь. Вы — жалкий смешной поляк», прятал на груди предсмертную записку. В пустом училище тишина. Слышен лишь шелест глицинии, укрывающей здание. Да жужжанье шмелей, вкушающих с её фиолетовых гроздьев.

Чёрные дрозды метнулись от выстрела и на секунду умолкли. И чуть сильнее прежнего качнулись длинные гроздьи. Да ещё отражение бальзамина у кромки бассейна багряно колыхнулось, потревоженное упавшим листом. Вот и всё. А потом один из учеников вздумал украсить цветами свой класс и побежал с букетом... Единственно, о чем Будковский просил, — хоронить без религиозных обрядов

Директору стало жаль сироту, он не решился провожать его в последний путь без прощального слова и пригласил ксёндза. Скорее всего, он после раскаялся, раздосадованный лишней морокой. Меловая бумага всё объясняет — на бланке римско-католического прихода. Отпевание?.. На каком основании? Его высокопреосвященство требует резонов. А тут ещё ксёндз не отступает от своего: не уплатили за службу. А ведь он ехал в праздничный день, за шесть верст

от Ялты, да и приход его малочислен и беден, никакой поддержки от правительства — одна надежда на верующих, и от состоятельных за отпевание в черте города приличествует рублей двадцать пять, а уж за чертой...

Деньги мачеха не рискнула перевести, отсылая к опекуну. На её новое письмо директор смиренно отвечает:

«Залог, который внес генерал-майор Будковский при поступлении сына в училище, выплачен погребальной конторе Барильо. Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном почтении».

А опекун? Где голос крови? Кажется, родственник не торопится с долгом. А знаменитый польский гонор? Или бумаги утрачены? Листаю, листаю, листаю. Вот! Страничка в линейку, вырванная из тетрадки, — жёлтые пятна времени на щегольских размашистых буквах: «Сначала вещи покойного Николая Будковского малой скоростью, после чего последуют десять рублей для ксендза...»

Я закрыла папку. Захотелосьдохнуть свежего воздуха.

По скалистой тропе спустилась вниз, к морю.

Тень веток шевелилась на выступах. Лишь земляничник выглядел застыло-недвижным. Дерево-дикарь, гордое, независимое, оно либо гибнет, либо живёт так, как ему нравится, — высоко на скалах, поближе к солнцу. В нем всё сопротивляется, не поддаётся чужой воле. Равнодушное к влаге, не признает иной почвы — лишь камень. Мускулистые, напряжённо-скрученные стволы, — сизовато-багровые, часто жёлтые, иногда нежно-розовые, в тонких лоскутах обвислой коры, несут раскидистую вечнозелёную крону. В ней долго держатся ягоды, похожие на землянику, правда безвкусные, как трава. Сейчас в кроне цветы, белые, на вид ландыши, но без запаха. Они уже начали осыпаться, ронять свой прах в заросли буйного ладанника. Его сиреневые кустики ютились на каждом освещённом пятачке. На миг, как отголосок поспешного отпевания, память одолжила заёмным: «Ваши пальцы пахнут ладаном...», обратила к строкам Будковского, записанным после смерти отца:

«Во дворе, у клумбы, можно перевести дух. Дождь стекает с моего зонта, одна из капель падает в белую чашечку, обращенную к хмурому югу: мгновенное сияние, потом всё гаснет от нового удара капли. Почти прозрачные лепестки уже разъедены траурной влагой. К вечеру они совсем потемнеют, истончатся, затем смешаются с землёй. Белые, анемичные, щемящие... Я вспоминаю наш сад, где всегда что-то цвело: первыми пробивались крокусы, держа на плечиках остатки снега, а последними — хризантемы; согнувшись под ветром, они смотрелись в зеркальце льда. Больше у меня никого нет. Холодно. Зимно. Бардзо зимно».

Такие признания настроения не поднимают. Вспоминаешь своё, из череды неудач, и что-то вампироподобное в человеческом облике тотчас обретает меня, как добычу. Позванивая длинными очковыми цепями, которые болтаются, как подвески грузинской княжны, оно сразу предупреждает: «Придется подождать. Минутку-другую, возможно, больше. Неотложное задание». Цепями смотрит в газету, ещё секунда, и оно стряхнёт на тебя прах сигареты. Статья о мышиною возне производит бурные потрясения, фаланги свободной конечности отбивают барабанную дробь, учиняя самим звуком маленькую гражданскую казнь надо мной. Без суда и следствия, без слов: «Государственный преступник». От нечего делать придумываю ему биографию и произвожу в экс-вольнодумца, сохранившего привычку почитать на службе. Потом заполняю на него историю болезни и подыскиваю лечебную травку для внутреннего потребления. Отправляя на курорт, даю для компании ходячую бесполоую идентичность. Но отказывается. Почему? Не привыкло изменять жене. В таком случае — оторвать башку: пусть умрёт нравственным, числя себя мужчиной. Сейчас поднимет удивленные органы зрения, изречёт: «Вы ещё здесь? Я же сказало: явитесь через месяц. Только без эмоций. В противном случае ваш вопрос рассмотрению не подлежит».

Наверно, специалист по замораживанию и должен обрывать на полуслове, чтобы поддерживать вечную мерзлоту внутри себя, пронести её сквозь века и передать прекрасному будущему. Премники уже наготове, такие же демократически вероломные, желчекаменные и бесполые. А предшественник из тёмного прошлого давным-давно уверяет в почтении на архивной страничке, лежащей у меня под рукой.

Опекуны, ксёндзы, мачехи, разные барильо, высокопреосвященства, министры и прочие высшие инстанции, маленькие и большие вершители судеб с очками и цепями шли за мной по пятам. Я слышала, как летели камешки из-под ног. Тучей вились москиты и слепни. Голоса жужжали над ухом. Господин министр обращал внимание на недостаточность ризницы в Никитской церкви и поручал заказать полное облачение для священнослужителей. Архирей возмущался тем, что отхожие места помещены под алтарем, и директор сада предлагал выдвинуть их в пристройку. «Мускат белый, мускат розовый, Совиньон из подвалов экспериментального винзавода, заизюмленные тона с шоколадным оттенком», — диктовал чиновник особых поручений и бетонных корпусов. А там компанию уже развлекал приголубленный шут профессор: «Бокал следует брать за ножку, а женщину ниже талии». И только действительный статский советник Щербаков пытался восстановить с ме-

жевым инженером границы сада, докладывая Главному Иерарху: «Никитский сад теряет земли, а главное — физиономию изолированного учреждения».

К причалу подошёл катер, и на весь берег загремела музыка. Голоса сразу стихли. Вскоре катер повернул в сторону Гурзуфа; сошедшие экскурсанты потянулись долгой цепочкой к пепельной оливковой роще. Голубоватая, таяла вдалеке Ялта.

3.

Был полдень, когда последний раз я взглянула на часы. С тех пор прошла вечность и ещё семьдесят четыре года, месяц и двадцать дней, отсчитанные от Праздника белого цветка. Но что изменилось? Одной банальной историей больше, одной меньше. Мир видел столько мёртвых, что мог бы сойти с ума. Но ничего — скрипит. И время от времени жаждет возмездия. Со-кру-ши-тель-ного!!! Мир уходит в крик. И по-прежнему стынет в деревянной скорби над гробом чужого пасынка Божья Матерь, роняет восковые слёзы, и светится бледный веночек в её кипарисовых пальцах. Где-то в девятьсот тринадцатом.

На обратном пути, у подъёма на гору, меня кто-то окликнул. В рассеянности я не узнала голос директора. Не призрак действительного статского советника Щербакова, а нынешний, Петр Аркадьевич, — преемник вековой бетонной традиции (под его руководством в очередной раз перекроили ботанический сад ради курортного культпросвета) взялся откуда-то.

Некоторые, не признающие полутонов, считали нас врагами: из-за пустяка — расхождения относительно изящного садоводства, самой капризной области красоты, последний мастер которой скончался больше ста лет тому. Чудаки! Мне действительно казалось, что этот вдохновенный художник (его имя достойно упоминания — Пюклер-Мускау), будь он жив, взял бы мою сторону, но это ещё ничего не значит. Конечно, Маэстро Пюклер не одобрил бы крикливых нововведений — всех этих косых углов, прямых линий, бетонных площадок, навязанных Никитскому саду, а также прочего застойно-провинциального модерна, включая и корпуса для сановников. Ему вообще нравилась незаплёванная патриархальная классика. В родовом парке Мускау он воплотил свои представления.

Сначала Маэстро творил собственноручно, а затем — пустившись в скитания, так что управляющему надлежало исполнять распоряжения, посылаемые из разных концов света. Плавающие мексиканские сады, игрушечные японские бонсаи, парки Китая, России, Англии, головоломные версальские боскеты... Два года он изучал

их, правя на расстоянии с такой точностью, словно возил Мускау в кармане. Потом вернулся, чтобы самому продолжить работу, навсегда склонившись в пользу естественного стиля, не чуравшегося жизни, — фабричных стен, мельниц, плотин.

В память о Мускау Пюклер удлинил фамилию, когда, разорившись, продал имение какому-то принцу и забрался в глушь. Но и здесь однообразие унылой равнины стало действовать ему на нервы, мешая сочинять «Записки покойника». Старик князь отложил перо и потихоньку взялся за прежнее: сотворил озеро, окружил его холмами, воздвиг лесок... От этого занятия его оторвал Господь, призвавший к себе как самого опасного соперника. С Пюклером-Мускау умерло в 1871 году поклонение природе, облагороженной до идеальной красоты, и уважение к характеру самого не приметного ландшафта.

Но Петра Аркадьевича не вдохновляло имя забытого мастера. Иерархия, к которой Петр Аркадьевич имел честь принадлежать, была с ним в состоянии необъявленной войны. Моего спутника не трогало и то, что Пюклер отстаивал каждую ложбинку, бугорок, струйку воды перед самим королём, если его величество осмеливался соваться в чужую работу. Директор продолжал говорить о распоряжении свыше, ссылаясь на Главного Иерарха, народ, сотни тысяч экскурсантов... Мне делалось скучно, потому что он был искренен. Слушая, я вспоминала пленительные глаза Главного Иерарха и думала: «Ведь и Константин Леонидович — не последняя инстанция. Над ним не только небесная сфера с позолоченным солнцем, вписанная в потолок его легендарного кабинета. И он, академический цезарь, — раб всеохватной бетоносистемы, засосавшей всех нас». И не сочувствовать директору было сверх сил. К тому же не кто иной, а он, мученик должности, разрешил мне пользоваться архивом даже по воскресеньям. А потом предложил заведовать им. Вряд ли предложение было серьёзно, но несерьёзность в отдельных случаях особенно привлекательна! Больше того, вызывает симпатию. И вот я глядела на него, пытаюсь отыскать интерес к истории, которую собиралась рассказать. Но заметила озорство в глазах, как у деревенского парня — из тех, кто встанет поперёк дороги и не даёт прохода.

А явился Петр Аркадьевич предупредить: завтра едем в долину. Он не заснёт спокойно, если не покажет самый большой водопад в Европе и редкий папоротник «Венерины волосы».

Нашёл из-за чего не спать! Есть поважнее предметы. Например, слово «макулатура» в память незадавшейся жизни, любви. И я рассказала о папке.

Реакция директора удивила меня. Путаясь, и смущаясь, и сбиваясь на косноязычие, он выразился в том духе, что вроде как бы, это

самое, понимаете ... нельзя оставить всё так, ну, в устном рассказе... А? Надо бы закрепить. Это был психолог, изучивший человеческие страсти гораздо лучше, чем изящное садоводство и ботанику. А затем встревоженным голосом стал уверять, что самоубийство — грех, и священник, совершивший обряд, нарушил заповедь.

И тут мой доброжелатель запнулся. Кажется, в ту минуту он тоже услышал грозное рычание гербового крылатого льва. И мерный гул бетономшины, накапливающей дикую инерцию разрушения. Оранжевая платформа на колёсах протряслась мимо, обдав жарким смрадом. Она сметала, крушила, давила. Завтра к ней добавят компрессор, он застрочит, питая хитроумный аппарат, который разъярённой струёй песка начнет выжигать всё живое. На лице директора появилась завороченность. Через минуту он деловито ступил на колею, оставленную колёсами, попробовал её крепость. Похоже, его снова одёрнул кто-то из невидимой свиты, следующей за мной по пятам. Густой бас с характерным латгальским акцентом мог принадлежать лишь Главному Иерарху. «Надо пожалеть», — приказал он. И Петр Аркадьевич виновато улыбнулся, послушно договорил: «Нельзя, это самое... переутомляться. Нужна маленькая разрядка. Завтра, если нет возражений, форма одежды походная».

Мы расстались у пропускной будки. Смотрительница торопливо открыла ворота на пляж, затем накинула на них скобу, кандальную цепь и замок, поправила табличку с изображением оскаленной собачьей морды. Директор очутился по ту сторону, заспешил вдоль аллеи акаций. Смотрительница исчезла в тени. Сверху я видела, как по набережной проползла осторожная машина директора. Она ещё не скрылась, а меня уже охватило сомнение: правильно ли поняла его последние слова?

— Когда, говорите, это самое? — хмуро спросил директор.

— Что?..

— ... случилась эта история?

— В 1913-м.

— На сто первом году жизни сада.

Счёт удивил и меня. Директор не отделял судьбу Будковско-го от истории сада и, наверно, был прав. Разве вся наша жизнь не сад, подстриженный, прореженный, забетонированный? Столько людей — да что там! целые народы ушли в макулатуру, стёртые войнами, революциями, конвейерным уничтожением. После них — лишь фантомная боль, та, что мучает инвалидов. И вот она настагает где-нибудь в архиве, врастает, как древодяник в кору, и ноет, мешая жить. И ты не можешь больше читать «Записки кота Мурра», а думаешь о белом гербарии, который давным-давно превратился в труху, и бредишь болезненными откровениями

захолустного гордеца. Слышишь звуки граммофона, о которых он пишет в своем дневнике:

«Представление ещё не началось, артисты устанавливают ширму, дети вертятся, кто-то усаживается, кто-то бежит, пытаюсь догнать собачонку, — во всех движениях столько обыденно вечного, будто видишь картину старого мастера, даже налёт времени на красках видишь. Густая седоватая хвоя колышется вместе с музыкой, я заставляю себя идти вперёд, под сень плакучего кедра — самого непонятого из деревьев, — поникшего, словно безвольная ива, предавшего своё мужественное начало. Дальше, дальше, к древнему земляничнику, не способному на перерождение. И это говорю я, «не рыцарь»».

Её веломашина была украшена плющом, помешавшим удержать руль и уклониться от столкновения. Кажется, этот удар — последний. Единственно, что меня греет, — шинель».

Разговор с директором не выходил из головы.

— С чего бы именно этой папке оказаться в моих руках? — спросила я.

— Как с чего?.. Это самое ... — сказал директор, поражённый моей недогадливостью. — Раз человек интересуется, ради бога, — продолжал он обстоятельно и внятно, но его голос доносился, словно из другого мира, из какого-то волшебства параллельной реальности, где душе бесхлопотно и легко, — пусть работает в свое удовольствие. Я сказал Нине Федоровне: запишите и отпустите. Под мою ответственность... это самое ...

Я слушала, наклонив голову, понимая, что рядом — никого. Безмятежный простор покоился передо мной. Уходил в бесконечность. К ней устремлялся и взгляд. Но чувство того, что, как ни старайся, всё равно не постигнешь всего, убеждало в предельности человека. Солнечный свет оплавливал над горами край лохматого облака. Где-то, за скупенными деревьями, — с высоты они казались зелёной отарой, замершей на спуске, — ехал мой благодетель. О чём он думал?

Предсмертную записку нашли на груди при осмотре тела. Уездный врач подал конвертик Андрею Ивановичу Паламарчуку и, приподнявшись, отошёл в сторону.

«Тяжело умирать, не будучи удовлетворенным в жизни, без сознания, что выполнишь честно свой долг перед обществом. Дальнейшее существование бесцельно и ведёт к новым страданиям. Прощайте».

Николай Будковский сложил секретку и запечатал её за два дня до праздника. Слабое оживление заметили в нём товарищи. Позже они скажут помощнику пристава, что в последнее время Будковский повеселел. Накануне праздника он даже признался, что ему

приснился чистый снег, и кто-то заметил: «Будковский, тебе даже во сне холодно». И, ложась спать, попросили Будковского, встававшего первым, разбудить их пораньше.

Запах глицинии остановил меня на последнем участке подъёма. Он плыл и плыл от террасы моего дома, окутанной дымчато-сиреневым цветом. В нём было дуновение давнего апрельского утра и тишина праздника, разбитого пулей. И по мере того, как я приближалась, запах делался сильнее и отчетливее. Но вот ветер изменил направление. И опять неуловимый, бесследный, как облик Будковского, который не суждено увидеть даже на фотографии, как его последний взгляд, обращённый к сиреневым гроздьям, поплыл стороной.

В холле ко мне устремилась дежурная.

— Вы из архива? — спросила она, и законный интерес к истории обозначился на её лице.

Как известно, всё законное не вызывает доверия.

— Вы про Молотова ищите документы? — не отставала дежурная.

После нескончаемых споров в Москве, после горячего разномыслия, которое конъюнктурные пророки назвали «русской Вандеей», и здесь услышать осточертевшее имя!

— Да не волнуют меня кумиры ни бывшие, ни теперешние! Лучше над чем-нибудь посмеяться.

— А что тут смешного?

— Ну как же, учрежденный французом де Ришелье и обрусевшим шведом Христианом Стевенем, ботанический сад носил имя министра иностранных дел Молотова.

Можно было назвать и второго ангела-хранителя Никитского сада — Лысенко, с которым его соединяли пути сельскохозяйственной академии. Пусть дежурная сама решает: история это или бред жизни?

*Мир был хлопотным, мир был чудным
Под туманом юным, тревожным,
А теперь, в этом веке безлюдном,
Стал пустынным он и несложным...*

Конечно, дежурная хотела услышать что-то другое, но я продолжала читать самого польского из поляков: чтобы впредь не набивалась с модными темами. Но нет! Она была нестигаемой.

— На всякий случай запомните, — сказала она, — когда Молотова расстригли, памятник ему возле купоросного бассейна подлежал ликвидации. Его заключили в клеть, и он стоял, как арестованный.

Потом на него натянули холстину, чтобы не смущать иностранных гостей. И так он простоял, пока не нашли технику. Это у вас, в столице, шито-крыто, по ночам, втихаря, а у нас выносят при стечении народа.

Меня позабавило столь оригинальное осуждение столичной практики.

— А Лысенко? — спросила я. — Тоже задвинули за решетку?

— Тут обошлось! Ни в мраморе, ни в граните не красовался.

Её гневное чувство ограничивалось расправой над монументами. В этом было что-то обнадеживающее, как и в том, что идолы уходили в макулатуру.

— Никто не звонил? — спросила я, возвращая дежурную к будням.

— А сколько кавалеров вам требуется? — ответила она удивлённо, не делая секрета из своих наблюдений.

Похоже, у моря старушка признавала только любовные отношения. Я пожалала плечами и подалась к лестнице.

— Я сказала «кавалеров», а не «любовников», — закричала она вдогонку, — что не одно и то же! Имейте в виду, превратить кавалера в любовника — не такое простое дело.

— Вы считаете?

— Я считаю!.. Это факт. Запомните: в любви главное поцелуй. Если он приятен и сладок и вас от него шатает, и сами вы таете, а он горит на губах, то всё остальное будет ещё приятней.

Я улыбнулась, находя суждение небесспорным, однако во внимание приняла.

В комнате по-прежнему было солнечно и так же слышались волны. Кажется, ничто не изменилось, но это только кажется. Одна архивная папка, а всё стало другим — из-за проклятой надписи: «Макулатура». Тогда-то и спросила себя: «Зачем взяла эту папку?» Было так хорошо. Море. Солнце. Встречи с директором. А теперь всё достанется ей — неприкаянной тени. Всё или почти всё? И неизведанный поцелуй? Не знаю...

Послесловие

Судьба этого рассказа претерпела много невзгод. Автор желал не просто видеть его напечатанным, но напечатанным на родине главного действующего лица, в Польше. Тем самым хотел, отдавая дань его памяти, репатриировать саму бедную тень сироты. Однако идея не имела успеха. Чванливыми и надутыми, словом, одними из тех, кого называют официальными лицами, было сказано: «Поляк, который прижился у вас, в России, — не поляк». Увы, жестокость так

же тупа, как и глупость, особенно если тщится изобразить гордость да ещё под покровительством центра, названного Культурным. Речь не о ней, а о том, что у милосердия нет национальности, как, помимо души, у боли нет другой родины.

БЕСКОНЕЧЕЯ СПИРАЛЬ РАЗУМА

(Философская фантазия)

Не думали и не гадали, а Жизнь проходит по спирали...
Давно это было. Когда — я не знаю.
В иной стороне и в былую годину
Спустилась с небес «птиц» неведомых стая.
И вышли из них на земную равнину —
Смелы и прекрасны, не боги, а люди,
Посланцы иного, чужого светила.
Насколько сильна сила Разума будет —
Понять на Земле ещё некому было.

Поможет: подняться и стать господином
Планеты своей (Я не знаю названья);
Потом (для Разумных законы едины)
И Братьев искать в глубине мирозданья;
Создать корабли, на которых возможно
Промчаться, как свет, на другую планету
И в Мир первобытный войти осторожно,
Чтоб Жизнь изучать; и сравнить ту и эту.

А Жизнь оказалась близка и знакома,
Когда — то ушедшая — здесь повторилась.
Всё те же ошибки, что делались дома,
Для всех подтвержденьем единства явилось.
Единства Судьбы и Законов Природы,
Для нашей Вселенной бескрайней, великой.
И это равняет в Грядущем народы
Планеты Разумной с планетою Дикой.

И пусть на Земле в этот миг перволюди
Ещё друг на друга махали дубиной,
Пришельцы поймут — не всегда это будет.
Не зря стая «птиц» пронеслась над равниной.
От Братьев по Разуму Искорку Знаний
Сумеют принять. Так должно и так будет.
Пусть будет потом горький миг расставаний.
Пусть даже об этом наш мир позабудет.

Века пронесутся, меняя народы.
Пришельцы предстанут земными богами.
И будут идти бесконечные годы.
И долго мы будем с богами врагами.
Но вновь повториться под нашей звездой
Подъём бесконечной разумной Спирали...
Пришельцев пылливость возьмем мы с собою.
И жажду единства, что нам передали.

Ещё непонятны нам таинства Мира.
Ещё слишком мало о Жизни мы знаем.
Но тесной нам стала планета-квартира,
И мы расселиться по звёздам мечтаем.
Пытаемся строить большие ракеты.
И к звёздам летать поскорее стремимся.
И, может, откроем такие планеты,
Где Жизнь лишь недавно смогла зародиться.

И вот уже мы, как Пришельцы когда-то,
Опустимся в мир незнакомый и новый.
И встретим мы в нем молодого Собрата,
Живущего в мире природы суровой.
Они поначалу нас будут бояться,
Как дети пугаются всех незнакомых.
Потом мы богами им будем казаться,
И станем в ответе за этих, ведомых.

Мы им отдадим тоже Искорку Знаний.
Но вскоре домой предстоит нам вернуться.
И пропасть больших, неземных расстояний
Нескоро позволит друг друга коснуться.
И также они осторожно, пылливо
Осваивать будут Природы порядки.
Разумная Жизнь будет очень красива.
И ввысь устремится Спираль без оглядки.

Вот так, потихоньку, себе помогая,
Разумная Жизнь побежит по Вселенной.
Всё больше, и больше Миров открывая,
И в том, выполняя закон сокровенный:
Для Жизни девиз — это равенство, братство!
Разумный поймёт, неразумного учат.
И, чтобы познать все Природы богатства,
Спираль устремляется выше и круче...

Но Жизнь не приемлет чужого шаблона
И Разум, случается, всё же теряют.
Миры, не признавшие Жизни Закона
В конечном итоге совсем исчезают.
Их было немало... Не буду пророчить
И лекции нудно читать о морали.
Но, чтобы Земле не исчезнуть, как прочим,—
Нельзя позволять замыкаться Спирали.

ДВА ЛУЧИКА

Два лучика солнечных мне улыбнутся,
Когда за окном и в душе холода.
Вдруг в жизнь мою радужным вихрем ворвутся,
В тот дом с палисадом в лесу у пруда.
Проникнут во все уголки потайные,
Одарят любовью и детским теплом.
Два солнечных лучика в дни непростые
Проснуться заставят, устроив погром.

СИНЕЕ МОРЕ

Синее, синее море
Как я жду встречи с тобой!
Воздух соленый и горы,
Вот и вернулась домой.
В детстве мы часто мечтаем
Выпорхнуть из-под крыла.
Как же потом не хватает
Отчего дома тепла!
Море волнует и манит,
Море обнимет, как мать.
В небе звезда догорает,
Жаль, что пора уезжать.

Я НЕ МОГУ ПИСАТЬ КАРТИНЫ

Я не могу писать картины,
Как зарождается рассвет
Над морем бирюзово-синим,
Порой бунтарным, спасу нет.

Как пахнут летом в поле травы,
Пьянит, кружится голова!
Под шелест утренний дубравы
Любви рождаются слова.

Я не могу писать пастелью.
Мне б чудо-осень задержать,
Где свет, струящийся сквозь ели
Подарит сердцу благодать.

Чтобы грачи не улетели,
Не унесли с собой тепло,
И тополя не поседали,
Утратив красок торжество.

Я не могу писать картины
О том, как снежною зимой
Берёзы вдоль лесной тропинки
Сплетают ветви надо мной.

Здесь в белых шапках великаны,
Образовав могучий строй,
Как вековые истуканы,
Уберегут от вьюги злой.

Я не могу писать картины,
Как жизнь рождается весной,
Подснежник расцветет в низине,
Вернутся ласточки домой.

На ветках новых вербы старой,
Набухнут почки, и тогда
Уйдёт надолго день усталый,
Покинут землю холода.

Я не могу писать картины.
Друзья приносят краски в дом,
Лежат давно они в корзине.
Попробую писать пером.

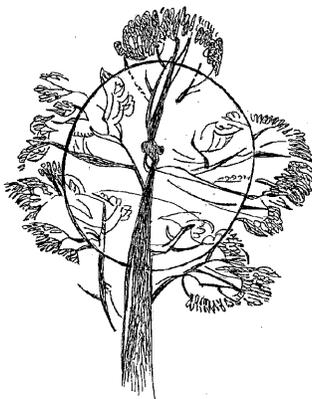
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ЧУДО

Пылилась давно на витрине
Среди золотой мишуры
Игрушка в плетёной корзине,
Её прикрывали шары.

В канун Рождества не на шутку
Метель разыгралась вокруг.
Решил в магазине минутку
Прохожий погреться и вдруг

Заметил чудесный фонарик,
Его завернуть попросил.
«Грустившей дочурке подарок,
Вот будет!» — прохожий решил.

И чудо, конечно, случилось
В святую волшебную ночь!
На ёлке игрушка светилась,
Светилась от радости дочь.

(1951–2001)

Польша

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА**ПОЧТОВЫЙ РОМАНС***(выбранные места из переписки друзей)*

Стихи К. М. Сенявского в переводе Е. Славороссовой

Наша встреча (или не встреча?) произошла осенью 1979 года. А вернее ещё раньше. В 1975 году в журнале «Юность» был мой поэтический дебют. Кшиштоф перевёл одно стихотворение. Потом за переводы его наградили поездкой в Москву. Тогда-то он и зашёл в редакцию «Юности», чтобы найти меня. Он звонил мне домой, но не застал. Я звонила ему в гостиницу, но не застала. Когда же, наконец, нам удалось поговорить по телефону, он уже уезжал. Кшиштоф попросил меня прислать стихи. Я прислала, он ответил.

И тут произошло нечто фантастическое! Как будто между нами открылся телепатический канал — и мы взахлёб стали обмениваться мыслями, чувствами, стихами, мечтами и снами.

Любимый друг, собеседник, товарищ по несчастью (и по счастью), брат по перу, поклонник, переводчик, родственная душа, рыцарь Печального образа без страха и упрёка, Ангел Евгении — это всё он — Кшиштоф. Он притягивал, завораживал, тянул за собой. Нежный, щедрый, великодушный, восторженный, ранимый. Мы были полны взаимного восхищения и изумления, учились друг у друга, а соперничали лишь в том, кто больше отдаст. Но в этом соревновании всегда побеждал он.

Евгения — Кшиштофу

Москва, октябрь 1979

Уважаемый пан Сенявский!

Вы просили прислать что-нибудь из моих стихов.

Посылаю Вам стихотворение «Портреты предков».

ПОРТРЕТЫ ПРЕДКОВ

Жизнь не щадит никого и нисколько,
Душу мне мучит давнишнею болью —
Гордой графинечке, беленькой польке
Выпало тлеть на цыганских угольях.

Жизнь устанавливать любит порядки.
Горше отравы иная отрада.
Ссылной изгнаннице, аристократке
Вздрагивать в цепких руках конокрада.

Лёгкой мазурки прощальная нота
Тоньше, чем трещина в тяжести свода.
Но под пятою железного гнёта
Бродит кибиток босая свобода.

Жизнь — режиссёр волевой и жестокий.
Только не зря постигаю отныне
Эти — в душе моей темной истоки
Воли цыганской и польской гордыни.

Пусть не уйти от бесплодных попыток,
Ведь суждены нам столицы и веси,
В смутной душе ощущаю избыток
Лени цыганской и шляхетской спеси.

Судьбы — в подброшенной к небу монете,
Решка с орлом в нескончаемом споре.
Жизнь объяснит мне премудрый генетик,
Век растолкует суровый историк.

Спорить не смею — ученые правы.
Только не вышло со мной ни черта бы,
Если б в высокую душу Варшавы
Вдруг не ворвался оборванный табор;

Если б не выслали вора за кражу;
Если б мелодия бального танца,
Вспыхнув, как трут, в фортепьянном пассаже
Не превратилась бы в песню повстанца;

Если б во тьме, у земного предела,
В дикой Сибири, под вой урагана
Польки прохладное бледное тело
Не было брошено в пекло цыгана. (...).

Кшиштоф — Евгении

Варшава, 15.11.1979

Женя, привет Вам, привет Тебе (можно ли так?..), спасибо за прекрасное письмо, которого я ждал — поверь мне — с огромной тоской. Женя, прости меня за ошибки, по-русски я не пишу так хорошо, как бы хотел, но надеюсь, что — при Твоей помощи — обучусь когда-нибудь. Пока что — я и плохо говорю, и плохо пишу, хотя переводить сумею — как же нет? Ведь я лауреат многих премий — за переводы, потому и в Москву я приехал. И теперь понимаю, что — не зря. Благодарю Тебя... Сейчас я готовлю к печати антологию русской и советской поэзии — там только мои переводы (...). Включил я туда самых разных людей — и этих с «дальней старины», и наших великих современников. Найдёшь, Женя, в этой книжке и Пушкина, и Блока, и Есенина, и Вергинского, тоже — обязательно! — стихи Ахматовой, а потом — Друниной, Тушновой, Смелякова, Маршака и многих, многих других. Самых разных. Настоящее море! Книга на-

зывается «Тени наших любимых» (...) от одной главы из потрясающей поэмы Евтушенко «Братская ГЭС», которую я целиком перевёл. Евтушенко-то совсем особенная история, особенная проблема — но об этом я Тебе ещё много напишу. Всё впереди, Женечка. Ах, что я говорю, прошу прощения. Пора снова дальше о стихах. В этой моей антологии совсем не на последнем месте и Твои стихи — а как же по-другому мне было сделать? Твоё творчество — а и Ты сама после наших телефонных разговоров, после Твоего письмеца — дороже всего другого. Мне надо всё это сохранить, и выразить — стараюсь, Женя — чтобы Ты знала как! Сейчас я снова сижу за Твоими стихами («Портреты предков» — увлекательное стихотворение — прими поклон поляка) — и пишу снова то, что и Ты, только на польском языке... Повезёт ли? Увидим... Ещё раз — большое спасибо,

Женя, Ты спросила, какое образование у меня. Важно это? Прощу: я полонист. Я несколько лет тому назад был ещё студентом. Да, Варшавский Университет. А потом — надоело, и что делать? Давно я пишу? Не знаю — 11 лет — давно то, или нет... Какие мои любимые поэты? Женя, русские почти все (кроме некоторых), а польские? Из современных только Станислав Гроховяк и Эрнест Брил (может быть, ещё поэтесса Агнешка Осецкая, которой посвятил несколько своих песен чудесный Булат Окуджава), а из старших прежде всего — Тувим, Лесьмян, Павликовская, Галчинский (...) — и, разумеется, другие, но времени не хватает, чтобы назвать их сейчас по фамилиям. Прости. Жалко, что — по-моему — нет у нас в Польше настоящей молодой поэзии. То, что есть — жаль говорить. Но всё-таки мы ещё с Тобой, Женя, поговорим и на эту тему. Хорошо? Только подожди немножко...

Я, знаешь, люблю читать и Мицкевича, и Словацкого, но у нас кричат на такого человека: дурак! Повторяю: жаль...

Дорогая, посылаю Тебе немножко стихков своих, я тоже пишу от руки и тоже постараюсь разборчиво. (...) А знаешь? — я до сих пор вспоминаю этот день, когда попал мне в руки экземпляр «Юности», в котором напечатаны Твои произведения и Твоя фотография. Я тогда был в восторге и обо всём забыл. Это мало сказать... И теперь то же самое, когда читаю Твои слова о «капле польской крови», об этом союзе польско-цыганском... ах, буду молчать. Как выразить это... это Всё?!

... Потом, к сожалению, я был битый и гнутый — знаешь, как страшно может быть порою на этой земле — и я в бурях жизни потерял где-то эту «Юность» — потому теперь у меня просьба пре-большая — пришли мне кроме стихотворений и фотографию свою — тогда и переводить будет легче. Женечка — извини — и позволь, чтоб я этот «неба свод безмерный» сохранил в своей варшавской комнате. Прощу.

Женя, пора расставаться. Позволь, чтоб вместо «до свидания» или «прощай!» я сказал Тебе слова из песенки:

*«А мы случайно повстречались,
мой самый главный человек,
благословляю ту случайность
и благодарен ей навек...»*

И сегодня, когда я всё и всё думаю о Тебе, мне кажется, что Ты говоришь, как эта цыганка у Полонского: «Я уйду с толпой цыганок за кибиткой кочевой...»

А я только — позволишь? — прошепчу из далекой Варшавы: — не уходи — не покидай...

Спасибо Тебе за то, что Ты живешь — нечего мне больше сказать.

Будь здорова, Женечка, пиши, и — не забывай! Кшиштоф (или Кшись — так можно сказать по-польски. Евгения — Женя — Кшиштоф — Кпшсь. Всё)

Р. С. Как Москва?

У нас ещё осень, дожди, ранние туманы... Грустно, Женя.

Твоё письмо — один луч. Помни...

БЛАГОДАРНОСТЬ

За то, что рождена была ты,
За то, что солнца свет не мешкал,
За зов весны моей тридцатой,
За городок смешной Тшемешно.
За Элк, за деревушку рядом,
За путь извилистый и длинный,
За синих мотыльков над садом
И за зелёную долину.
За ту великую утеху
От суеты пустой и мелкой —
Ведь я всегда могу уехать,
В Тшемешно скрыться или в Элке,
Там, ожидая и тоскуя,
Сочувствовать всему, что живо.
За жизнь нелёгкую такую,
За боль высокого порыва.
За ночь без сна, за луч рассвета,
За письма, что спасти могли бы.
За всё — за зиму и за лето,
За осень и весну — спасибо!

Евгения — Кшиштофу

Москва, 1 декабря 1979 г. —
первый день Зимы

День добрый, уважаемый пан Сенявский!

Во-первых, разрешите мне поблагодарить Вас за Ваше содержательное письмо от 15.11.1979 г., а, во-вторых...

Ужасно, правда?

Поэтому я ни за что на свете не буду начинать свое письмо так, а начну его просто:

Здравствуй, Кшись!

В пьесе твоей любимой Агнешки Осецкой «Вкус черешни» (которую я смотрела в театре «Современник») героиня поёт песенку (в переводе твоего любимого Окуджавы): «Зачем мы перешли на ты? За это нам и перепало...»

Но дело уже сделано — можно считать, что мы заочно выпили на брудершafft. Ваше здоровье, Человек-невидимка! Желаю тебе всегда благоприятного сочетания звёзд.

Кстати, под каким знаком Зодиака ты родился? Я рождена под знаком Рака — существа своеобразного, но этим знаком отмечены пророки, ясновидцы, поэты и другие творческие личности...

Ну, как всегда, я отвлекаюсь, а ведь я хотела сказать тебе огромное СПАСИБО за такой замечательный перевод. По-моему, ты написал его на одном дыхании без помарок, просто прочёл стихотворение и сразу записал по-польски. (...)

Я ужасно рада твоему письму (оно, действительно, прекрасное. Честное слово!) И надеюсь, что мы будем переписываться с тобой лет 90, как Бернард Шоу и Стелла Патрик Кэмпбелл.

К счастью, ты (как и я, впрочем) отчасти живёшь в 19 веке, когда люди ещё не разучились писать друг другу письма и не ограничивались только телефонной болтовнёй. Когда я разговариваю по телефону, мне кажется, что я вызываю духов на спиритическом сеансе и общаюсь с Телефонными Призраками.

Кшись, ты просто молодец, что делаешь «Тени наших любимых»!!!!!!!!!!!!!! (Это выражение моего одобрения и восторга) .

А как ты относишься к Марине Цветаевой, Пастернаку, Мандельштаму, Заболоцкому? Не пробовал переводить кого-нибудь из них? (хотя их стихи необычайно трудны для перевода) .

Хочу тебе сказать, что давно уже интересуюсь польской культурой (капля польской крови!). Смотрела многие фильмы Анджея Вайды и Ежи Кавалеровича («Мать Иоанна от ангелов» — одно из самых сильных впечатлений), читала Ивашкевича, Дыгата, Кунце-

вич, Стависского. Очень люблю Станислава Лема. Видел ли ты «Соларис» в постановке Андрея Тарковского?

Ты не догадываешься, что я сделаю, как только закончу это бесконечное послание? Срочно побегу покупать польско-русский словарь, мне не терпится заняться переводами твоих стихов.

Письмо мое грозит затянуться и, боюсь, мне придётся посылать тонну бумаги посылкой.

Посылаю тебе свою фотографию.

(Надпись на фото:

*Любите за то, что талантлива, за
мои с азиатским разрезом глаза,
а если они не зажгут в Вас огня —
тогда я прошу — ненавидеть меня!)*

Надеюсь, и ты пришлешь мне свою. Не вечно же тебе быть человеком-невидимкой. (...)

Все свои мысли и чувства я выражаю в стихах, а прозой написано то, что ещё не успела выразить в стихах.

P.S. В Москве после твоего отъезда всё растаяло. А сегодня 1 декабря точно по расписанию выпал настоящий свежий снег — высшего качества. E.

КРАСНЫЙ КОНЬ

Ты на заре буди меня,
Что мне недосыпанье?
Поутру красного коня
Выводят на купанье.

Покуда солнышко не жжёт,
Как в сне полузабытом,
Мой красный конь тихонько ржёт
И в землю бьёт копытом.

Косится бешено — огонь!
Найди ещё такого!
Мой красный конь, прекрасный конь,
Блестящая подкова.

Промчатся весело нагой
Под красными лучами
И тронуть красный бок ногой,
Чуть поводя плечами.

Пусть губы трогает и грудь
Ветрило — смелый малый.
Неси меня куда-нибудь,
Мой добрый конь удалый.

Вином окрасилась река,
Тепло плечам раздетым.
Поймать коня и седока
Ты не сумеешь, где там!

И всё равно мне — сон иль явь.
Гуляй на вольной воле!
Рысцой на луг, по речке вплавь,
Галопом в чисто поле!

Евгения — Кшиштофу

Москва, 15.12.1979 г.

Здравствуй, Кшись!

Пишу тебе, не дождавшись ответа. Но если послать это новогоднее поздравление немного позже, то, боюсь, при скорости нашей почты ты получишь его не раньше 1 мая.

Моё внеочередное письмо будет обладать одним несомненным достоинством — краткостью. Ведь краткость — сестра таланта!

Ну что же, Кшись, поздравляю тебя с Новым (совсем новеньким) 1980 годом. Дата круглая — начало нового десятилетия, которое возможно станет для нас Десятилетием Главных Свершений. А ведь не успеешь оглянуться (подумаешь — какие-нибудь 20 лет) и новый Век на дворе. Интересно, что мы будем писать друг другу в XXI веке? Но желать (это уж я точно знаю) мы будем друг другу того самого, что я хочу пожелать тебе сегодня. Я желаю тебе того загадочного состояния души (над разгадкой его бились величайшие умы, а отсутствие его было источником скорбных элегий для поэтов), которое за неимением более точного слова называют СЧАСТЬЕМ. В качестве новогодней шутки (под звуки «Цыганских напевов» Сарасате) преподношу тебе фантастически-фантазмагорический:

СОН КШИСЯ

Быть может, нельзя и не вправо
Бродяжничать жизнь напролёт.
Цыганка по зимней Варшаве
С пылающим бубном идет.
Хоть справки нет с места работы,

Как птица, не зная границ,
Поёт непонятное что-то
Овеяна ветром ресниц.
Играет улыбкой опасно
(По ней плачет место в тюрьме),
Её совершенно напрасно
От всех защищал Мериме.
Кумир непутовых мальчишек
(Колдунью ли им обмануть?) —
Надменной красавицы Мнишек
Цыганочка может взглянуть.
Шагает усталый прохожий,
Клянёт неустроенный мир.
Но слепнет от смуглости кожи,
Сверкнувшей, как солнце, из дыр.
Кружит босоногая ловко,
И тает снежок под ногой.
«А где здесь район Хомичовка,
Скажи мне, ответь, дорогой?
Клянусь всем, что дорого в мире,
Я знаю, что будет и есть.
Мне нужен дом номер четыре.
Квартира нужна тридцать шесть.
Я видела глуби и выси,
Я долго блуждала в пути.
Ты знаешь Сенявского Кшися?
Здесь все его знают почти.
А вы с ним немного похожи.
Он лавры поэта стяжал...»
Но тот одинокий прохожий
Смущённо плечами пожал.
А был он талантливей прочих
И сны сочинял наяву.
(Он был молодой переводчик
И, кажется, ездил в Москву) .
И дальше побрёл еле-еле,
Его тяготила вина...
Цыганка исчезла в метели.
А, может, приснилась она?

Е.

P.S. А ведь столько ещё надо сказать о твоих стихах (они меня совсем заворожили! Оказывается, у нас так много общего (...), о твоих переводах моих стихов (таких естественных и точных), о своих

стихах (но тут я скромно умолкаю), о своих переводах твоих стихов (здесь я испытываю все муки и радости Открывателя Новой Страны). Но обо всём этом (и ещё о многом другом) в следующем письме...

P.P.S. Для начала я хочу задать тебе каких-нибудь 100.000 вопросов, а ты ответь хотя бы на половину.

Был ли ты раньше в нашей стране?

Какое впечатление произвела на тебя Москва?

Как ты будешь проводить (вернее, как ты провёл) Новогодний праздник?

Что ты больше всего любил в детстве?

Сколько раз ты давал себе обещание начать новую жизнь?

Любишь ли ты в одиночестве бродить по улицам под дождём без всякой цели?

Умеешь ли плавать?

Какой у тебя рост, и какого цвета глаза?

Не пробовал ли писать прозу?

Читал ли «Мастера и Маргариту» Булгакова?

???????????????????? (..)

КШИШТОФ — ЕВГЕНИИ

*13.12.1979 г. — Второй день
варшавской зимы. (Первый снег!)*

Женя, дорогая — позволь, чтобы я сейчас преклонил перед тобой свою шальную голову, и сказал: здравствуете, пани Славоросова! Здравствуй, Женечка! Здравствуй, мой самый главный человек! Спасибо Тебе за Всё... Что ещё сказать?

Милая, Твое письмо, Твои стихотворения, а прежде всего Ты сама — это чудо, это летающий сад, который видят матросы в далёком океане, это... Извини, не могу. Я не Есенин, но позволь, что я по-есенински скажу: «... я красивых таких не видел» ... И уже молчу.

Женечка, я работаю над Твоими стихами — и днём, и ночью — пока что — я ещё не посылаю Тебе этих переводов — Ты просто получишь всё — в январе или феврале, когда я успею всё это сделать... Как жалко, что я теперь не смог приехать в Москву... Мне так хотелось пойти вместе с Тобой — куда-нибудь — на прогулку — ах, Женя, хотя бы на Арбат, как эти часовые любви... Посмотреть в глаза друг другу, помолчать... Но всё-таки я остался в Варшаве. И — тоска. Такое дело! Как жить? — скажи Ты, Женечка — я, дурачок, не знаю. Стыдно... А, может быть, я уже действительно пропал по одиночке? Просто ужас.

Но, поверь мне, я тоскую — и сейчас в этом великом мире — Ты — единственная. Спасибо большое. И ещё раз — СПАСИБО...

Женя, ты спросила — как я отношусь к Цветаевой, Мандельштаму, Заболоцкому, Пастернаку — дорогая — не надо спрашивать... Они все — мои. Люблю их — чтобы Ты знала, как! — и всех их перевожу (...)

Ты много пишешь на тему «кино», а ведь фильм — это моё «hobby» (как это сказать по-русски?!) Андрея Тарковского я видел всё — кроме «Зеркала» — это в самом деле великий режиссёр. А Коля Бурляев из «Иванова детства»? А великолепный Солоницын из «Рублёва»? Как это — выразить?! Ах, что я не видел... Я простой человек, но кино знаток неплохой... «Калину красную» моего любимого Шукшина я шесть раз подряд смотрел. И это всё мало. Кроме того — Михалков, Шепитько, даже брат Михалкова — Кончаловский — это люди, близкие моему сердцу. Но прежде всего — Вася Шукшин... Я много писал о нём — стихотворения тоже...

А у нас, Женя, что-то происходит интересного в кино, наверно. Молодые режиссёры начали наконец делать интересные картины. Например — Кшиштоф Кеслёвский. Ведь его фильм «Любитель» взял первую премию на московском фестивале. Главную роль сыграл в этом фильме выдающийся актер Ежи Штур — но он прежде всего работает в театре — в прекрасном городе Кракове (если бы Ты видела его на сцене — какой из него был Верховенский! Ей богу — сказать невозможно...) Но я всё-таки наиболее люблю творчество Андрея Вайды. Его «Мраморный человек» или «Пейзаж после боя» — это самые главные произведения польского — а, по-моему, и всемирного кино. Но я и о другом ещё хотел сказать.

Теперь в Варшаве идёт гениальная картина США «Пролетал над кукушкиным гнездом» Милоша Формана, чешского режиссера, эмигранта. Огромные толпы перед кинотеатрами. А на голубом экране — Джек Николсон — свободный дух Мак Мёрфи — актёр, каких перед ним не бывало... Шёл ли этот фильм у вас? (...)

Итак, ещё — я хорошо знаю и Воюанда, и Бегемота, и Маргариту — и всё, что случилось на Патриарших Прудах. Боже мой — ведь я Булгакова читал не раз! Женя — это один из моих писателей! У меня есть немного таких — самых любимых, и я должен, хотя бы один раз в год, прочитать их — ещё раз. Первый из них — это мой соотечественник Генрик Сенкевич. Чтобы Ты знала, как люблю я его...

Женя — а ты читала что-нибудь Сенкевича? Напиши...

Знаешь — Твой любимый Ежи Кавалерович будет снимать теперь фильм по самой прекрасной книге Сенкевича «Quo vadis» (по-русски «Куда идёшь?») — надеюсь, что и в Москве будут демонстрировать этот фильм...

Но и что — пора снова расставаться. Позволь, чтобы я сказал, как Вертинский — «не могу, не хочу, наконец — не желаю»...

Твоя фотография — уже в оправе — стоит на столе у меня — и хотя сегодня у нас в Варшаве 15 градусов ниже нуля — у меня тепло — благодарю, Женечка! (...)

Посылаю Тебе фотографию свою. (...)

Женя, что ещё наконец сказать — вероятно только то: живи, помни и пиши. И будь уверена в том одном: я Тебя наверно не забуду никогда. До свидания, Дорогая — пора вернуться к Твоим стихам (- три уже готовы!) Твой Кшись

P.S. — Прости за ошибки!!

P.S.2 Снова посылаю свое «творчество». Извини. (...)

Ещё раз, Женя — до свидания, всего доброго. Ах, я рожден под знаком PANNY (как это по-русски? Девушка? Незамужняя?) Дата рождения: 4.09.1951 г. (...) Спокойной ночи, Женя, — К.С.

* * *

Жене С.

Где бы ни блуждал я, Ты была незримо,
Но Тебя искал я, страсть моя и вера,
Славил тебя песней на руинах Рима,
Воспевал стихами в Греции Гомера.

И когда услышишь дальний голос в поле,
Вспомни то, чего я повторять не смею:
Что я — Твой до смерти, до последней боли —
Ты, которой в жизни не бывать моею!

Кшиштоф — Евгении

Открытка, Wesolych Swiat.

Варшава, 18.12. 1979

С Новым Годом, Женя, желаю Тебе исполнения всех Твоих мечтаний — и того, чтобы Ты написала ещё много великолепных увлекательных стихотворений. Пусть жизнь Твоя станет совсем чудесной, как сказки Андерсена, как песня Сольвейг, как Твой стих о первом снеге...

И хотя «между нами снега и снега», я за седьмой горою — думаю, я за седьмым морем — помню — и очень жду — а это значит, что расстояние между Варшавой и городом Люберцы составляет — один шаг. Ещё раз — СПАСИБО!.. Твой Кшись

ПЕРЕД РАССВЕТОМ СЕРДЦА

Жене Славороссовой

Перед рассветом сердца давним
Всю ночь акация кипела,
И крался первый луч сквозь ставни,
И небо жаворонком пело.
Во сне жасмина колыханье
Пьянило. Сам себе не веря,
Стоял я, затаив дыханье,
У приоткрытой райской двери.
Но выше музыки органной
По травам призрачного луга
Ты шла ко мне фата-морганой —
И мы опять нашли друг друга...
Но почему в глухую полночь,
Что душит, до смерти изранив,
Ты таешь, не придя на помощь,
Перед рассветом сердца ранним?

Евгения — Кшиштофу

Москва, 30.12.1979

Здравствуй, Кшись!

Как видишь, твоё письмо пришло очень вовремя — к самому Новому Году. И хотя я уже поздравляла тебя с этим праздником, поздравляю ещё раз.

Недавно в журнале «Иностранная литература» я прочитала подборку стихов молодых (сравнительно) польских поэтов (Юзефа Барана, Мирослава Борушевского, Юлиана Корнхаузера, Станислава Гостковского и Марианны Боцян). Знаешь кого-нибудь из них? Все они пишут верлибром, а я не представляю себе стихов без рифмы. Ведь рифма — это не просто украшение, а инструмент познания, свойственный именно поэзии! (...)

Выступаю в роли Колумба и открываю для себя неведомый материк под названием «Кшиштоф Сенявский». Только такой безрассудный человек, как я, мог пуститься в плаванье без карты и компаса, без руля и без ветрил (т.е. без знания польского языка), полагаясь на одну интуицию (и польско-русский словарь). Но, как утверждает пословица: смелость города берёт. Прошу не судить слишком строго мои первые польские переводы. (...)

Обнаружила у нас с тобой в стихах немало общего. Даже некоторые образы почти совпадают. (...)

Но, что бы там ни было, по-моему, Дух твоей поэзии мне удалось донести, не расплескав.

Кшись, как я рада, что ты любишь тех, кого люблю я!

Сенкевича, к стыду своему, я не читала, но теперь я твой должник, и в 1980 году даю обещание заполнить этот пробел. Зато сейчас я читаю Циприана Норвида. (...)

P. S. Спасибо за фото!

P.P.S. Спасибо за посвящения! (...) E.

КШИШТОФ — ЕВГЕНИИ

Варшава, 1.01.1980 г.

Дорогая Женечка — здравствуй!

Смотри — за окном новенький год — Твой добрый год — благодарю за него! Хотел сказать, что последнее Твоё письмо — это наиболее красивый подарок, который я получил в сочельник... Моя Великая Подруга — как выразить эту благодарность?..

Позволь, чтоб я прежде всего ответил на 100.000 Твоих вопросов. (...) Ну, давай:

1) Нет, я раньше никогда не был в вашей стране. Но всё-таки полюбил её сильнее тех, которые были и смотрели.

2) Огромное впечатление. Москва — это чудо-город, и я бы хотел там жить, чёрт бери — сладка бы это была жизнь, или нет? Слов снова не хватает, Женечка... Мне кажется, что все эти просторы, это метро, этот

Университет — построены какими-то Добрынями Никитичами из старинных былин. Но я знаю, что в каждом русском человеке дремлет Муромец. И очень хорошо!

3) Я провёл Новогодний Праздник, как всегда — в одиночестве. Погрустил, подумал, повспоминал — вот и всё. Но Ты с фотографии глядела на меня, итак, была и улыбка.

4) Что я любил в детстве? Мне кажется, сказки — самые разные. И новогоднюю ёлку — и первый снег. И море — и время каникул — и сосны на дюнах. И далёкие путешествия — в Неизвестное...

5) Новую жизнь? Я и теперь хочу начать её сначала. Который раз? Не помню, Милая. И не знаю — повезёт ли, или нет...

6) Фотографию получил — и ещё раз — большое СПАСИБО. Наконец я могу с кем-то поговорить... И сказать: Dobranos... Удивлена? Ведь я тоже шарлатан. Ты сама писала: «и сны сочинял наяву...» Да, это моё ремесло...

7) Умею плавать, хотя не очень хорошо.

8) Рост у меня — 176 сантиметров.

Глаза — к сожалению — зелёные.

9) Бродить по улицам под дождём? Женя, дорогая — ведь это мой любимый способ провождения свободного времени! Без всякой цели, разумеется. Ах, вижу, что не только в поэзии много общего у нас...

10) В бессмертие души, конечно, верю. Потому что — как поэт необычный Булат — «надо очень верить...»

11) Сны снятся непрерывно. О них — в следующем письме...

12) «Мастера и Маргариту» читал я многократно. Ты ведь знаешь...

13) Летающие объекты видел три раза в жизни — в Варшаве, и во время последних каникул — на острове Волин (я туда ежегодно уезжаю).

14) Прозу писал (даже роман), пьесы тоже. Но всё это в рукописях. А поэзия — это самая главная королева...

Ну, что ж, Женечка? Хватит?

Расскажи теперь о себе — уже без никаких вопросов, ведь Ты знаешь, в чём дело.

Телепатия, нет ли?

Мы ясновидцы, но всё-таки — пиши... Без Твоего письмаца — нет меня на белом свете. Бог только знает, что со мною сейчас происходит... Пиши — это великая просьба, это горячая мольба Твоего поляка — верного навсегда — который хочет сказать Тебе теперь тоже «непонятное что-то», как *servus reginae* у Блока — я бы хотел, чтоб — когда Ты рано утром откроешь свои чудесные глаза, Женечка — это письмо сказало Тебе: *Dzien dobry!* ...

До свидания, моя цыганочка — Твой Кшись.

P. S. Ах, спасибо за «Сон Кшися»!!! «Сон Жени» — уже в подготовке. Жень, я в «Тени наших любимых» включаю Твои стихи. Кроме того, я решил перевести их очень много — почти все — а потом — прямо в издательство! И книга Твоих стихов будет — в Польше! Я уже разговаривал об этом с издателями. Они согласны — а как же нет?!

Ах, Женечка...

Милая — «Тени» во второй половине 1980 года будут уже в продаже. Издательство *Lodzkie*. (...)

Евгения — Кшиштофу

Москва, 6. 01.1980. День ангела Евгении

Здравствуй, Кшись!

Сегодня день моих именин, но ты об этом, конечно, не знаешь и, поэтому, я позволю себе смелость поздравить себя от твоего имени и пожелать себе новых стихов. Чего же ещё? Праздники похожи на весёлый рождественский пирог с начинкой из грусти.

Как ты, наверно, уже успел заметить, я — человек, созданный для радости, и умею находить радость там, где её не видят другие. Но бывает, что на меня нападает такая тоска!

Как будто в душе образовалась зияющая пустота, куда уходит жизнь. Герман Гессе называл это «чёрными днями духовного умирания». Отчего это, Кшишь? Часто такое состояние бывает после праздников. (...) Но пора перейти к вещам более весёлым. В этом году я не давала себе обещания начать 1 января новую жизнь, а просто надеялась, что новая жизнь всё-таки сама начнётся. И она, действительно, началась приездом гостей из Дагестана, нагруженных винами и фруктами. Этим летом несколько молодых поэтов (и я в их числе) по поручению журнала «Юность» (с которым ты уже лично знаком) и по приглашению знаменитого дагестанского поэта ездили в Дагестан. Мы должны были познакомиться с литературной молодежью этого края. Дагестан — небольшая, но удивительная страна, куда умещаются и Кавказские горы, и Каспийское море (самое одинокое в мире!), и великое множество национальностей и языков — настоящее вавилонское столпотворение! Почти каждый аул говорит на своём языке и славится каким-нибудь ремеслом. Итак, представь себе: над головой горные орлы, под ногами горные реки, на склонах пасутся облака, по небу ползут стада (то есть наоборот, разумеется). Алые маки. Древняя крепость в Дербенте. Народные песни. Стихи до утра. И наши новые знакомые — молодые поэты. Горцы. Горячие, гордые, темпераментные, самонадеянные, застенчивые, лукавые, ранимые, наивные, мудрые, влюбчивые, любящие прихвастнуть — а кавказское гостеприимство имеет размах, достойный кисти больших мастеров. (...)

Так началась моя деятельность переводчика. (хотя первое стихотворение — Перси Биши Шелли — я перевела с английского в 15 лет). Я переводила с аварского, кумыкского, лакского, лезгинского, даргинского и даже табасаранского! Правда, увы, не могу похвастаться, что я стала полиглотом, потому что переводы мы делали по подсочникам. (...)

Твои стихи разбираю со словарём (он уже служит мне вместо подушки). Первым делом перевела, как ты, наверное, уже догадался, стихотворение «Ахматова».

Пока, Кшишь. Е.

КШИШТОФ — ЕВГЕНИИ

Варшава, 10.01.1980

Пока что — несколько слов. Большое письмо всё пишется и пишется. Без конца и края...

ЖЕНЯ, здравствуй. Я это в автобусе пишу, потому и прошу прощения: я знаю — ужасный сегодня мой почерк. Совсем не калли-

графичен! Ну и что ж? Я просто до сих пор не дождался ответа — и пишу — а что мне, ради бога, делать в таком случае?! Как мне быть, не знаю.

Милая, я уже перевел ВСЕ Твои стихотворения из писем. Я всеми заморожен (...), но «Красный конь» — это стих — феномен. Самая фантазия, самая истина, самая жизнь. Нет названия для него. Но ведь между колдунами разговор...

А знаешь? Мне тоже приснился красный конь — а этот сон был цветной. Теперь и Ты вошла в мои сны, как и в жизнь... (...)

Ах, почему так грустно? Женя, я пришлю Тебе все переводы (потом, в перспективе, тоже напечатанные в наших журналах) — а Ты, прошу, перепиши мне этот стих, который окончен словами: «стал долгим день — стал кротким зверь и серым зайца мех». Правильно ли я написал? Очень мне это всё нравится, поверь мне, но я, дурак, потерял где-то этот Клад — эту «Юность», Твою «Юность» (кроме Твоих произведений ничего там не было — это мой твёрдый суд). Ей богу, верь, я уже писал об этом. Итак, пришли, Женечка, этот стих — и множество других.

Это воздух для меня, это жизнь...

Вот и сегодня всё — мне нужно сойти на следующей остановке. (...)

Ах, Женя, Женечка... Жди моего письма и, разумеется, «жди меня, и я вернусь...» (...)

Ну, пора кончать это «письмо с пунктиком» —

Шлю привет — целую — жду — и дождаться не могу. Твой совсем уже сумасшедший Кшись.

ТА ВЕСНА

Та весна за нами мчалась, как во сне,
Тёплый ветер нежил мир своим дыханьем.
Девочку стеклянную подарили мне —
С той поры мой страх — страх разбить касаньем.
Осень зелень вешнюю всю спалит дотла,
Пасмурно одёрнет окриком суровым.
Девочка стеклянная у меня была —
С той поры мой страх — не убить бы словом.
Осень, одряхлевшая, напоследок зла,
Тучи безысходные над душой нависли.
Девочка стеклянная у меня была —
С той поры мой страх — не убить бы мыслью.
Ведь я думал — ночи ясны, как весной,
Рядом звери кроткие, небосвод огромный.
Лев с багряной гривой там играл со мной,

Дева в белом пламени мне шептала: «Помни».
Где ж те ночи ясные? Где расцвета дни?
И куда идти теперь сквозь колючий воздух?
До свиданья, девочка, спи-усни...
Может быть, с тобою мы встретимся на звёздах.

Евгения — Кшиштофу

Москва, 13.01.1980

Здравствуй зеленоглазый Кшись!

Зелёные глаза — это прекрасно. Зелёный цвет — цвет надежды.
И моря, и леса. (...)

Зелёные (как крыжовник) глаза были у Марины Цветаевой. Так что, Кшись, «один огонь тaitся в непокорных — на дне зелёных в зените — чёрных». (...)

Всё-таки я должна сама ответить теперь на свои же вопросы.

Сначала расскажу о своем местожительстве. Люберцы (интересное название, правда? Я считаю, что оно происходит от слова «любовь») — это пригород Москвы (40 минут езды до центра). Сначала под Москвой был построен огромный научно-исследовательский Институт горного дела с колоннами, как у Большого театра, только без Аполлона наверху (теперь этот стиль называют «архитектурными излишествами»), а вокруг несколько жёлтых трёхэтажных домов с башенками для громоотвода (в детстве я мечтала жить в такой башенке). Потом Москва стала расширяться и расползаться, превращаясь в мегаполис; везде повыврастали серые коробочки стандартных домов, и Люберцы оказались обычной окраиной города вроде Юго-Запада или Черёмушек. Неподалёку, к счастью, сохранился небольшой дачный посёлок (ещё с дореволюционных времён) с красивым парком и крошечной речкой Пехоркой. А там, где кончаются дома, лежит клеверное поле, за полем — лес. В лесу находятся песчаные карьеры, где добывается кварцевый песок для изготовления оптического стекла. На дне карьера образовалось озеро, и получился прекрасный пляж с жёлтым и даже совсем белым (как сахар) песком. Вокруг растут сосны, пейзаж напоминает побережье Балтийского моря. Летом здесь отличное купанье, а зимой прекрасные горы для катания на лыжах. Как видишь, я росла под боком у Москвы (родилась-то я в Марьиной роще), но не в сутолоке столичной жизни. В детстве я любила Алису в Стране Чудес и Короля Матиуша I, трёх Мушкетеров и Мифы Древней Греции. Мороженое и леденцы. Каникулы и поездки к Чёрному морю (Ах, Кшись, ты обязательно должен побывать там! Путешествия — удлиняют жизнь). Плавать (в воде я ощущаю всеми клетками безграничную радость — и чувствую,

что мы когда-то, правда, вышли из моря) и шататься по улицам под дождём. Рисовать и сочинять истории. Мастерить кукольный театр с друзьями и выпускать рукописный журнал «Горизонт» с братом. Первое стихотворение (точнее второе, а самое первое было написано в 5 лет) пришло ко мне под четырнадцатый Новый год. (...) Но тогда «душа моя, свернувшись в кокон, ещё в бездействии спала». После школы был Университет — философский факультет (не удивляйся! Пастернак тоже учился на этом факультете). Тяжёлые фолианты — Ницше-Шопегауэры-Гегели-Канты. Но любимым изречением стало сократовское: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Занималась я в основном эстетикой, писала курсовые работы о языческих верованиях древних славян, художественной критике Дидро, эстетике Толстого. Стихи продолжались, и в один прекрасный день они нахлынули на меня такой лавиной, что все лекции, конспекты, экзамены оказались где-то далеко, философия превратилась в служанку Поэзии, а я оказалась перед фактом, что я поэт. Так что нельзя сказать, что это я выбрала поэзию, пожалуй, это она меня выбрала. Я стала ходить в университетскую литературную студию. Вообще, у нас огромное количество литературных кружков, объединений, студий, семинаров, совещаний и т.д. и т.п. (а литературных друзей, к сожалению, мало, пишут почти все, а настоящих поэтов, увы...) Потом я отнесла свои стихи в журнал «Юность» (это те, которые ты читал) и их напечатали. Стихи мои стали печататься и в других журналах. Прошлой зимой я отнесла в издательство рукопись книги. Её обещали поставить в план на 1982 (!!!) год. Такова вкратце внешняя сторона моей жизни, узнав которую, ты, по-моему, ровным счётом ничего обо мне не узнаешь. Да, самое главное — рост мой 162 см (без каблучков), глаза — карие.

О снах, бессмертии души и Неопознанных летающих объектах надо писать отдельное письмо. (...)

Моя книга в Польше? «Не искушай меня без нужды». Это из области снов и сказок.

Ночами у нас так холодно — деревья в инее похожи на белые кораллы, а мы — как рыбы в подводном царстве.

Ну что ж — до следующего свидания, до следующего письма, зеленоглазый Кшись!

А обо всем остальном ты уже сам сказал: «А ты, что в мире дальше всех, всех ближе».

P. S.. Один ма-а-аленький вопросик — о чём твой роман? Е.

Продолжение следует

Евгений Эдуардович Лесин — российский поэт, критик и журналист.

Родился в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов.

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1995 году.

С 1995 года работал в газете «Книжное обозрение», с 2002 года — в «Независимой газете».

Ответственный редактор литературного приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris».

Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов Москвы, Русского Пен-клуба, Московского городского отделения Союза писателей России, редколлегии журнала «Юность».

Лесин является одним из экспертов развития современной отечественной литературы.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Наш сложный многополярный мир.

Научный трактат

В России всё хорошо. Нами правит Хорошая власть. Во имя и на благо всего народа.

Но жить в России трудно. Потому что иногда нами правят Злые либералы. Злые либералы правят руками продажных Олигархо-чиновников (иногда даже крупных).

Хорошая власть успешно борется с Олигархо-чиновниками, но побеждают Злые либералы.

Потому что на их стороне Коварный Запад, которому Злые либералы верно служат, хотя, конечно, в любой момент предадут.

Правда, такой момент никогда не наступит, потому что у них одни интересы — вредить России.

Но у нас есть Друзья. Но они слабые. К тому же иногда они нам не друзья. Но и наши Враги не всегда нам Враги.

Наш сложный многополярный мир очень прост. Надо только быть на стороне мира и добра и убивать всех плохих. Потому что мы попадем в рай, где будут маршировать гурии.

Да мы и сейчас в раю. Просто сейчас в нём живут Злые либералы. Но мы победим. Наше дело правое. Потому что мы — левые.

Поясню на простом примере. Плохую Пенсионную реформу придумали Злые либералы. Но на самом деле она хорошая, только Власть не знает, что где-то в Недрах её исказили продажные Олигархо-чиновники.

Значит, нужно скорее уничтожить или продать Недра.

Лучше уничтожить — чтоб они Врагам не достались.

И тогда будет всем Счастье.

Хотя его, скорее всего, украдут Злые либералы.

Их мало и их никто не любит, вот у них всё и получается. А мы хорошие и всем верим. А верить нельзя никому. Кроме Друзей, конечно, которым нельзя верить в первую очередь.

Вот сколько открытий чудных может совершить пытливый ум, если не бухать почти месяц.

Слава России, героям России слава.

Ворона каркнула «невермор» во всё воронье горло.

И её разоблачили.

Очки и КГБ

Оказывается, всё неслучайно. Ещё в 1934 году четверо учёных — Ягода, Ежов, Берия и ещё один, чья фамилия мне неизвестна, знаю только, что звали его Иосиф — придумали комбинацию. По уничтожению русской интеллигенции. Чем-то она им тогда не понравилась. Может, они и были — тогда, разумеется — правы, но, как выяснилось, программа действует до сих пор. А заключается она вот в чём.

К русскому интеллигенту (далее РИ) приставляется специальный агент КГБ (ну, или ЧК, или ГПУ, или как там они ещё называются). Так вот данный специальный агент (далее СА) всюду ходит за РИ. Незаметно. Когда РИ, устав от напряженного умственного труда, на карачках вползает к себе в квартиру, СА проникает вместе с ним. Подчеркиваю, незаметно. РИ мирно затихает беспокойным и беспробудным сном, аккуратно положив очки НА ВИДНОЕ МЕСТО. Таков характер РИ: даже мертвецки пьяный, он всё равно аккуратно положит очки на видное место. Так вот, пока РИ безмятежно спит, СА перекладывает его очки с ВИДНОГО МЕСТА куда-нибудь... подальше. На балкон под портрет Исаака Ньютона, в морозилку, за томик Батюшкова или ещё куда. Далее СА незаметно — да-да! незаметно! — исчезает.

А утром начинается всем знакомое:

О, святые Кант и Гельвеций! Куда ж я вчера очки-то задевал? О, родненькие вы отчики мои Илья Резник и Роальд Мандельштам! Где же мои очки? Куда я их вчера сунул? И т.д. и т.п.

Винит и корит себя РИ, а зря. Все проклятая ежовщина и кровавая гебня. Они, гады, очки-то перепрятали, специальный агент.

Вот. А вы как думали.

Список безотлагательных мер по окончательному решению московского вопроса

Недавнее ковровое благоустройство автобусных маршрутов мера, безусловно, нужная, но явно недостаточная. Сказали «а», говорите и «ёклмн». В связи с чем предлагаю следующее.

Упорядочить названия станций московского метрополитена. Расположив их не как попало (как раньше), а строго по алфавиту: не «Планерная», «Сходненская», «Тушинская», «Щукинская» и пр., а «Баррикадная», «Беговая», «Волгоградский проспект», «Выхино»... etc.

Аналогично и с названиями автобусных и трамвайных остановок. Ну как так можно, право: «Зацепская площадь», «Метро «Павелецкая», «Вишняковский переулоч», «Метро Третьяковская», «Метро «Новокузнецкая», «Комиссариатский мост», «Яузские ворота»...

Любой же запутается! Надо, разумеется, упорядочить названия, расположив их тоже по алфавиту: «Вишняковский переулоч», «Зацепская площадь» «Комиссариатский мост», «Метро «Новокузнецкая», «Метро Третьяковская», «Метро «Павелецкая», «Яузские ворота» и т.д.

Любо-дорого глядеть, и всем понятно. Нацпредатели России и Москвы, могут, конечно, поднять вой: названия остановок, мол, не соответствуют названиям близлежащих улиц и станций метро. Что ж, всё продуманно и в данном пункте. Надо все названия всех столичных улиц, бульваров и переулков тоже поменять. Для удобства москвичей и по просьбам пассажиров. Улица Реновации, площадь Благоустройств, переулоч Улучшений. Да, таких правильных, отражающих самую суть Москвы названий мало. Ну так пронумеруем их! И на Западе могут изобрести кое-что правильное. 127-я Плиточная, 44-й Какпохорошеловский тупик...

Ещё один аспект. На каждой улице номера домов одинаковы. Как тут не заблудиться? Каждый дом должен иметь свой, уникальный, в то же время простой и понятный номер. Например: 24Бла7зел. Любому же очевидно, что речь идет о следующем адресе: 24-я ули-

ца Благоустройств, зелененький дом. Последнее время участились случаи капитальных ремонтов. И дом могут перекрасить. Ничего страшного, переименуем и дом.

Вернёмся, однако, к транспорту.

Некоторые, особенно наблюдательные москвичи могли заметить, что автобусы чаще всего ездят по двое-трое. То есть, то ни одного автобуса маршрута 47ЖопаЕ 2, а то сразу несколько. Тенденция верная, но надо её упорядочить. Автобусы должны приходить на конечную остановку в 6 часов утра, в 1 час ночи и в 2 часа ночи (специалисты-аналитики портала нашего сайта выяснили, что именно так пассажирам удобнее). Но сразу 30.

Клеветники снова могут поднять вой: дескать, не все они будут полными. Мы и здесь всё продумали. В первом автобусе колонны будет бассейн, во втором каток, в третьем портреты Руководства (для обожания и чинопочитания; пускать в данные автобусы будут не всех, а только по спецпропускам), в четвёртом Фестиваль карнавалов, в пятом Карнавал фестивалей, в шестом бутик элитного дерьма...

Нам опять могут возразить. А как же антиковидные меры? И они продуманы и учтены! Конечно же, никакие санитайзеры в автобусах не нужны, их лучше и из метро убрать. Зато надо установить везде турникеты, которые будут измерять температуру, рост, степень лояльности гражданина и пассажира и пр.

Что ещё? Вот несколько мелочей навскидку, для затравки, для будущей плодотворной работы специалистов-аналитиков.

Открыть уже наконец (сколько можно ждать! население безмолвствует, но волнуется!) «Бабушкинско-Домодедовскую» линию метрополитена. С единственной (многоуровневной, повышенной комфортности) станцией — «Внуково».

Не восстанавливать на Лубянской площади памятник Железному Феликсу Дзержинскому, а просто приварить его левую (прозападную) часть к памятнику Петра Первого (прямо на палубу), а правую (патриотическую) — к скульптуре маршала Жукова (рядом, на лошадь) .

Запретить слово «Хайдеггер», повсеместно заменив его синонимом «Ясперс» (данный пункт является, очевидно, начальным в структуре Поголовной реформы русского языка и культуры) .

Идей, как видите, много, главное поскорей бы внедрить их все. За дело товарищи.

ИЗ ЦИКЛА «ПРИРОДА ДОБРА»

Доступно всем

Прислали «приглашение на мероприятие», цитирую: «Цена: бесплатно ... Начало в 19:00, вход 300 р.» Понятно, что я к ним не пошёл бы, даже если б они платили мне, но какова же красота игры!..

Лучшая песня всех времен и народов

Слов не помню, конечно. Но мелодия такая: ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Природа добра: война вакцин

Читаю в новостях: «... число летальных случаев после применения вакцины от коронавируса Pfizer значительно выше, чем после использования вакцины от AstraZeneca» И далее, в следующем же предложении: «Об этом говорится в докладе AstraZeneca».

Ага, кто бы сомневался.

Давайте тогда уж хотя бы почитаем доклад Pfizer.

Или там сказано то же самое? Сомневаюсь.

Побочный эффект

А у меня теперь каждое похмельное утро очень странный побочный эффект от прививки: похмелье.

Ощущения непередаваемые.

Красота музыки и пения

Наверное, у вас во дворе то же самое. Так что начало моей трагической истории вряд ли вас удивит. Итак, каждое утро в 7 часов под окном начинают стричь траву. Убивая московское разнотравье, уничтожая всё живое. С жутким и диким воем и грохотом. Потом приезжает танк. Или бульдозер. Начинает... поливать. С ещё более бешеным визгом, лязгом и надрывом. Что они там поливают — загадка. Почему для поливания нужно 200 человек и несколько танков и бульдозеров — тоже. Раньше хватало одного тихого дворника со шлангом. Впрочем, поливают они только, если идёт сильный дождь. Так вот, полив пустоту под проливным дождем, одни танки уезжают, приезжают другие. С ними батальоны бандитов. Они что-то копают, сносят, рубят, вырывают с корнем. Стратегия и тактика выжженной земли, короче, благоустройство. Да такое, что ни камня на камне, ни травинки на травинке. Ну да ничем вышесказанным вас не удивишь.

Но.

С недавнего времени из гаражей (осталось у нас во дворе два гаража) стали доноситься ещё более истошные звуки. Где-то там поселилась оперная певица. Или ходит туда починять машину, не знаю.

О, как она вопит, как визжит, как поёт, как лязгает!..

Она может перекричать даже танки и бульдозеры. Слава тебе, Оперная певица. Слава тебе, Луженая Глотка, восторг любви и сострадания ты приносишь мне. Поёшь ты мерзко, конечно, как все оперные певицы, но, Господи, какая у тебя все же божественная, нечеловеческая музыка художественного крика.

Ты только не пой, когда моджахеды уже уходят, когда танки и бульдозеры их уезжают. Не надо, солнце моего сердца, беговая дорожка моей души.

На улице Охреневшего

Проснулся неведомо где. Бреду незнамо куда. Подходит какой-то придурочный:

— А где здесь улица Охреневшего, 2007?

— Я-то откуда знаю...

— Там психоневрологический диспансер.

— А... так бы сразу и сказал... ну, видимо, где-то тут.

— Спасибо, родной.

Он обнял меня и ушёл, счастливый.

Хороший писатель

Пошутил я тут шутку в одном тексте. Шутка, казалось бы, пустяковая. Но сейчас прочёл, и смеялся, чуть не до слёз. До сих пор вспоминаю и улыбаюсь. Вот, значит, какой я хороший писатель.

Такова природа добра и шутивых шуток.

ЗК Баширов и Петров ЗК...

Как там у Высоцкого? ЗК Баширов и Петров ЗК...

Изящно сформулировал Владимир Семенович.

Искусство заголовка

Читаю в новостях: «Известная 39-летняя актриса ждёт второго ребёнка». Ну, видимо, из школы ждёт, первый-то уже пришёл, а, может быть, даже и закончил школу.

Но всё равно: искусство заголовка работает. Хочется же узнать, какую, никому не известную актрису, они назвали известной. Там ведь могло быть что угодно:

Известная актриса ждёт у моря погоды

Известная актриса ждёт сына любовницы из тюрьмы

Известная актриса ждёт открытия винных отделов магазинов

Известная актриса ждёт, когда же наконец придет настоящий день и уйдет Сами Знаете Кто

и т.д.

Дело не в том, чего она ждёт. Дело в том, что любому хочется узнать, кого же они назвали «известной актрисой». Была бы в самом деле известной — хватило б имени и фамилии.

Короче, сработало, молодцы. Искусство заголовка.

Природа добра: как теперь надо писать статьи

Примерно так:

«С криками «Неизвестно кому акбар» человек неизвестного пола, национальности и должности открыл стрельбу, врезался в толпу детей неизвестных национальностей, полов, должностей и возрастов. А также взорвал мавзолей, где лежало нечто неизвестного пола, национальности и должности в рамках борьбы с насилием, пропагандой лгбдсм и в целях пропаганды крым-лдрнр и установления мира в регионе, куда наши войска не входили, никогда не войдут, и к тому же уже ушли. Что безусловно может не привести к новым запретам и ограничениям, и, кроме того, не скажется на повышении цен на всё, включая товары. Улучшения по просьбе населения никого не коснутся, теперь жить станет ещё лучше, а умираем по-новому, попадая в рай, в отличие от невакцинированных, которые просто сдохнут, заплатив административный штраф до двух лет, включая всю семью родственников неизвестных национальностей, полов и должностей. Обо всём подробно сказано на нашем сайте, сбой в работе которого длился совсем недолго, и скоро некоторым группам что-нибудь когда-нибудь вернут, если они не оскорбят чувства верующих, причиняя моральный вред скрепам, созданным лицами, выполняющими функции иностранного агента кремля и окрестностей...»

И т.д.

И т.п.

Ну, или как-то похоже.

За всем не уследишь.

В глазах смотрящего

Верно говорят: красота в глазах смотрящего.

А как иначе? Он ведь авторитет, да ещё, возможно, и общаком ведает.

Краса красот

Вот где подлинная краса красот: «Из ликвидируемого имущества удовлетворяются прежде всего долги, возникшие в связи с деятельностью ликвидатора по ликвидации» (ГПК РСФСР, 1948) .

А вы говорите.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

Приходил матерый газослесарь.
Вам, сказал, нужна на кухне дверь.
А иначе вас мы расстреляем,
Кошка Исаак сойдет с ума.
Кошку, говорю, конечно, жалко.
Жалко очень кошку, говорю я,
Так и быть, заказываю дверь.
Дверь мне продавали в интернете
115 тысяч порносайтов,
Продавали дверь остервенело
Жулики, бандиты, подлецы.
Дверь, сказали, вам досталась даром,
Только будешь сам её тащить.
Прямо из Пекина. В телефоне
Жди, сказали, тысячи звонков.
День сию, четыре, 28,
Каждую минуту — 100 звонков.
Под окном орёт, истошно воя,
Хмуρο пляшет кошка Исаак.
Менеджер звонит из Кишинева,
Там у них гнездо и телефон,
Менеджер звонит, кричит на кошку,
Слесарь забинтованный лежит.
Кошка Исаак его кусала,

Так ему и надо, хорошо.
Хорошо в столице...
Чу!
Сигналят!
Дверь мы привезли, они сказали,
Мы уже почти у самой МКАД.
Тут у вас шлагбаумы повсюду,
Будем пробираться через лес.
Надо вам купить весло и гвозди,
Молоток и длинное сверло,
А ещё шурупы и ножовку,
Ведро, мясорубку и топор,
И мешки, конечно, почернее,
48 тонн гипсокартона,
Шило, маслобойку и верстак.
Трупы мы, наверно, на балконе
Сложим, как положено, вприсядку,
Значит, пригодится и цемент.
Только вы уж сами покупайте,
Сами все таскайте, да и дверь
Сами устанавливайте, сволочь,
Мы у вас лишь деньги заберём.
И ещё чего-нибудь сломаем,
Где-нибудь нагадим и насрем.
Вот же, говорю, спасибо, братцы,
Счастье, ты приходишь в каждый дом.

2 июля 2022

Екатерина Богданова родилась и живёт в Москве. Адвокат, поэт, журналист, фотограф.

Член Союза писателей России и Союза охраны птиц России.

Автор книги стихов «Клюв» (2012). Стихи публиковались в журнале «СРЕДА», газете «Экслибрис» (литературное приложение к «Независимой газете»), альманахе «Новая кожа», электронных журналах TextOnly, Prosodia, «Полутона», «Формаслов».

ПОЛНОТА БЫТИЯ В КОТЕ

* * *

Не верь котам! Они поели дважды,
В то время как хозяин голодал,
Пока мечтал, что как-нибудь однажды
Он за картошкой спустится в подвал.

Не верь котам! Они непостоянны,
Они то захотят, то расхотят.
Когда они запрыгивают в ванну,
То после смотрят, мол — топил котят!

Не верь котам! Они вчерашней ночью
Тебе хвосты засовывали в нос,
Не говоря уже о всяком прочем,
Вот там, к примеру, раньше фикус рос.

Не верь котам — они тебе не верят:
Когда ты утром выйдешь за порог,
Они считают, что стоишь за дверью
Весь день, как бдительный сурок.

Не верь котам, не верь, довольно, хватит!
Не слушай никогда кошачью ложь!
Они тебя облепят на кровати
И на работу ты сегодня — не пойдёшь.

* * *

ну, кот, отдаю тебе соль
будь ласков, прими эстафету
ты помнишь, что жизнь это боль
и далеко не конфета

возьми, кот, и верен ей будь
она тебе спутник до смерти
у вас будет сладостный путь
в солёной земной круговерти

смотри, береги её, кот,
усами солёными порскай
с ней часом покажется год
и пухом земельная горстка

* * *

где у котов находится урчальник?
когда наступит осень? кто такой Джон Галт?
был теплоход, однажды он отчалил
пальнул из пушки в берег наповал

какой сегодня день — четверг или суббота?
в морях дрейфуют кошки, вот те раз
и хочется сказать: «так хочется чего-то»
и загулять вдоль старых теплотрасс

и снова пустота на месте потаённом
под хвост опять попали две пятьсот
возможностей, и больше компаньоном
не стать. Да вот же он, смотри-ка, Нина, кот!

* * *

человеку кот необходим
ну а человек коту — наоборот, не очень:
кот везде всегда один
кот показывает, что не полномочен

называть кого-то «господин»
человек тосклив и нелюдим
кот не меньше нелюдим, но весел
он уже давно всё взвесил

и решил: мы людям не дадим
ничего того, что им сметанно и желанно
мы накакаем им прямо в ванну
на планы их не поглядим

человек, как сука, пошло ноет
у кота в запасе есть иное
кот пожил и умер, и ему
всё равно, зачем всё так и почему

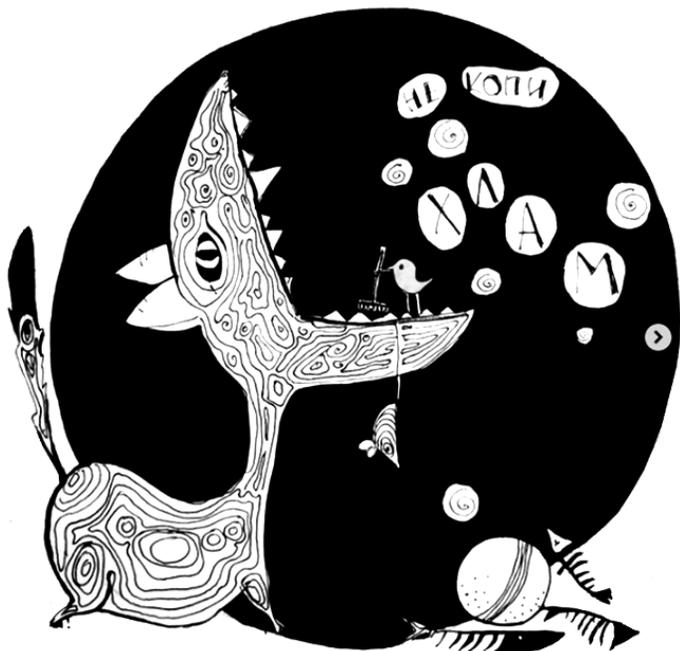

Рисунок Светланы Ринго

ГОРОД

(взгляд с высоты 86-го этажа)

Город — как же много нагорожено
здесь разнокалиберных домов!
Город весь опутан, как положено,
паутиной улиц и дворов.
Город — высота и многоярусность
от глубин земли до облаков.
Город — красота и несуразности,
память поколений и веков.
Город — муравейник суетящийся,
весь и ночью в сон не погружён.
Столько окон, до утра светящихся!
Столько дела и безделья в нём!

Перевидели немало судеб
камни этих мостовых и стен!
Город к деловым и к безрассудным
равнодушен и безжалостен!
Город — чьи-то взлёты и падения,
чаще тех, кто стать великим мнит.
Только безразличны к мельтешению
кирпичи, булыжники, гранит.
И в толпе здесь бродит одиночество,
тщётно ищет для души приют.
Здесь тебя по имени и отчеству
только единицы назовут.

Да и то не каждого, пожалуй.
Быть песчинкой — большинства удел,
просто жить, довольствоваться малым.
Тем, кто слишком многого хотел,
ожиданий город непокорный
не исполнит! Для чего ж тогда
кое-кто пытается упорно
«покорить» большие города?!

Город знал побед великих славу!
Что амбиций чьих-то пустяки!
Он стоит и смотрит величаво
в зеркало петляющей реки!

ВОРОНЬЯ ЛУНА *¹

Промозглый день. Пожухлая трава
ещё теплом весенним не согрета,
от плена снежного избавившись едва,
не ожила без солнечного света.
Двенадцать дней до первого апреля.
Застряли в тучах вешние лучи.
И из Москвы грачи не улетели —
зимуют в городе ленивые грачи,
всё бродят по раскисшему газону.
А дождь вдруг превратился в снег опять!
Тоскливо по-осеннему и сонно.
Весна ли это — птицам не понять!

Но полная луна пробилась вдруг
янтарным блюдцем! Ночью в мире сонном
волшебный свет свой разлила вокруг,
послав какой-то тайный знак воронам!
Так громко в предрассветной, зябкой тьме
они раскаркались! И это означало,
что в эту ночь пришёл конец зиме,
а для весны астрономической — начало!

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Ночь таинственно темна,
странных шорохов полна —
то вдруг стукнет по карнизу,
то похрустывает снизу,
будто маленькие гномы
быстро ходят возле дома.
Только гномов где найдёшь?
Это в марте первый дождь

¹Вороньей луной называют полнолуние в день весеннего равноденствия — в ночь на 21-е марта. По народным приметам, громкое карканье ворон перед рассветом означает конец зимы и начало астрономической весны.

с тихим шорохом идёт,
снег жуёт и лёд грызёт.
Он к зиме подкрался ночью
и напал, как хищник, — хочет,
захватив врасплох неслышно,
съесть её сугробов пышность.
Дождь всю ночь сугробы ел,
настом, льдинками хрустел,
под деревьями проталин
он вокруг стволов оставил.
Утро, радуя прохожих,
стало на весну похоже!

В НЕНАСТЬЕ

Сегодня, как серые мыши,
дожди заскребли поутру,
и ветки деревьев по крыше,
по окнам скребут на ветру.
Небесные своды, как губка,
впитавшая тонны воды.
Такая вот мокрая шутка
зловредной природной среды.
Размокли дорожки и грядки.
А с неба всё льёт без конца.
Пропитаны влагой, набрякли
перила, ступени крыльца.

На даче в такую погоду
весь день остаюсь не у дел.
Размокший избыток природы
порядком уже надоел.
Нахмурено небо сурово,
и птицы совсем не поют.
А город асфальтом закован,
удобства, комфорт и уют.
До станции два километра.
Так сыро, что просто плыву!
Как Чацкому, мне бы: «Карету!»
Но не из Москвы, а в Москву!

Грань между счастьем и печалью так хрупка!
У Счастья — беззаботность мотылька,
над озером любви — стрекоз полёт!
Над ним беспечный щебет птиц! Но вот
нежданный случай тучей грозовой
нависнет тяжело над головой,
и где стрекозы, птахи, мотыльки?
Накроет всё завесою тоски,
и стрелам молний грозно вторит гром,
а вместо счастья — жизни перелом!
Но тучу, даже если велика,
прогонит ветер. Только облака
останутся, воздушны и легки.
Снуют стрекозы, птахи, мотыльки —
беспечный прежде, мир опять таков!
И только Счастье — с тенью облаков...

ТОЛЬКО ЭХО...

В тот вечер, далёкий, метельный,
в засыпанном снегом краю
вокзальные ветры пропели
прощальную песню свою.
Отчаянье близкой разлуки,
метель, сквозняки, фонари...
Друг друга холодные руки
никак отпустить не могли.

Какая небесная сила,
забыв обещанья свои,
колдуньей-метелью кружила
слова о прощанье любви?..
В какие бескрайние дали
размечет ветрами судьбы,
ещё в этот вечер не знали,
событий слепые рабы...

... Давно этот поезд уехал.
За ним — то метель, то листва.
И только упрямое эхо
доносит всё те же слова.

Фонарь — словно памяти веха,
вокруг рой снежинок снуёт,
сквозь время из прошлого эхо
метельную песню поёт.

И годы ему не помеха!
В нём боль расставанья жива.
Былого далёкое эхо

СВОБОДА!

*С 2021 года необязательно ставить
в паспорте штамп о заключении брака,
штамп ставится только по желанию.*

Известие подобно взрыву мины!
Ликуй, ликуй, мужчин беспечных рать!
Уже не обязательно отныне
мужчинам в ЗАГСе паспорт «браковать»
и вписывать в многострадальный паспорт
рождённых в разных браках с ним детей!
Не дашь на то согласие и баста!
Из брачных проще выбраться сетей —
в них женщины мужчин поймать стремятся!
Кто выдумал, что слабый пол они?
Ни изб они горящих не боятся,
ни яростных коней, что мчат на них!
Мужчины им, что кони! Навсегда
захомутают штампами моментом,
чтоб не ходил налево никогда
или платил годами алименты!

Вот, наконец, ваш час настал, мужчины!
«Свободен» — нынче паспорт говорит.
Проблем семейных нудная рутина
пусть «в избах» синим пламенем горит!
Без штампа в паспорте любой девице можно
пустые обещанья раздавать.
Что дети? Неужели с ними сложно
тем, кто коней готов взбесившихся поймать?
Теперь мужчины могут жить спокойно,
детей на женщин оставляя всех подряд.
И дети — женщинам, и бешеные кони,
и избы, что с проблемами горят!

ИТОГ

В передаче «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»:
Ведущий: «Вы жалеете, что у вас нет детей?»
Артист: «Ну, во-первых, я ещё не знаю этого...»
Аплодисменты.

Горит оранжевый закат,
и день с людьми играет в прятки.
Всю жизнь пытался доказать,
что всё в судьбе моей в порядке,
твердил упорнее осла,
что было свыше нужно где-то,
чтоб ты, обидевшись, ушла
в ненастье позднего рассвета,
что было нам не по пути.
В судьбу поверили мы слепо.
Но про судьбу, что ни тверди,
всё так бессмысленно-нелепо!

Казалось, проще надо жить,
от постоянства мало прока!
И рвал недолгих связей нить —
без слёз, без боли и упрёков.
Себя как будто убедив,
наедине с собой тоскую:
напрасно, видно, упустил
тебя, как рыбку золотую.
Пусть даже прошлого не жаль,
укоры совести не мучат,
но ноль на что не умножай,
лишь ноль в итоге и получишь!

Итог приходится признать,
хотя б себе сказать открыто:
латать мне — не перелатать
судьбы разбитое корыто!

СОВЕТ

Строят дом, растят детей
люди, звери, птички.
У зверей, как у людей,
разные привычки.
Волк заботливо несёт
в логово добычу.
Лев — совсем наоборот,
Царь Зверей обычно
коротает свой досуг,
словно на диване.
Львицы сами принесут
детям пропитанье!

Но всех хуже, говорят,
белые медведи!
Папа может медвежат
на обед отведать,
на детей, голодный, злой,—
броситься в атаку!
Мать-медведица, порой,
с ним вступает в драку!
И какой судьбой детей
завершится стычка?
У людей, как у зверей,
разные привычки.

С кем судьбу свою связать,
выбор делай с толком!
Хорошо «Царицей» стать,
но надёжней — с волком!

Рисунок Светланы Ринго

Москвич. Поэт — неврифмист и минькатурист, писатель и публицист.

Член Западноевропейского отделения Союза писателей «Новый современник», Международного литературного клуба «ИнтерЛит», Международного союза писателей «Фракция Эпатажистов» и Сообщества Минькатуристов,

Главный редактор сетевого журнала «Речевые игры».

Представитель современного сюрреализма и основатель течения абсурдософии в литературном авангардизме XXI века. Лауреат различных литературных конкурсов.

Его произведения опубликованы во многих литературных журналах и сборниках.

АФОРИСТИКА

Человек — это эскиз, который никогда не завершится проектом, ибо основа человека — бого — бесконечность; а дальнейший сегмент пути от проекта до воплощения настолько мал, что человеку, уже раздвинутому до бесконечности — туда не вместиться. Так что «остановись, мгновенье, ты прекрасно!» так и останется всего лишь дьявольской моделью.

У людей всегда были хвосты и у Земли был хвост. Но почему-то их вдруг стали стесняться (и мы никогда не узнаем, когда именно это случилось). Главное, что хвосты перестали замечать, и говорить о них стало неприлично и поэтому считается, что их нет. Мы так убедили друг друга и самих себя, что хвостов нет, что в этом аспекте зрения абсолютно ослепли. Теперь никто уже не увидит хвостов даже при всем желании и даже не сможет определить их наличие никакими приборами, но на самом деле все мы хвостатые.

Все берега когда-нибудь сойдутся и мосты будут не нужны.

Кто обсуждает дела ночью — тот темнит.

Если ты наступил на камень, это еще не значит, что ты альпинист.

По нотам живут только те, кто не знает нот.

Жизнь — это речка, которую переходишь по камушкам, и вдруг один из камушков оказывается горой.

Не суди о корове по котлете.

Бывает, река замерзает быстрее, чем успеваешь смотать удочки.

Кто думает о минусах, тот их удлиняет...

Умножая связи, возводишь в квадрат бессвязность.
Формулировка — это убитая мысль.
Сила — в мелочах, слабость — в мелочности.
Чтобы поступать нешаблонно — надо хорошо знать шаблоны.
Чем обладаешь, то над тобой и возобладает.
Любая связанность ведет к бессвязности.
Жизнь — это выделение вожделения.
Однозначное толкование — это бестолковость.
Что нельзя обнулить — то удваивается и утраивается и так далее.
Хочешь не ошибиться — ошибись вдвойне, ибо две слившиеся ошибки становятся величиной.
Бога за нос не проведёшь, у бога нет носа, кроме твоего.
Хочешь вылезти из ямы — откопай яму в яме и вылезай из двух ям.
Букашке в угоду бог не меняет погоду.
Закрой глаза на смерть, пока ты жив, закрой глаза на жизнь, пока ты мёртв
Если Наполеоны на каждом шагу — будь Пушкиным... Если ты ещё не Пушкин — не пиши — два Пушкина не нужно...
Отделяй суть от суеты.
Хорошие мысли появляются только тогда, когда внутренний цензор не успевает за внутренним фантазёром.
Всё правда, когда всё хорошо, но неизбежный кризис вскрывает вечный обман.
За краями крайностей живет бескрайность.
Фантазию невозможно дофантазировать до конца, значит мысль нематериальна.
Кто прошёл одну дорогу до конца — тот прошёл миллионы и миллионы дорог.
Судьба зависит от твоей сути, но твоя суть не зависит от судьбы...
Прямая, сжатая в клубок, рано или поздно попадает в лапы коту.
Лягушка становится царевной только в сказке, а в жизни еле-еле из двух лягушек получается полцаревны, и то не всегда...
Путь, на котором всё путём — это иллюзия пути.
Мир создан для любви и любопытства.
Мир шире наших идей, поэтому наши идеи упорно пытаются сузить мир.
Идеи вечно стремятся к идеалу, а идеал вечно отдаляется от идей.
Нет больше на Руси певцов — остались только подпевалы.
Посмотри на мир иначе — и мир станет иным.
Движение — это риск, неподвижность — это риск неоправданный.

Желая не ошибиться, начинаешь просчитывать и просчитывать, и просчитывать и попадаешь в ловушку, ведь чем больше просчитываешь, тем больше шансов просчитаться.

Поэзию нельзя запрозить, прозу нельзя запозэить — искусство распалось.

Рисунок Светланы Ринго

ПАРОДИИ

*1. Вот хвоинка, вот льдистый хрусталик.
Харч души — не халва, не хандра,
Не харчо, не хурма, не сухарик,
А лишь свет — наполнитель нутра.*

В. Авдеева

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Все харчи в эту зимнюю стужу
Уберу в холодильник с утра.
Ни обед мне не нужен, ни ужин,—
Только свет — наполнитель нутра.
Подождут и балык, и белуга,
Бастурма, буженина и лечо;
За окном бушевать будет вьюга,
И потянутся рифмы о Вечном.

*2. Если свобода есть,
Если твой дом без крыши,
Если сума — пуста,
Надо ль взлетать повыше?
Истина — то проста.*

М. Деев

ДИЛЕММА

Если совсем без крыши
Дом, где живёшь счастливо,
Если все деньги вышли,
А жена терпелива,
Надо ль взлетать повыше
Иль по земле шагать?
Всё ж взлететь бы надо,
Крышу чтоб отыскать.

3. Вихрь кружится и вертится,
чтоб жару наподдать!..
В пути мне разувериться,
Пургу ли переждать?
Мой конь в овраг оступится,
сон поцелует в лоб,—
но степь, моя заступница,
откроет дверь в сугроб!

О. Бондаренко

БЕСПЕЧНОСТЬ

В заснеженной дороге
С коня в сугроб упал,
Очнулся я в берлоге,—
Медведь в ней зимовал.
Но степь, моя заступница,
мне помогла в пути,
с медведем чтоб не стукнуться
и ноги унести!

4. Дерзновенно я летал лучом
И кромсал проснувшееся небо.
Оживлял узоры площадей,
Нить дорог, дома, деревьев роты.
Заставлял проснувшихся людей
Попадать в объятия работы.

Н. Иодловский

ВОЛШЕБНИК

Я вчера почти всю ночь не спал,
У меня была одна забота,
Я, как лазер, небо рассекал,
Чтобы все попали на работу.
Но под утро, видно, так устал
Оживлять дома, деревьев роты,
Что впервые в жизни сам проспал,
Не попал в объятия работы.

5. Я пулей принял этот взгляд,
Почувствовав ожог.
Я, чтобы в цель вошёл заряд,
Мишень в груди сберёг.

Ю. Мурашкин

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

Для женщин я, как будто тир,
В груди моей мишень.
Для выстрелов — ориентир,
Пали, кому не лень.
Когда почувствовал ожог,
Был несказанно рад,
Местечко я не зря сберёг,
Был это твой заряд!

6. Я погрузился в грязи,
«Ессентуки» попил,
Теперь дорога в князи
Не только тьмы, а света.
Пыл пока владеет мною,
Я пьян от процедур.
Горячею водою
Усталость смыл и дурь.

Н. Иодловский

МЕЧТЫ С РАЗМАХОМ

В Москве не получилось
Усталость смыть и дурь.
В Ессентуках свершилось:
Я пьян от процедур.
И погрузившись в грязи,
Мечтаю о любви.
Дорога мне не в князи,
А прямо — в короли!

7. Аж взахлёб любил подругу,
Неказистую на вид.
И сарай на всю округу
Был скандально знаменит.

М. Грозовский. «Сарай»

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

В юности не до разбору.
Кровь горячая кипит.
Мнились феями в ту пору
Неказистые на вид.
Стал я мэтром именитым,
Посетил заморский край.
Но поныне не забыты
Лопухи и тот сарай.

8. И зрелость быстро промелькнёт,
Не оправдав предназначенья,
Оставив тени и сомненья...
И вот с коробочкой печенья
Уж старость тихо в дверь скребёт...

М. Ершова

ПОЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

Когда и зрелость промелькнёт,
Не поддавайся огорченью,
Что старость в двери поскребёт,—
Ведь не пустая, а с печеньем.
Спокойно госте дверь открой,
Достань припасы и соленья
И столик на двоих накрой,—
Уйдут и тени, и сомненья.

Коронер, или Растерявшиеся на свалке.
М.: Зebra E, Галактика, 2022

Писатель понял, что для
того чтобы не ты и кем
несомненно задел (обесед-
ника. А дело в том, что
душа — это таинственная
сущность странное обра-
зом связана с понятием
«жизнь». И если она у
каждого обрывает, факт
события душа берет на
себя — она болит и даже
порой — истекает кро-
вью. Писателю не тре-
бовалось это объяснить.
Он знал, как это болит,
и повторения не хотел.
Он несправил свое время
за то, что оно потеряно
повторение и сделало его
слабым и бедным. Теперь
ему хватало лишь боро-
ды, заливки. Как это
было... Зачем они умер-
ли? Ради чего? И все ста-
релось запомнить слова,
набитые на лезвие пилы
работы, поверя снах
татуированных тор: «Бе-
редь работу и нечи сво-
боду». Он знал также,
что, если петь жизни не
ваканил за рамки своего
ного, то она ничего не
стоит.

Вышла новая книга нашего автора – Валерии Шубиной. Некоторые рассказы, опубликованные в этом издании, были впервые представлены в нашем альманахе.

Герои этой книги по большей части не персонажи, не тени, не трикстеры (хотя есть и таковые), а герои в подлинном смысле, претерпевшие тяжелые испытания, совершившие подвиг жизни на том пути, который проложен им свыше. Прежде всего это те, кому выпала крестная мука тюрем и лагерей с каждодневной угрозой гибели, такие как Леонид Бородин, Георгий Демидов, и те, кто жил в напряжении труда, физического, мыслительного или творческого.

Если говорить о не героях, а персонажах, то здесь люди с чистой душой, но их не хватило на подвиг, – эта драма тоже подана с сожалением и любовью.

Есть и рассказы о собственной судьбе, которые очень открыто и смело входят в книгу Валерии Шубиной. Это искания публициста с риском для жизни и затем запретами на профессию ввиду сказанной правды. Это возделывание сада-микрорезерватника в Подмосковье по завету матери, – ученого агронома, ученицы академика

Прянишникова. Наконец, репортаж из собственной квартиры, попавшей под обстрел 1993 года, – страницы грубой неприязни и нежной любви.

Об одной из особенностей работы этого автора и впечатлении от некоторых вещей говорит письмо читательницы, которое Валерия Шубина предложила нашей редакции.

«Я начала читать.

Читаю книги я всегда с конца, где обнаружила «Коронера», потом читаю середину.

Но тут вышло по-другому. Я стала читать после «Коронера» «Коганы Когана, или Эхо контркультуры».

Самое большое мое удивление – Вы находите на Прозе ру интересных авторов.

А я давно с той публикой простилась – меня пытались воспитывать. И это было страшно.

Вдруг после долгого молчания я начала писать рассказ.

Я давно без компьютера, пишу в тетради. Наверное, это хорошо.

Спасибо Вам за книгу, которая словно открыла мои проржавевшие ворота» Елена Ительсон, Санкт-Петербург.

Вся прелесть этого письма в том, что в нем сказано о поступке и сказано метафорически. Стало ли это реальностью? Не знаю, – говорит автор «Коронера». – Наверно, это сюжет в духе Борхеса.

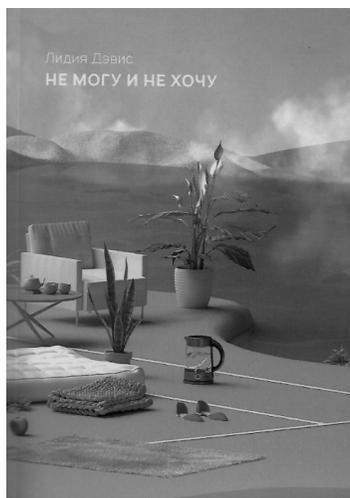
Мария Славоросова уже в детстве писала стихи, сказки, рассказы. Они печатались в газетах, коллективных сборниках, журналах «Первоклашка», «Детская школьная академия». Участвовала в литературных конкурсах. Студенткой она опубликовала в альманахе «Истоки» перевод сказки Элинон Фарджон «Седьмая принцесса».

После окончания института Мария стала работать учителем английского языка.

Она продолжала свою литературную деятельность и перевела книгу рассказов известной американской писательницы Лидии Дэвис.

Лидия Дэвис (р.1947) — мастер короткого рассказа и литературных эссе, а также переводчица французской литературы, Лауреат Международной Букеровской премии.

Проза Лидии Дэвис оригинальна, иронична, многозначна. Писательница пристально рассматривает странность и абсурдность реальности, весьма похожей на сновидение.

Лидия Дэвис «Не могу и не хочу»
перевод с английского Марии Славоросовой,
издательство «Найди лесоруба», Санкт-Петербург, 2021

ПЁСЬЯ ШЕРСТЬ

Нашего пса больше нет. Мы скучаем по нему. Когда в дверь звонят, никто не лает. Когда мы задерживаемся по вечерам, никто не ждёт нас у входа. Мы до сих пор находим клочья белой шерсти то тут, то там, по углам или на одежде. Мы собираем их. Надо бы их выбросить. Но это единственное, что осталось нам от нашего пса. Мы не выбрасываем их. Безумная надежда владеет нами — если наберётся достаточно шерсти, мы сможем заново сложить из неё. Нашего пса.

РАССКАЗ ПО КРУГУ

В среду с утра меня всегда будит шум с улицы. Я удивляюсь, что бы это могло быть. А это приезжает мусоровоз. Мусоровоз приезжает в среду с утра. Меня всегда будит шум с улицы. Я удивляюсь, что бы это могло быть.

УРОК КУХАРКИ (из Флобера)

Сегодня мне был преподан ценный урок, а наставницей послужила наша кухарка. Ей двадцать пять лет и она француженка. Я обнаружил, задав ей вопрос, что она не знает, что Луи-Филипп больше не король Франции и что Франция теперь республика. А ведь прошло пять лет с тех пор, как он оставил трон. Она сказала: обстоятельство, что он не является больше королём, ничуть не интересует — таковы были её слова.

И я считал себя умным человеком! Но в сравнении с нею я кретин.

НОЧЬ БЕЗ СНА (сон)

Мне не спится, я в чужом городе, в гостиничном номере. Уже очень поздно: два часа ночи, потом три, четыре. Я лежу в темноте. Что же не так? Может быть, мне не хватает человека, который спит со мной рядом. Я слышу, как где-то неподалёку хлопает дверь. Ещё один постоялец, несмотря на поздний час. Теперь я знаю, что делать. Я пойду к нему в номер и лягу с ним рядом, и тогда наконец-то мне удастся уснуть.

ФАКТЫ/ВОЗМОЖНОСТИ

Это мог бы быть наш пёс.

Но это не наш пёс.

Поэтому он лает на нас.

ФАКТЫ/ВОЗМОЖНОСТИ 2: на отдыхе

Это мог бы быть мой муж

Но это не мой муж.

Это её муж.

Поэтому он фотографирует её (а не меня), пока она позирует в цветастом пляжном платье на фоне старинной крепости.

ПЛОХОЙ РОМАН

Этот нудный, неудобочитаемый роман, который я взяла с собой в дорогу, — я всё ещё пытаюсь его осилить. Я возвращалась к нему уже столько раз, всегда заранее зевая и всякий раз обнаруживая, что он не сделался ничуть лучше, что он стал мне кем-то вроде старого приятеля. Мой старый приятель плохой роман.

ОВСЯНКА

Миску с горячей овсянкой накрыли с утра прозрачной тарелкой, и доньшко тарелки покрылось капельками конденсата: даже овсянка — и та тихонечко меняет по-своему окружающий мир.

НЕ МОГУ И НЕ ХОЧУ

Недавно мне отказали в премии из-за того, что, как мне сказали, я ленивая писательница. Ленивая писательница — это такая, которая слишком часто повторяется. Например, вместо того, чтобы написать «я не испытываю ни малейшего желания...» или «у меня сердце не лежит к тому, чтобы...», я всё время пишу одно и то же «не могу» или «не хочу».

НИЗКОЕ СОЛНЦЕ (сон)

Я студентка. Я говорю студентке помладше, танцовщице, что солнце стоит сейчас совсем низко в небе. Должно быть его свет наполняет сейчас пещеры у моря.

Алфавитный указатель авторов

Альтман Лариса.....	Персианов Игорь.....
Антонова Ирина.....	Пунжина Наталия.....
Бендрышева Маргарита.....	Пустовитовский Владимир....
Баклашкина Татьяна.....	Свирская Людмила.....
Богданова Екатерина.....	Семёнова Елена.....
Божор Наталья.....	Сенявский Кшиштоф Мария..
Божор Эмма.....	Серафимов Александр.....
Бочина Елена.....	Сергеева Ирэна.....
Варварица Инна.....	Скуратов Борис.....
Влодов Юрий.....	Славоросов Аркадий.....
Володарский Леонид.....	Славоросова Мария.....
Галечьян Валерий.....	Славороссова Евгения.....
Дэвис Лидия.....	Солдатёноква Дарья.....
Егорова-Нерли Ирина.....	Степанов Евгений.....
Зайцева Элла.....	Сулимова Ирина.....
Ивонин Андрей.....	Трегубова Нина.....
Исмиева Валерия.....	Тубольцев Юрий.....
Кебадзе Алексей.....	Ушакова Галина.....
Козлов Андрей.....	Хачумова Татьяна.....
Коллегорский Виктор.....	Чеботковаа Галина.....
Лесин Евгений.....	Шапиро Борис.....
Магов Николай.....	Шубина Валерия.....
Осокина Людмила.....	

14 выпуск альманаха «Истоки» за 2022 г. открывает избранная проза А. Серафимова с её драматизмом и чётко выписанными народными характерами.

Юбилеям двух русских поэтов Н. Некрасова и М. Волошина посвящены проникновенные эссе и графика И. Егоровой-Нерли. Её лирика с упоминанием Бессмертного полка удивительно переключается с нашим тревожным временем. Обширный и интересный материал посвящён памяти поэта Юрия Влодова.

Привлекают внимание яркие поэтические подборки Е. Степанова, А. Иволина, Е. Славороссовой, В. Коллегорского, Н. Магова и др. Кроме традиционной школы поэзии представлены разные стили — авангардистов, вплоть до визуальной поэзии. Опубликованы переводы недавно ушедшего из жизни поэта и переводчика со многих европейских языков Бориса Скуратова и ставшая историей переписка Е. Славороссовой с польским поэтом К. Сенявским.

Как всегда, свежо и разнообразно звучат голоса писателей и поэтов Петербурга. Новые имена калужских поэтесс открывают рубрику, там же статья памяти А. Хмелевского — новеллиста и «певца Грина». Представленная в альманахе проза разнообразна по жанру. Здесь и романтическая новелла «Сад» В. Шубиной и афганская хроника А. Кебадзе, лирические миниатюры Л. Осокиной и глубокие эссе Т. Баклашкиной, Н. Божор и Л. Володарского.

В альманахе представлены авторы из Чехии, Германии и Израиля.

Многие авторы из рубрики «Зри в корень», как и положено хорошим сатирикам, поднимают настроение читателю.

Составитель
Ирина Антонова

Обложка и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Рисунки
Светланы Ринго

Книжная графика
Фёдора Славоросова

Компьютерная вёрстка
www.verstki.net

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

ЛР № 061080

Контактные телефоны: 8-909-9655305, 8-903-1803787.

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E-mail: rifistoki@yandex.ru

Подписано в печать 14.09.2022. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 80 экз. Заказ 736.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

ISBN 978-5-00204-522-8

9 785002 045228

2021 **МАЛЬМАНАХ**
ИСТОКИ